КИР ЛУКОВКИН

ЦИТАДЕЛЬ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Рик хотел перейти на новый уровень — как и все дети Коммуны, достигшие двадцатилетия. Но встреча с загадочной незнакомкой из внешнего Пространства перевернула его жизнь с ног на голову. Теперь он мятежник и еретик, отправившийся в опасное путешествие, чтобы запустить Генераторы, найти загадочный Ключ и разгадать тайну великого Термополиса. Оценить книгу на Фантлабе — https://fantlab.ru/work845071

- Кир Луковкин
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
- notes
  - 1

Кир Луковкин
Код «Уран» / Цитадель

1

Бегун справа упал. Рику едва удалось увернуться. Перед глазами мелькнул хлыст с утолщением на конце, оцарапав щеку. Рик не остановился. Упавший был не жилец, и о нем следовало забыть, как о вчерашнем сне. Плющ утащит его в гнездо и спокойно переварит там, словно большую сонную муху.

Рик и еще пятеро парней продолжали Весенний Бег. Их стартовало десять. Десять претендентов, но в конце победит только один — самый сильный, самый опытный. Остальным здорово повезет, если к концу круга они доберутся хотя бы живыми.

Минуту назад они ступили в слепую зону — ту часть коридора, которая не освещалась ни дневными лампами, ни аварийными прожекторами. Зона сплошной тьмы. Рик натянул очки с ультрафиолетовыми фильтрами. И вовремя — прямо под ногами оказался древний, иссушенный скелет, покрытый лохмотьями. Оскаленные зубы сияли в зловещей усмешке. В черной глазнице копошилась здоровенная сколопендра. Рик легко перепрыгнул через преграду.

Бег продолжался. Бегом он назывался по традиции, доставшейся от предков, когда те действительно бежали по коридорам, стараясь преодолеть расстояние на время. Старая забава, родившаяся во времена, когда человек мог позволить себе свободно гулять по всем коридорам без опаски. Но те времена давно прошли.

Претенденты двигались быстрым шагом. Каждый имел право преодолевать дистанцию так, как хотел. На любой скорости. Главным правилом Бега было одно: не останавливаться. Пока соперники держались кучно — слишком велика была исходившая отовсюду опасность. Но когда слепая зона закончится, и они преодолеют Галерею, начнется настоящая борьба.

Рик намеренно дал соперникам фору. Берег дыхание. Взяв средний темп, он жадно осматривал простиравшееся вокруг пространство. В повседневной жизни ему никогда не удалось бы увидеть то, что скрывали за собой толстые заградительные барьеры сектора. Ведь Коммуна занимала едва ли четверть всего обитаемого мира.

Бегун слева — долговязый парень — с ходу влетел во что-то пружинящее, словно сам воздух сгустился до прозрачного желе, которое натянулось и оттолкнуло человека назад. Парень истошно заорал: руки и ноги зацепились за тускло блестевшие серебряные нитки. Рик мысленно простился с бывшим земляком.

Он не испытывал к нему жалости, но прекрасно понимал всю степень ужаса, который тот сейчас испытывал. Когда шум удаляющихся шагов стихнет, и он останется один болтаться в ловушке, из недр вентиляции спустятся многоногие чудовища, сам внешний вид которых способен вызвать обморок даже у храбреца.

Осталось пятеро.

Один сорвался в пропасть еще в начале, уворачиваясь от падальщиков.

Другой решил срезать дистанцию по одному из заброшенных тоннелей. Глупец.

Третий не выдержал и повернул назад. Трус. Коммуна воздаст ему.

Четвертого утащил плющ прямо перед носом у Рика.

И вот пятый….

Рик мог бы оказаться на месте любого из них.

Они продолжали Весенний Бег. Слепая зона почти закончилась. Откуда-то сверху дул пронизывающий ветер, донося до ноздрей густой запах гниения. Даже думать не хотелось, что может издавать столь отвратительный и тяжелый дух. Рику становилось тяжело дышать, сердце тяжко застучало в груди, ноги налились свинцом… ну конечно! Позади на пол со стоном упал еще один несчастный.

Пошатываясь от сонного газа, Рик задержал дыхание и максимально ускорил бег, чтобы пройти эту опасную зону.

И вот — свет.

Четверка бегунов выскочила из слепой зоны под бледный свет потолочных прожекторов. Рик не удержался и оступился. На мгновенье его разум утратил контроль над телом, и в этот миг Рик молил всех богов Пространства, чтобы сзади, сверху или снизу его не сцапала какая-нибудь тварь. Припав на колено, он наблюдал, как троица лидеров скрывается за поворотом. Звонкое эхо их Бега отскакивало от решетчатого пола.

Каждое мгновение было на счету. Не потому, что разрыв увеличивался. Вернее, не только поэтому. Гораздо страшнее то, что окружало человека Коммуны за стенами сектора — то, что обитало в этом внешнем враждебном Пространстве. Рику послышалось шуршание у самого уха — словно трепещут крылышки мотылька, а потом тихое шипение, похожее на далекие вздохи. Оно словно бы подбиралось к нему, подкрадывалось, чтобы нежно прикоснуться к коже шеи, погладить, а затем…

Старики рассказывали, что именно так оно усыпляет бдительность.

— Бог Машины, храни меня! — пробормотал Рик и сорвался с

места.

Сердце бешено стучало в груди. Рика охватил животный ужас — так себя чувствует мышь за секунду до того, как ее проткнет ядовитым жалом паучья самка, откладывающая яйца в вентиляционных шахтах за пределами обитаемого сектора. Не смея оглянуться, он бежал из последних сил в надежде оторваться, скрыться, ускользнуть от смертельной опасности. Коридор плавно изгибался вправо, следуя Великому Кругу Жизни. Впереди показалась спина замыкавшего троицу. Рик приободрился. Но радоваться было еще рано.

Скоро начнется Галерея.

Так обитатели Коммуны называли часть Пространства, которая не ограничивала взор потолком и стенами, столь привычными обыкновенному человеку. Внезапно коридор закончился, и трасса словно прыгнула в пустоту. Но, конечно, это впечатление было обманчивым, потому что бегуны попали в очень большое помещение, у которого имелся и потолок и стены, но на такой умопомрачительной высоте и расстоянии, что еле виднелись вдали. Казалось, неуловимая беспощадная сила сейчас слизнет тебя с узкой полоски трассы и забросит в вечную древнюю тьму.

Едва Рик выскочил из коридора на Галерею, древний инстинкт заставил припасть на колено и вцепиться в железный край, убегавшей вперед балки. Рик со смесью страха и восхищения смотрел на окружавшие его изгибы Галереи. Порыв ветра ударил в лицо, и все потемнело перед глазами, потому что показалось, будто летит вниз. Но нет, он по-прежнему цеплялся за край, стараясь приноровиться к этому новому положению.

Теперь-то Рик понимал, что было главным испытанием в Весеннем Беге.

Много раз он слышал об этом, но никакие слова не сравнятся с тем, что предстало сейчас перед глазами. Мир перевернулся: Рик словно попал в огромный зал с бесконечно простирающейся равниной пола и небесами потолка, и полз по тростинке вверх, как таракан. Но впечатление было обманчивым. Две бесконечные плоскости — просто стены, убегавшие вверх и вниз. Рик убеждал себя в этом, но картинка бессознательно трансформировалась в голове в обратное. Он долго смотрел на открывшуюся картину, не в силах оторваться от геометрического совершенства отвесных гладких стен.

Трое соперников впереди тоже замедлили движение. Один, так же как и Рик, припал на колено, не в силах совладать с головокружением и страхом высоты, другой нашел в себе силы держаться прямо, но неподвижно, а третий упрямо шаг за шагом

продвигался дальше, склонив голову как при сильном встречном ветре.

Рику снова померещился призрачный шепот и вздохи — так близко, что на затылке вздыбились волосы. Превозмогая страх, он на четвереньках пополз вперед. Он не хотел прийти к финишу первым. Он хотел всего лишь пройти Великий Круг Пространства, завершить Весенний Бег и перейти на новый уровень жизни.

Балка тянулась над бездонной пропастью, которая простиралась до самой преисподней. Говорят, если человек сорвется, он будет падать бесконечно, пока не сойдет с ума. Это и есть ад.

Рик зажмурился от головокружения.

Лучше не смотреть вниз. И он стал смотреть вперед, уверенно сокращая отделявшее от конкурента расстояние. Двое других уже добрались до конца Галереи. Когда он поравнялся с застрявшим на балке, тот вскрикнул:

— Подожди!

Рик продолжал движение. Он знал, чем кончаются такие разговоры. В прошлом году один бегун решил вытащить другого, и оба отправились на свидание с вечностью. Рука вцепилась Рику в лодыжку. Он дернул; хватка была крепкой.

— Отпусти!

— Нет! Вытащи меня! Прошу тебя! Мы никому ничего не скажем!

Рика охватила злость. Он лягнул ногой и попал во что-то мягкое. Раздался возглас боли и удивления, но нога по-прежнему была как в капкане.

— Нет!

Несмотря на то, что балка Галереи имела перила, бегун потерял точку опоры и опасно зашатался на краю. Еще немного, и он утащит с собой Рика. В глазах бегуна отражался ужас. Тогда Рик собрался с силами, выпрямился и со всей силы ударил соперника в челюсть. Тот упал как подкошенный, всхлипывая и бормоча проклятия. Рик поспешил вперед, а вслед ему неслись жалобные ругательства. Возможно, из-за стычки, а может быть, благодаря своей выносливости, Рик уже не чувствовал того ужаса перед бездной и смог встать с колен, продвигаясь вперед слегка согнувшись и присев. Он ни на секунду не отрывал рук от перил и краем сознания стал понимать — если отпустит, ничего не случится. Почти дойдя до противоположного входа в маршевый коридор, Рик задержался на пару мгновений, чтобы оглянуться и запомнить Галерею с окружающим ее Пространством.

Это было потрясающе великолепно!

Рик нырнул в зев коридора.

Следующий, последний отрезок дистанции назывался Трубой. Трубу следовало пробежать на максимальной скорости и ни в коем случае не смотреть по сторонам. Иначе — смерть. Так утверждали бывалые сплетники. Рик был достаточно умен, чтобы не принимать всерьез досужие сплетни, и достаточно разумен, чтобы не пренебрегать ими. Немного отдохнув перед заключительным рывком, он побежал. Спереди донесся далекий шум голосов — это Коммуна приветствовала победителя.

Покрытие Трубы пружинило под ногами. В лицо дул сильный сухой ветер, мгновенно высушивший пот на лбу. На протяжении всей трассы до дома Труба пересекалась обручами, разделявшими ее на сегменты. Рик бежал, наблюдая за тем, как стальные обручи приближаются и исчезают позади. Кто-то утверждал: нельзя смотреть по сторонам. Тогда он посмотрит наверх. Ничего особенного. Обычные лампы. А что, если смотреть под ноги? Решетчатый пол, под которым тянется ложбина с хитросплетениями животворных проводов, короба и лампы аварийного освещения, бледное лицо, перегородки между сегментами…

Лицо?

Рик остановился как вкопанный. Сердце пронзил холодный кинжал ужаса. Бежать дальше! Дом близко, но Пространство коварно и полно ловушек! Рик оглянулся. Труба хранила молчание, ни звука больше не доносилось ни спереди, ни сзади. Без колебаний он побежал бы дальше, будь то лицо маской мертвеца или рылом чудовищной твари вроде ночного ползуна. Но там, внизу, он увидел живого человека.

Медленно Рик вернулся в предыдущую секцию Трубы и снова посмотрел вниз. Под решетчатым полом в неестественной позе лежала девушка. Увидев его, она открыла рот, словно хотела закричать, и промолчала. Отчаянно рванулась, но не смогла убежать. Ее рука застряла меж коробами блока-распределителя питания. Не понимая, почему он это делает, Рик спрыгнул с помоста, пролез под опорами и оказался с девушкой лицом к лицу.

На ее шее не было печати Коммуны.

Чужая!

Смотритель говорил о племенах варваров, живущих за пределами сектора. Но для дикарки она выглядела слишком опрятно: облегающий серый костюм, белая кожа, медная ржавь волос, ладное лицо без уродств и внимательные, блестящие от боли глаза. Рик потянулся к ее руке, застрявшей по предплечье в скобах. Девушка отшатнулась, закрыв лицо свободной ладонью. В ухе у нее что-то блеснуло, но времени разглядывать не было.

Кость цела — Рик ощупал нежное запястье. Требовалось разжать пружину всего одной скобы и дикарка окажется на свободе. Он уперся ногой в стену и потянул на себя скобу, чем смог немного ослабить зажим. Дикарка мгновенно выдернула руку. Отскочила за опору и попятилась к стене. Стены Трубы были испещрены дверьми.

— Спасибо.

Незнакомка скрылась за одной из них прежде, чем он смог что-то ответить. Рик смотрел на закрывшуюся дверь, коря себя за нерешительность. Очнулся он от чужого взгляда. Обернувшись, увидел бегуна, который едва не сорвался с балки на Галерее. Кажется, его звали Иешуа. Перед началом забега он хвастался громче всех, что пройдет дистанцию. Бегун посмотрел на Рика сверху вниз, а затем побежал по Трубе к дому. Рик вскарабкался на помост и последовал за ним.

Он закончил Весенний Бег последним.

На этот раз забег прошли четверо.

2

Смотрителя Креза боялись и уважали. Боялись за его хитрость и жестокость. Уважали — за умение читать. Все лицо главы Коммуны от лба до подбородка наискось пересекал безобразный шрам. Говорили, это отметина бога Машины, которую Крез заработал, будучи еще молодым и горячим воином — в те времена, когда Коммуна ходила войной на варваров за пределы барьера.

В те благодатные, урожайные времена.

Ныне уважаемый патриарх, Крез стоял на помосте, взявшись за перила, и смотрел вниз, на людей Коммуны. Тут же находился Рик, вместе с парнями, завершившими Весенний Бег. Ровно месяц продолжались испытания молодых. Тридцать дней испытаний, в которые, кроме Бега, входило Стояние над пропастью, Хождение по стенам, Поединок в яме и Охота на падальщиков. Все это называлось Танец Весны, и жизнь водила со смертью свой хоровод тридцать дней. Выжившие переходили на новый уровень. Погибшие становились приношением богу Машины.

Вчера Танец весны кончился. В этом году жертвоприношение было обильным. Почти треть молодых людей, достигших двадцатилетия, погибла, сгинула в пропасти или пропала без вести в лабиринтах Пространства.

Крез не скрывал удовлетворения.

— Люди Коммуны! — воззвал он к толпе. — Бог Машины доволен нами!

Шепот. Обращенные кверху лица казались восковыми масками с дырами, где вместо глаз блестели стекляшки.

— Бог услышал наши молитвы и принял наши подношения! Наконец-то он смилостивился к нам, праведным людям Коммуны Омикрона! Зима закончилась. Сегодня иней на конденсаторах уменьшился на палец! А это значит, что холод отступает!

Толпа возбужденно зашумела.

— Великий Круг Жизни совершает свой ход! Ура!

Крез взметнул кулак в победном приветствии. Толпа радостно ответила ему. Но Рик видел, что это была голодная радость — хотя губы людей тронули улыбки, на лицах сияла суровая печать голода и лишений. Коммуна страдала от заморозков не первый год, а запасы еды таяли неуклонно, отчего приходилось урезать пайки. Даже несмотря на наличие фермы и регулярные вылазки за барьер, продуктов еле хватало, чтобы накормить людей.

— А теперь поприветствуем прошедших испытания. — Крез

указал на группу молодежи, вставшую поодаль от основной толпы. — Эти юноши и девушки успешно перешли на новый уровень жизни!

Публика разразилась хлопками в ладоши и одобрительными выкриками.

— Это новое поколение доказало, что достойно занять место в обществе Коммуны Омикрона. Каждый из них займется своим делом, чтобы приносить Коммуне пользу. Они будут работать на фабрике, на ферме, в коридорах сектора наравне с нами. Теперь они — наши братья и сестры.

Снова одобрительный гул.

— Как всегда, особенно я хотел бы выделить тех, кто отважился на Весенний Бег и пробежал по Великому Кругу Жизни. Вот они, эти храбрецы!

Крез отступил, жестом приглашая Рика и остальных подойти поближе к парапету, навстречу овациям — искренним, радостным, бурным, потому что в толпе непременно находился чей-нибудь отец или мать, брат или сестра, дедушка или дядя, и все они молили бога Машины, чтобы их близкие вернулись живыми. Конечно, не каждая молитва была услышана, но такова воля бога, и ни одному смертному не дано перечить ему. Хотя Рик не мог видеть, он знал — где-то здесь стоит и его сестренка Аврора.

— Эти юноши и девушки показали себя настоящими бойцами, — продолжал Крез, — а значит, они достойны выполнять самую почетную и ответственную работу: охранять спокойствие Коммуны, защищать ее от внешних врагов и вредителей. Для меня честь представить вам новых бойцов Патруля! А победитель забега, Гас, назначается старшим по уровню!

Радости присутствующих не было предела. Рика охватила сладостная дрожь. Двадцать лет он шел к этому моменту — и вот он наступил. Лица людей слились в одно живое пятно, все подернулось дымкой. Рик вцепился в парапет, пошатнувшись от головокружения. Ему удалось! Его переселят на верхние этажи-уровни, в более просторную комнату, где будет теплее и светлее, и больше паек, а значит…

Кто-то грубо толкнул его под ребра. Рик обернулся. Это был Иешуа.

— Дай дорогу Смотрителю! — рявкнул он.

Действительно, Крез снова выступил вперед. Толпа утихла. Дождавшись, когда шум угаснет, Смотритель заговорил, и на этот раз в его голосе проступила сталь.

— Наша великая Коммуна существует вот уже тысячу лет, с

самого сотворения Пространства богом Машины. Мы — избранный народ, настоящие праведники. Но великий бог постоянно посылает нам испытания, чтобы проверить стойкость и веру людей Омикрона в порядок вещей. На наших предков нападали орды чудовищ из внешнего Пространства, люди терпели лишения, голод и мор от страшных болезней, но выстояли в этих суровых испытаниях, доказав свое величие! Если бы не их сила, нас бы сегодня не было! Лишения делают человека сильнее, и чем больше трудностей, тем сильнее мы становимся.

Крез сделал паузу. Толпа слушала в абсолютной тишине.

— Испытания не кончились. Это хороший знак. Бог хочет убедиться в нашей верности. Он хочет удостовериться, что сила не покинула нас. Мы с честью выдержали суровые холода. Скоро созреет новый урожай, и нам не придется экономить на еде. Но на этом беды не закончились! Коммуне Омикрона угрожает новая опасность!

Крез обвел толпу взглядом, в котором Рик с содроганием уловил животное наслаждение, граничащее с безумием.

— Позавчера северный Патруль поймал трех лазутчиков из внешнего Пространства! Эти грязные варвары хотели разнюхать все про нас, чтобы напасть на Коммуну. Их армия там, снаружи, готова ворваться сюда, чтобы грабить, жечь и убивать!

Толпа ахнула.

— Мужчин они убьют, женщин уведут в рабство, а с детьми и стариками сделают такое, о чем у меня даже язык не поворачивается сказать! Но мы будем готовы. Мы допросили негодяев и выведали планы врага. Им не застать нас врасплох! Никогда этого не будет! Коммуна Омикрона отразит любую угрозу. Мы хотим мира, но готовы к войне. Одного из шпионов мы отпустили, чтобы он передал своим вожакам предупреждение не соваться к нам. Второй совершил самоубийство прежде, чем мы смогли его спасти. А вот третьего я передаю вам на суд, люди Коммуны. Вот он!

Крез сделал знак, и на середину площади вышел конвой, сопровождавший связанного пленника. Пленник — мужчина, сильно хромал, его поддерживали под локти. Голова бессильно свисала на грудь. В полной тишине пленника ввели в образовавшийся круг. Стража отступила. Почти сразу же он опустился на колени.

Толпа жадно рассматривала чужака. Рик тоже пригляделся и с удивлением отметил, что мужчина одет в серебристый костюм, порядком испачканный, но все равно. Рик где-то видел такой костюм!..

— Вот он! — крикнул Крез. — Враг!

Толпа зашумела. На пленника показывали пальцами. Люди с ненавистью разглядывали его как опасного хищника.

— Эй, ты! — крикнул Крез. — Зачем вы пришли к нам? Отвечай!

Один из стражников ткнул мужчину электро-жезлом; тот застонал. Крез повторил вопрос, но кроме мычания пленник не смог произнести ничего внятного. Лицо его было сильно изуродовано, глаза затравленно метались по сторонам. Он рванулся, но тут же упал навзничь. Толпа отшатнулась. Завизжали женщины.

— Они даже говорить толком не могут! Ревут как звери!

Какой-то мужчина вышел из толпы и плюнул пленнику в лицо. Другой подскочил, чтобы ударить под дых.

— Довольно! — рявкнул Крез. — Не будем уподобляться этим зверям. Люди Коммуны, братья и сестры, послушайте! Я отдаю этого варвара на ваш суд и спрашиваю вас: как с ним поступить? Я сделаю так, как вы скажете. Но не буду скрывать, что этот зверь тяжело ранил одного из наших патрульных. Итак, я слушаю ваш приговор.

Толпа хранила молчание. Люди переминались с ноги на ногу, человеческое море волновалось, по нему прокатывались волны, а голодные глаза с ненавистью разглядывали скорчившееся посреди площади тело. А потом кто-то крикнул:

— Смерть варварам!

Ему вторил голос с другого конца площади. И, как эхо, этот крик стал отскакивать от стен, множиться, чтобы охватить всех присутствующих. Вскоре толпа скандировала:

— Смерть варварам! Смерть, смерть!!

Крез жестом заставил всех смолкнуть.

— Я правильно понял приговор?

— Да! — проревели в ответ сотни глоток.

— Именем Коммуны Омикрона! Как верховный судья и исполнитель воли народа, приговариваю тебя, варвар, к смертной казни.

Пленник едва приподнял лицо к свету прожекторов, издал слабый хрип.

— Мы проявим милосердие и лишим тебя твоей жалкой жизни без лишних страданий.

Толпа одобрительно загудела.

— Привести приговор в исполнение!

К приговоренному подошли двое стражников, один рывком поставил на ноги, другой вынул жезл, включив оружие на максимальную мощность. Пленник дернулся, выплюнул кровавый ком и, прежде чем смертельная молния превратила в ничто его

разум, выкрикнул:

— Нет! Нужно включить гене…

Спустя мгновение он был мертв. Крез обратился к присутствующим:

— Братья и сестры! Учитывая сложившуюся ситуацию, я прошу у вас разрешения вершить правосудие от имени Коммуны впредь по своему усмотрению, законно и справедливо.

Народ одобрительно загудел. Толпа стала медленно расходиться. Впечатленный и ошеломленный Рик шагнул, не глядя, в сторону и наткнулся на кого-то. Поднял взгляд — это был сам Крез. Их глаза встретились.

— Поздравляю! — Глава Коммуны сжал Рику ладонь и скрылся в сопровождении охраны.

Рик повернулся к площади, где вершилась казнь. С тела варвара уже сдирали одежду. Через полчаса оно исчезнет — утащат люди с нижних уровней. Те, у кого совсем скудный паек.

3

— Вернулся! — провозгласила Аврора, когда Рик переступил порог комнаты.

Он потрепал сестру за кудряшки, отметив, что совсем недавно она доставала ему едва ли до пояса, а сейчас уже почти на уровне груди. Растет.

В комнате был кто-то еще; Рик сразу почувствовал присутствие чужого человека. Им оказался старый Киото.

— Здравствуй, Рик, — раздалось из дальнего темного угла.

— Здравствуйте.

— Я тут помог Авроре немного прибраться, — заулыбался Киото, подавшись к свету и блеснув ровными крепкими зубами. Чего нельзя было сказать о морщинистом лице — возраст не скроешь.

— Благодарю, но чем обязан? — насторожился Рик.

За последнюю неделю он здорово утомился. Каждый день приходилось ходить в наряд. Напряжение не покидало его даже во сне.

— Давайте обедать! — сказала Аврора.

— И то верно, — согласились все.

Рик ел всегда не спеша, чтобы лучше усвоился паек. Тем более теперь его рацион пополнился: к картошке, хлебу и бобам добавился ломоть мяса. Мясо! Незаметно, пока вертлявая сестра искала под столом оброненную ложку, он подкинул ей ломтик. Киото одобрительно кивнул. Рик отодвинул тарелку, хлебнул из кружки браги — баланды из перебродивших ячменных колосьев, которые все равно не проросли на ферме и поэтому их бы выкинули или кто-нибудь, как Рик прибрал бы к рукам. Взглянул на настенные часы, сказал:

— Сегодня не ваша смена?

— Ага. — Киото по кусочкам отправлял хлеб в рот.

Рик кивнул.

— Поздравляю тебя, Рик. В твоей жизни наступил новый важный этап.

— Да, спасибо. Все так говорят.

— Наверно, устал выслушивать.

— Вы всегда зрите, как это называется, в корень.

— Ты образованный малый. У тебя большое будущее.

— Ближе к делу.

Рик не любил долгие разговоры.

Перед сном он хотел почистить новую форму — темно-синий костюм из плотной ткани, который ему выдали после переезда

наверх. Форма была красивая. На груди красовался иероглиф Коммуны, символизирующий собой Круг Жизни — «О». Омикрон. Теперь он будет ходить в этой форме следующие десять лет, до своего тридцатилетия, чтобы снова пройти испытания, предписанные Комитетом, и решить свою судьбу. Как и все люди сектора. Так было, так будет.

— Да, ты прав. — Киото погладил Аврору по кудряшкам. — Сходи поиграй, малышка.

Аврора показала старику язык и исчезла. Все в Коммуне относились к старикам с некоторой долей пренебрежения, ведь круг их жизни всяко подходит к концу.

— Та казнь… — начал старик.

— Была необходима.

— Да. Но… — Киото замялся.

Рик стал собирать посуду со стола. Сложил все в раковину и сел на место Авроры.

— Что вы хотите сказать? Говорите прямо.

— Хорошо. Слова Креза об армии варваров и о лазутчиках — ложь. Теперь сдавай меня Патрулю. Это твоя прямая обязанность.

— Еще успею.

Киото сглотнул. Выглядел он не лучшим образом. Как и все с нижних уровней. От старика попахивало. Там, внизу, экономили на всем, от освещения до воды. Холодная логика выживания: старики уже одной ногой в могиле, так зачем тратить на них ресурсы. Хотя перемещаться можно было по всему сектору, Патруль зорко следил, чтобы каждое поколение находилось на своем уровне.

— Ладно. Ты знаешь, сколько мне лет?

— Не понимаю, к чему это.

— Отвечай на чертов вопрос.

И правда, сколько? Рик впервые задумался над этим. Киото был стариком, когда Рик родился, и еще живая мать работала на ферме, остался стариком, когда появилась Аврора, а Рик возмужал, и ни капли не изменился с тех времен. Старик — он и есть старик, какая разница.

— Не знаю.

— То-то и оно. Мне семьдесят пять полных лет, и треть своей жизни я провел внизу, ковыряясь в трубах. Меня отправили вниз, когда тебя еще на свете не было, а твою мать не пригнали из соседнего сектора в рабство.

— Что?

— Думал, что она родилась и прожила здесь всю жизнь? Нет, дружище. Она была рабыней, как и многие другие женщины, которых пригнали, когда местных девиц поразило массовое

бесплодие. Великая Коммуна должна жить.

— Ты лжешь!

Киото грустно улыбнулся.

— Но как… Это невозможно… За пределами барьера…

— Живут дикие племена варваров. Пространство полно чудовищ, и ни один нормальный человек не сможет продержаться там и дня. Да, об этом говорит Комитет.

— И что? Вы хотите сказать, что это не так?

Киото испытующе смотрел на Рика.

— Вы понимаете, что это ересь?

— Сейчас это неважно, сынок. Мы начали с моего возраста, поэтому давай двигаться по порядку.

— Какой смысл мне выслушивать эти глупости? — фыркнул Рик. — У вас там внизу совсем разум помутился.

— Возможно, — кивнул Киото. — Да только почему, когда казнили того варвара, ты остался на площади?

Рик молчал. Старик продолжал:

— Я давно наблюдаю за тобой. Ты гораздо умнее своих сверстников, Рик. Это дает нам шансы. Никогда бы я не завел этот разговор, если бы не был уверен в успехе. Поэтому прошу: вначале выслушай меня, а потом поступай, как считаешь нужным. Идет?

— Да, — угрюмо сказал Рик.

Киото перевел дух.

— Итак. Мы, люди Коммуны, были созданы в недрах Пространства великим богом Машины, который наделил нас разумом и позволил заселить сектор Омикрон. Пространство бесконечно и простирается вокруг нас во все стороны: вверх и вниз, вперед и назад, налево и направо.

Киото повторял общеизвестные слова из Трактата о Машине, которым с пеленок учат каждого малыша. Он говорил о том, что первые поколения людей жили при золотом веке и ни в чем не нуждались — у них были обильные запасы вкусной еды, в домах было тепло, и никогда они не знали ни болезни, ни войны, а значит, жили долго и счастливо. Но на смену золотому веку пришел серебряный, когда человек стал смертным, и начались раздоры. Вслед за ним начался железный век — и срок жизни сократился. А на смену железному пришел темный век, в котором люди Коммуны живут и поныне — суровое время холода, лишений и борьбы за жизнь.

— К чему все это? — не выдержал Рик. — Каждого ребенка учат этому в начале Круга Жизни.

— Имей терпение! — оборвал Киото. — Мы почти добрались до сути. За всю нашу историю Коммуну всегда возглавлял

Смотритель — человек, который мог общаться с богом Машины через жрецов.

— Все верно.

— Смотритель руководит Комитетом, куда входят его приближенные. Каждый из них контролирует свой уровень сектора. Только члены Комитета могут читать тайные знаки и иероглифы, что оставил бог Машины на стенах людям для подсказки. Остальным это категорически запрещено.

— Таков закон.

— Да. Только Смотрителю и его жрецам дозволено заходить в святилище Техники и говорить там с великим богом.

— Правильно.

— А что, если я скажу тебе, что тоже умею читать эти письмена?

— Я вам не верю, — засмеялся Рик.

— Разумеется, ты не веришь. Поэтому я покажу тебе кое-что.

Рик насторожился.

— Не бойся, — сказал старик, — это всего лишь рисунок.

И он вынул из-за пазухи сложенный во много раз кусок бумаги, такой ветхий, что в местах сгиба виднелись затертые прорехи. Киото бережно разложил листок на столе. С одной стороны край бумаги был неровно обгрызен, словно крыса сточила, поэтому взгляду открылась лишь часть рисунка. Рик уставился на переплетения линий, испещренные мелкими иероглифами и знаками.

— Что это?

— Наш сектор.

Оба склонились над рисунком, стараясь вглядеться в детали. Свет лампы потускнел — это означало, что приближается вечер. Скоро освещение вырубят. Рик зажег «призрачный свет», покрутив катушку динамо-машины. Они все вглядывались в рисунок, и наконец Рик прошептал:

— Ничего не понимаю.

— Я тоже долгие годы не мог, — признался старик. — Пока не стал разбирать иероглифы.

— Откуда это у вас?

— Часть добычи после большой войны с варварами, что выиграла Коммуна тридцать лет назад. Тогда я был в Комитете.

Рик уставился на Киото. Тот снова улыбнулся и хрипло захихикал.

— Я был советником тогдашнего Смотрителя. Старшим по самому верхнему уровню. Тогда Крез был сопливым пацаном, еды хватало на все уровни, и не было проблем ни с отоплением, ни со светом. Коммуна пошла войной на племя варваров, оно жило

неподалеку от Галереи. А все из-за того, что дочь старшего по продовольствию сбежала к молодому парню оттуда. Коммуна пошла в поход, победила в войне и добыла много припасов, оружия, ценностей, среди которых были пачки сшитой бумаги с иероглифами и рисунками. Смотритель поручил сжечь их. В пачках было много рисунков, очень много, все они были похожи на этот, а еще там были столбцы иероглифов и знаки, которые зовутся числами. Смотритель лично следил за уничтожением, он говорил, что на бумаге лежит печать зла, что это сатанинские, поганые заклинания, богомерзкая ересь. И вот тогда-то я совершил преступление.

— Вы спрятали один лист, — догадался Рик.

— Да. А знаешь почему? Смотри. — И старик указал на знакомый иероглиф у самой кромки оторванного края.

— Круг Жизни! — вскрикнул Рик.

— Знак Омикрона.

Внезапно, когда Рик посмотрел на рисунок, что-то в его восприятии изменилось, и сквозь сетку линий стали проступать знакомые контуры. Он снова раскрутил динамо гаснущего фонарика и склонился над рисунком. Прошла долгая минута.

— Вот, — ткнул он пальцем и провел линию от левого края до правого. — Похоже на главную магистраль.

— Это она и есть.

— Здесь Край мира… значит, там должна быть Хорда, хребет Пространства.

— Ты рассуждаешь правильно, — одобрил Киото.

— Выходит, это карта, — продолжал говорить Рик, невольно понизив голос до шепота. — Но здесь все нарисовано так, как если бы у сектора был один уровень. А их пятьдесят. Это вид сверху.

Они переглянулись.

— Чтобы понять это, у меня ушло несколько лет, — сказал Киото. — А у тебя — считаные минуты. Видишь? Я знал, что у тебя есть способности.

Польщенный, Рик смотрел на древнюю карту мира, добытую из глубин Пространства, изготовленную гораздо искуснее рисунков жрецов, и в голове его множились странные вопросы.

— Надо отнести ее Крезу… — неуверенно пробормотал он. — Может, он сумеет разобраться?

— Ты сам знаешь, что будет потом.

Да, он знает. Крез переполошится, отнимет карту, устроит Рику допрос, схватит Киото. Никому не дозволено даже смотреть на иероглифы бога Машины без специального разрешения, не то что держать в руках какие-то письмена. Это тяжкое преступление,

покушение на ересь, самое легкое наказание за которое — изгнание за барьер.

Киото посмотрел на часы.

— У нас не так много времени, а второго раза возможно не будет. Крез уже что-то подозревает. Патрули на уровнях участились. Мне пора. Посмотри на эту карту еще раз и хорошенько ее запомни.

— Но здесь так много деталей…

— Запоминай, — прошипел Киото и, пока Рик вглядывался в рисунок, продолжал торопливо шептать: — Часами после работы, вместо того чтобы спать, я разглядывал эту карту, запоминая каждый символ, каждый изгиб. Поэтому даже если она будет уничтожена, я смогу нарисовать ее точную копию. Я думал над ней, пытаясь понять то, что на бумаге, и соотнести с тем, что нам твердили всю жизнь Смотрители. Ведь ты знаешь, как становятся Смотрителем?

— После пятого жизненного испытания старый Смотритель выбирает себе преемника и покидает Коммуну.

— Да. Новый Смотритель дает клятву верности богу в храме Техники. Так вот, всю свою жизнь, с малолетства я внимательно слушал речи Смотрителей и проповеди жрецов. И понял, что они лгут. Я размышлял над их словами и наблюдал за миром вокруг. Например, они твердят, что за пределами Пространства воздуха нет, что нас окружает тьма первобытного хаоса и единственное, что ограждает наш мир от разрушения, — это внешний барьер Пространства и внутренний барьер сектора. Пространство имеет форму бублика, мы находимся в сердцевине, а вокруг, за барьером, обитают чудовища и дикари. За внешними же границами Пространства нет ничего. Сверху и снизу — тоже.

— И что?

— Ты знаешь, что я живу на самом нижнем уровне, вместе с больными и глубокими стариками. Последние годы меня мучает бессонница. По ночам я лежу в темноте и слышу странные звуки. Это похоже на отдаленный грохот. А один раз я услышал… голоса. Крики. Это кричал человек. Я прижался ухом к полу, как пиявка, и слушал, слушал, слушал. Старикам не верят и, если бы я отправился к Смотрителю, меня подняли бы на смех.

— Вы молчали и ждали.

— Думал, уж никогда не дождусь. Теперь обрати внимание на эти символы и стрелки по краям рисунка.

Рик послушно вгляделся. На бумаге, где стрелка указывала вперед, было написано: «14» и два каких-то странных незнакомых символа. Там, где стрелка указывала назад, виднелось: «16» и еще два, но уже других символа.

— Что это значит?

— Точно не знаю. Но мне кажется, это указание на иные, обитаемые миры. Только представь! Что, если там, за пределами Пространства, тоже кто-то есть?

Рик забыл завести динамо у фонарика, и комната погрузилась во тьму. Когда он снова добыл свет, карты на столе не было.

— Я провожу вас, — сказал он, — а то Патруль прицепится.

Они шли по осевому коридору уровня, зябко кутаясь в одежду. По ночам становилось холоднее, поэтому никто не выглядывал наружу без особой надобности. Уровень почти уснул. Изредка между комнатами проходили обитатели. Рик и Киото шли молча, согревая руки дыханием. Мимо прошагал Патруль, Рик кивнул знакомцам и продолжил спускаться по центральной лестнице до детского уровня, где жила Аврора.

— Дальше можешь не провожать, — сказал Киото, когда они подошли к пролету.

Возникла неловкая пауза. Рику хотелось побыстрее закончить эту странную встречу, но что-то притягивало его к старику.

— Ты хранишь талисман?

Рик потрогал что-то на груди:

— Он всегда со мной.

— Береги его.

Киото спустился на две ступеньки.

— Кстати. Помнишь, как кричал тот варвар перед казнью? Я знаю, что он хотел сказать.

Рик сделал вид, что его это не интересует.

— Нужно включить ге-не-ра-тор. — Киото улыбнулся. — Спокойной ночи.

Рик дошел по коридору до комнаты Авроры, убедился, что все в порядке. Здесь еще тускло мерцала лампа: привилегия детства. Лежа в постели, девочка открыла глаза.

— Не спишь? Быстро спи.

— Расскажи сказку! — потребовала она.

Рик вздохнул, усаживаясь на край кровати:

— Опять про Роба-искателя?

— Да! — Аврора зажмурилась от удовольствия, натянув одеяло на самый нос.

— Ладно. Жил-был в Коммуне парень Роб. И вот однажды стали пропадать из Коммуны дети…

Рик в сотый раз поведал младшей сестре о приключениях замечательного Роба, который отважился выйти в Пространство, проплутать по Лабиринту, найти всех пропавших детей, обмануть всех варваров-людоедов и побороть чудовищ. И конечно же

пройти по краю пропасти. А все потому, что догадался привязать один конец веревочки к себе, а другой — ко входу в Лабиринт. Эту сказку рассказывала ему мама, а уж откуда ей она стала известна, Рик не знал. Рик также не знал, кто был его отец, и кто был отцом Авроре. Все, что ему осталось, это талисман, который попросил отец передать своему сыну, прежде чем Пространство навсегда поглотило его. Убедившись, что сестра давно уснула, Рик закрыл ее комнату и вернулся к себе. Он лежал в темноте и думал над словами Киото, щупая под одеждой отцовский талисман — крестообразный кусок очень прочного черного материала.

Если бессонница заразна, то он подхватил ее, словно инфекцию.

4

Отряд шел по одному из боковых коридоров. Пять бойцов. Крепкие, сильные парни. Рик был предпоследним. Его как новичка лично выбрал угрюмый, плечистый Ивон, завершавший третий круг своей жизни. Сейчас он возглавлял шествие, внимательно вглядываясь в полумрак.

Рик впервые вышел во внешний Патруль. Ходить за барьером считалось самым опасным, люди Коммуны панически боялись внешнего Пространства, но ему нужен был улучшенный паек из-за Авроры. Недавно вспыхнул голодный бунт, первый в этом году. Зимние запасы были на исходе, и по указанию Креза рабочим еще на четверть урезали довольствие. Один из рабочих на раздаче отнял кусок у другого. Завязалась драка, которая быстро переросла в побоище. Когда прибыли наряды Патруля, уровень гудел, словно десятки коробок-распределителей электропитания. Рик никогда не видел такой ярости на лицах людей. Мужчины дубасили друг друга кулаками, ногами, стульями и всем, что попадалось под руку. Женщины таскали друг дружку за волосы, шипели, кусались, стараясь выдрать сопернице глаза. Даже подростки катались по полу озверевшими клубками. Все позабыли о еде; наружу выплеснулась злость, которая копилась внутри людей всю долгую зиму. Те, кто поумнее, хватали упавшие на пол куски хлеба и торопливо поедали прямо под ногами у дерущихся. Одному мужчине перерезали горло, другому сломали руку.

Патрульные бросились в гущу, орудуя жезлами. Затрещали молнии, и толпа обратилась в бегство. Рик был в первых рядах карателей. Он безжалостно пускал заряды в каждого, кто попадался на пути, неважно, взрослый это или старик, мужчина или женщина. Все стерлось; он выполнял работу. Он только слышал крики, стоны и ругательства.

«Подонок!» — в лицо полетел плевок.

«Мрази! Жрете там наверху от пуза!»

«Чтоб вас взяла пропасть!»

«Дайте хлеба! Дайте!»

Патрульные оттеснили дерущихся к стенам. К этому времени беспорядок был подавлен.

— Стоять! — скомандовал Ивон.

Рик вздрогнул, отгоняя воспоминание.

Отряд замер. Пятеро бойцов вслушивались в хрупкую тишину Пространства. Тянулось время. Не происходило ничего. Пространство отзывалось тихими скрипами, отдаленной капелью

и завыванием ветра. Этот коридор был хорошо исследован и отмечен на карте. Но Пространство коварно и всегда готово застать человека врасплох. Год назад почти у самого барьера на такой же отряд напала стая ночных ползунов — мерзких человекоподобных тварей, способных непостижимом образом перемещаться по вертикальным стенам и проникать в самые немыслимые щели из-за своей худобы. Рик видел ползуна только один раз, и то мертвого. Отвратительное зрелище.

— Кажется, тихо. Идем. — Ивон двинулся дальше. Отряд последовал за ним.

Этот коридор был лучевым и тянулся параллельно барьеру сектора Коммуны. На стенах виднелись метки предыдущих патрульных. Но кроме них поверхность коридора изобиловала всевозможными письменами и символами, нанесенными когда-то давно неведомыми человеку силами. Хоть читать никто не умел, Рик старательно запоминал каждый знак, подсчитывал, сколько раз повторяется и как часто сочетается с другими, находил закономерные последовательности, но старался особо не показывать вида, чем интересуется на самом деле, чтобы другие патрульные не заметили.

Раньше Рик, как и все работяги, думал, что Коммуна имеет в Пространстве форму сферы, но это оказалось не так. Сектор Коммуны скорее напоминал кусок пирога, с широким краем в одной стороне и узким — в другой. Сектор имел пятьдесят уровней, соединенных между собой лестницами и вертикальными шахтами. На тридцатом уровне находился главный коридор, именуемый магистралью. Там же располагалась площадь — большое помещение высотой в пять уровней, где обсуждались все важнейшие вопросы в жизни Коммуны. За площадью магистраль пересекал другой коридор, выгибавшийся дугой и являвшийся частью большой трассы Круга Жизни, уходящей в Пространство с одного конца сектора и замыкающейся с другой стороны. Именно по этой трассе люди Коммуны совершают Весенний Бег.

Еще один малый дуговой коридор, пересекал сектор перед площадью. Таких магистралей и трасс было не по одной, а по пять — каждая на десять уровней сектора, словно ребро, отходящее от хребта. Таким образом, пять круговых коридоров имели десять выходов с обоих концов. Это число надо умножить на два, учитывая выходы с малых дуговых коридоров. Итого — двадцать. К ним добавлялись еще пять центральных выходов лучевых коридоров. Правда, четыре из них запечатаны давным-давно. Но все это казалось мелочью в сравнении с огромным числом боковых, вспомогательных и прочих проходов, лазов и лазеек, которыми испещрены уровни сектора, особенно на краю

Круга Жизни и возле Хорды.

Хотя большинство наглухо законопачены, требовались серьезные усилия, чтобы охранять еще открытые. Кроме того, нужно следить за прилегающими к барьеру коридорами, чтобы быть готовым к внезапной атаке или аварии. Всем этим и занимался внешний Патруль.

Отряд дошел до пересечения коридора с другим, поменьше.

— Отдых.

Они быстро перестроились: командир в ядре, бойцы по периметру, по сторонам света. Все присели. Смена длилась половину дня. Поэтому бойцы брали с собой хлеб и воду. Пока один обедал, четверо зорко следили за Пространством.

Ивон закончил трапезу и поменялся местами с одним из подчиненных. Пока тот ел, завели тихий разговор.

— Плохи дела, — говорил Ивон. — Комитет приказал собирать крыс.

— Крысы жилистые.

— Жрать захочешь, все сожрешь.

— Все равно жилистые. Не мясо, а веревки.

— У меня тесть однажды снял с потолка во-от такого слизня. Решил пожарить. Говорит, ничего.

— Это еще можно. А вот грибы есть нельзя, особенно зеленые. Какие бы они большие и красивые ни были, нельзя. В них погань, нечистая сила, сохрани нас бог Машины. Дед мой рассказывал, как его приятель со стенки за барьером этих грибов нарезал, пожарил и съел. На следующий день почернел и вздулся как шар. У него таракан был карманный, так этот таракан вообще лопнул, когда рядом оказался.

— Слушай, новичок, а плющ в этом году охотится на Круге Жизни?

— У меня перед носом одного утащил, — ответил Рик.

— Значит, точно весна наступит. Они зимой ленивые.

Пока патрульные обедали, тихий разговор продолжался. Люди за пределами сектора вели себя робко, люди были здесь гостями. Наконец, Ивон приказал двигаться дальше. Они шли по направлению к Хорде. Под потолком мерцали оранжевым лампы.

— Может, повезет? — с надеждой спросил один боец.

Неделю назад он нашел в нише хорошо сохранившийся костюм из блестящей теплой ткани и теперь спал в нем, спасаясь от холодов. Теперь ему хотелось обеспечить вторым свою невесту.

Они много раз пересекали входы в боковые коридоры, которые уводили в глубину Пространства, и каждый раз Рик с замиранием сердца вглядывался в их темноту, ожидая увидеть там холодный блеск нечеловеческих глаз.

Но время тянулось, и ничего не происходило. Половину смены они патрулировали боковые коридоры с юга. Все пять, считая с верхнего. Начинали с большого дугового, сворачивали на параллельный, шли к Хорде, снова поворачивали к малой дуге. Достигали барьера, где стояла стража, поворачивали назад по тому же маршруту. Когда возвращались к исходной точке, спускались по лестнице к следующему коридору. Сперва Рик даже не понял, что они вышли за барьер: геометрия коридора повторилась с зеркальной точностью. Но когда появились длинные полотенца плесени, бахромой покрывшие стены, и жирный слой пыли на полу, до него дошло, где находится патрульный отряд.

— Как далеко вы заходили? — спросил он у Ивона, улучив удобный момент.

— А что, не терпится удрать, новичок?

Отсмеявшись с остальными, командир все же снизошел:

— До следующего луча, в обе стороны.

— Почему не пошли дальше?

Ивон перестал улыбаться. В его глазах заблестела угроза.

— Ты вроде как производишь впечатление умного, а, Рик? Ну так не разочаровывай меня. Ты замерзнешь там раньше, чем захочешь есть. И неужели ты не понимаешь, что Пространство там кишит такими тварями, какие тебе даже в кошмаре не привидятся? То, что ты увидел на Весеннем Беге, — сотая часть всего, что может предложить нам Мать-тьма.

Рик хотел возразить, но Ивон рявкнул:

— Прямо по курсу, рядовой!

Пять пар глаз метнулись в указанном направлении, где на полу лежал ком — нечто темное и бесформенное. Рик осторожно двинулся вперед, выставив перед собой жезл и фонарь. Ком не шевелился. Шаг, еще шаг — комом оказалась всего лишь дохлая крыса.

— Командир?

— Ждешь особого приглашения? Живо хватай эту падаль и суй в рюкзак!

— Да, командир, — Рик склонился над крысой.

Тушка была размером с человеческого младенца. Не скрывая омерзения, он спрятал дохлятину в мешок и оглянулся, чтобы доложить о выполнении приказа.

Коридор был пуст.

— Командир? Курт?

Тишина. В трубах ныл сквозняк. Патрульные словно испарились. Рик вернулся на исходную позицию — перекресток луча с маленьким дуговым коридорчиком. Снова позвал.

Короткое эхо заметалось по коридорам и скончалось во тьме.

— Очень смешно. — Рик похлопал в ладоши. — Отличная шутка. Решили оторваться?

Никто ему не ответил. Рик решил подождать: им просто надоест, станет скучно.

— Слушайте, — не выдержал он, — может, уже хватит?

— Хва-а-тит! — проблеял мерзкий, клокочущий голос у самого уха.

Рик вскрикнул и вслепую пальнул из жезла. Отдача опрокинула его навзничь. Что-то дробно застучало под потолком, быстро удаляясь. В ноздри ударила резкая вонь. Жезл продолжал работать, полосуя молниями по потолку. Рик барахтался на полу, пытаясь выключить заевшее оружие. Вдруг сильная рука выхватила жезл и отключила заряд. Тут же Рика вздернули вверх:

— Ты что творишь?

— Я… Вы… Там…

— Заткнись! — прошипел Ивон. — Потом расскажешь. Пойдем. Покажу кое-что интересное, ручаюсь, такого ты точно не видел.

И Ивон нырнул в сумрак. Рик сглотнул. Оставаться одному в коридоре больше не хотелось. Он последовал за командиром. Несколько раз вильнул, ориентируясь на силуэт впереди и очутился в небольшом овальном зале, где стояли остальные патрульные. Все таращились в центр зала. Рик тоже взглянул туда и обмер. В первое мгновение, из-за голубых бликов, отражаемых от стен, ему показалось, что впереди аквариум — из тех, где разводят карпов рабочие на пятнадцатом уровне. Но бледный свет был ровным, он не колыхался, как от поверхности воды. Посреди зала находилось сооружение из толстого стекла, наполненного чем-то густым, но прозрачным, позволяющим разглядеть то, что темнело внутри.

Это были человеческие тела. Подсоединенные к извивающимся трубкам, они застыли в полулежащем полувисячем положении и отделялись друг от друга секциями. Рик зачарованно разглядывал ближайшую к ним полунагую женщину, обмотанную лентами и хитроумными трубками с устройствами на концах не ясного назначения. Взгляд переместился к ее соседу, пожилому мужчине, и дальше, к секции, где в мутной жиже плавало что-то склизкое, покрытое волосами — жуткое, аморфное месиво, от одного вида которого Рика вывернуло наизнанку. Избавившись от завтрака, он спросил дрожащим шепотом:

— Что это?

Ивон сделал знак уходить, и только когда отряд выбрался

обратно, сказал:

— Мы не знаем. Франц из третьей смены заметил, что дверь не заперта. Теперь у нас есть еще одно Интересное Место.

— Что вы хотите сказать?

Ивон подмигнул.

— Здесь полно всяких штук. Людям кажется, что Пространство — это холодная темная пустыня, и кроме чудовищ да дикарей тут ничего нет. Это неверно. Я хожу по коридорам восемь лет, изучил их вдоль и поперек, но это не значит ничего. Взгляни на все эти двери по бокам коридора. Они заперты, и никакими усилиями смертного невозможно открыть их. Но иногда они открываются.

Рик смотрел на убегающие вдаль ряды темных дверей с непонятными символами и иероглифами. Тем временем Курт поставил на стене у входа в открывшуюся залу метку, и отряд направился дальше.

— За некоторыми дверьми находятся пустые жилые комнаты. Как у нас в секторе, — продолжил на ходу Ивон. — В некоторых комнатах стены уставлены полками и шкафами, где разложена всякая-всячина. В других комнатах вообще ничего нет. Одни стены, пол и потолок. Есть живые комнаты, комнаты-ловушки, огромные комнаты размером с нашу площадь и даже больше. Но есть такие комнаты, вроде той, — он указал за спину, где осталась зала с телами в аквариумах, — где ничего не поймешь. Зачем тела в аквариумах? Живы те люди?..

— Расскажи ему про призрака, командир, — сказал патрульный Сид.

— В одном коридоре, внизу, есть пустая комната, — охотно продолжал Ивон. — В центре нее красный круг. Стоит только зайти в эту комнату и посмотреть на круг, в нем возникает призрак человека. Один мой подчиненный, Юрий — год назад сорвался в пропасть — зашел в ту комнату первым. У Юрия были черные волосы, а стали седые. Призрак говорил с ним.

— И что он говорил?

— Твердил как заведенный: «назовите код», «назовите код». Похоже на заклинание. Больше никто туда не заходит; эта комната помечена как опасная. У меня их целый список — те, что запрещены Комитетом, и те, где сгинули наши бойцы. — Ивон повертел головой, ориентируясь. — Так. Это крыло мы обошли полностью. Все спокойно. Сейчас свернем к Хорде, и увидишь пропасть. Покажу тебе Лестницу.

Но не успели они пройти и трех шагов, как эфирный голос на плече командира ожил и позвал:

— Всем отрядам внешнего Патруля! Тревога! Срочно прибыть

на уровень тридцать семь, северное крыло, малая дуга! Повторяю…

— Отряд! — скомандовал Ивон. — Выстроиться в боевую линию. За мной!

Времени на испуг не было; Рик подобрался и побежал, глядя в спину переднему бойцу. Отряд очень быстро миновал коридор, и свернул к лестнице. Предстояло стремительное восхождение сразу почти на три десятка уровней вверх. Лестница отнимает силы, а боец должен сохранить их, чтобы вступить в схватку. Бойцы резво перепрыгивали через ступеньки, Рик видел мелькающие пятки и считал про себя уровни. Наконец они выбежали в коридор.

— За мной! — гаркнул командир. — Не отставать!

Они не стали обегать сектор по периметру, а сократили путь прямо по малому лучевому коридору, расталкивая прохожих Коммуны. Только здесь Рик почувствовал, как холодно было снаружи. Тяжело дыша, они достигли барьера и выскочили в Пространство с севера. Коридор, поворот налево, снова коридор, снова поворот налево, секционная лестница, три этажа вниз… они чуть не сшибли с ног других патрульных, начавших обход с этого крыла. Рик увидел причину переполоха.

Перед патрульными стояли на коленях, заложив руки за голову, трое дикарей. Двое мужчин и женщина. Их кожа была гораздо темнее, чем у людей Коммуны, телосложением достаточно крепки, все трое смотрели перед собой. Серебристая одежда выглядела новой и облегала фигуры. У мужчин бороды и шапки на головах. Перед дикарями лежали отобранные вещи, некоторые можно принять за оружие — гладкие трубки с отверстиями на одном конце и рукояткой на другом.

Командир северного Патруля, Мануэль, приветствовал Ивона ритуальным взмахом, означающим символичный Круг Жизни. Остальные последовали их примеру.

— Вы как раз вовремя, — сказал Мануэль. — Эти варвары решили, что могут померяться с нами силой, и вот что из этого получилось.

Он кивнул на лежащее поодаль тело мертвого мужчины. Труп лежал навзничь, его обыскивали патрульные.

— Послушайте… — сказал дикарь, тот, что крупнее.

— Заткнись! — заорал Мануэль, с плохо скрываемым страхом. — С варварами говорить запрещено! Всем смотреть в пол!

Дикарь пожал плечами, но выполнил приказ.

— Где вы поймали их? — спросил Ивон.

— Они пытались пролезть по внешней террасе вниз при

помощи вот этих снастей. — Мануэль пнул носком ботинка клубок веревок и крючков. — Мы думали, это крысы, но Иешуа убедил меня проверить. Так они и попались, мерзавцы! Ползли вниз друг за другом, как тараканы. Молодец, Иешуа!

Пока командир северного отряда, не стесняясь в выражениях, описывал, как его бойцы хватали дикарей и скручивали их, Рик встретился взглядом с женщиной и узнал ее. Это была девушка с трассы Круга Жизни. Та самая. Рик равнодушно отвел глаза.

— Ясно. — Ивон успел отдышаться. — Мы в вашем распоряжении.

— Спасибо. Надо отвести их к Смотрителю. Пусть разбирается. Всем встать!

Дикари послушались. Один пошатнулся, другой поддержал его. Бойцы Мануэля подобрали их вещи и сложили в мешки.

— Вперед! Вон туда! — Мануэль жестом показал крупному дикарю направление к лестнице. Другой патрульный ткнул его под ребра выключенным жезлом.

— Я понял, — спокойно сказал дикарь.

Это взбесило Мануэля. Он взмахнул своим жезлом и огрел им дикаря по плечу:

— Живо, скотина!

Варвар одарил командира колючим взглядом, и Рик готов был ручаться, что при иных обстоятельствах, не будь у Мануэля при себе оружия, ему пришлось бы туго. Процессия двинулась по коридору. Люди северного Патруля шли впереди, южного — замыкающими. Эскорт поднялся по секционной лестнице и вышел в лучевой коридор. Дикари шли, понурив головы, казалось, они смирились со своей участью. Когда все зашагали к малому дуговому коридору, девушка одним плавным движением сместилась в сторону. Большинство патрульных не сразу поняли, что произошло, лишь Рик успел схватить ее за плечо. Незнакомка снова плавно развернулась и ударила в живот — Рик согнулся пополам. Незнакомка уже бежала прочь, по направлению к Хорде.

— Догнать ее! — заорал Ивон.

— Я догоню! — завопил Иешуа, перескакивая через Рика.

— Я помогу! — крикнул Рик.

Они пустились в погоню: легкая, скользящая по коридору девушка-дикарка, жилистый Иешуа и Рик, еще не оправившийся от точного болезненного удара. Погоня длилась не более пяти минут, но в эти минуты должно было решиться все. Цепочка потолочных ламп тянулась к чему-то исторгавшему мертвенно-бледный свет. Вдруг коридор резко кончился, и троица выскочила на открытое пространство, напоминавшее балкон. Беглянка подскочила к самому краю площадки, туда, где начиналась

бездна. Иешуа чуть замедлил шаг. Рик — тоже. Он впервые увидел Хорду.

Снизу вверх, пронзая Пространство, тянулся гигантский вертикальный стержень, ширина которого не поддавалась исчислению. Рик просто не знал, с чем можно сопоставить эти исполинские размеры. Стержень Хорды находился точно посередине еще более огромного колодца, на внутреннюю стенку которого и выводила площадка перед коридором. У самого края, пронзая пол и потолок уровней, вверх вилась широкая лестница. Это был хребет мира, позвоночный столб вселенной, в которой родился и вырос Рик.

Дикарка стояла на краю и активно распускала лесу, намотанную на цилиндрическую болванку с тремя крючками-зацепами на конце. Иешуа медленно подбирался к беглянке, словно хищник перед броском. Пространство давило на него, но он был упрям и не отступал от намеченной цели. Дикарка, казалось, не замечала появления патрульных; она все разматывала металлическую лесу, готовясь то ли к спуску, то ли к подъему. Иешуа выставил перед собой жезл и прицелился.

— Нет! — крикнул Рик.

Слишком поздно. Молния ударила беглянку, заставила содрогнуться. Рик с ужасом осознал истинные намерения Иешуа. Он подскочил и выбил жезл из рук патрульного. Иешуа зарычал. Девушка упала бездыханной куклой на самом краю площадки. Рик и Иешуа сцепились между собой, работая кулаками и локтями.

— Ублюдок! Опять ты! — шипел Иешуа. — Я скину тебя в пропасть!

Они подкатились к краю площадки. Здесь дул ветер, восходящие потоки трепали их волосы и одежду. Рик почувствовал ледяное дыхание бездны. Еще шаг, и все кончено. Иешуа изловчился и обрушил кулак Рику в лицо — перед глазами потемнело. Рик на миг потерял ориентацию в пространстве, он попытался схватить противника, но слепо шарил рукой в пустоте, стоя на коленях…

— Вот они! — донеслось издалека. — Что здесь произошло?

— Быстрее! Хватайте девчонку! — голоса приблизились.

— Да она в отключке!

— Эй, что с Риком?

— Не знаю… Кажется, она хотела скинуть его вниз! — Рик узнал, это был Иешуа. — Я едва успел вырубить ее.

— Молодец! Ничего себе она отделала его! Поднимите-ка парня.

Сильные руки схватили Рика и поставили на ослабшие ноги.

Он с трудом разлепил левый глаз, правый так и не открылся, видимо, основательно заплыл. В голове шумело. Патрульные пронесли потерявшую сознание дикарку в сторону входа в коридор, Иешуа подобрал с пола свой жезл, Ивон ободрительно сказал:

— Все в порядке, парень.

У Рика было несколько иное мнение на этот счет. Прежде чем он потерял сознание и опрокинулся на спину, в вышине возникла человеческая фигура — смутное светящееся очертание, мелькнувшее на такой высоте, где полагается начаться тьме хаоса. Незнакомец словно балансировал на изнанке реальности, помахивая Рику рукой.

5

Залы Комитета имели высокие потолки и располагались в чистых, ухоженных помещениях. Все как положено власть предержащим. Начиная с сорокового уровня и выше, отопление работало в полную силу, и можно было ходить даже без утепленного форменного костюма. Поэтому Рик сидел в приемной и страдал от жары. Кроме того, здесь, наверху, было значительно светлее, отчего все казалось нестерпимо ярким, а цвета насыщенными. Он сидел на мягком, преступно мягком диване, и на столике перед ним стояло блюдо с печеньем. Печенье вкусно пахло; Рик прикидывал, сколько минут ему потребовалось бы, чтобы слопать все. Пять? Нет, он справится и за три.

Вышла девушка в золотистой тунике — одежде всех верхних — и сказала:

— Смотритель Крез готов принять брата Коммуны Рика. Прошу вас.

Разморенный теплом Рик со второй попытки сумел подняться и, слабо пошатываясь, проследовал за девушкой. Поначалу он не понял, куда попал: коридор все не кончался. А потом до него дошло, что это комната, только очень длинная, и в конце за столом сидит Смотритель. Крез встал и пошел навстречу, распахнув объятия, облобызал и протянул ему ладонь. Рукопожатие у Рика вышло неловким, и он смутился.

— Ха! — воскликнул Крез. — Я и не сомневался.

— Простите?

— Хотел пожать руку и лично сказать спасибо патрульному, который проявил храбрость и предотвратил побег лазутчиков. Все думал, кто бы это мог быть, и вспомнил про тебя.

— О, просто случайность.

— Вряд ли, — покачал головой Крез. — Поверь моему опыту: случайностей в нашем деле не бывает. Такие, как ты — оплот Коммуны.

— Ну что ж, вам виднее, — согласился Рик.

— Старшие по уровню рассказывают мне о каждом брате и сестре Коммуны. Это моя прямая обязанность — знать о людях все, чтобы защищать их и беречь. Так делали все Смотрители до меня. Может быть, поэтому Коммуна имеет такую славную и долгую историю… Так вот, особое внимание я всегда уделяю подрастающему поколению, потому что молодые — это будущее. Тебя я приметил давно и время от времени интересовался твоей судьбой. Физическая подготовка, результаты соревнований,

знание катехизиса, нормы выработки на производстве — у тебя всегда все получалось легко, как-то гладко, без особых проблем. И вот, нынешний Танец весны. Ты мог бы выбрать Поединок в яме, например, или Стояние над пропастью. Хотя нет, ты смертельно боишься высоты. Словом, ты мог бы выбрать любое из испытаний, но записался на самое опасное. Твои поступки говорят сами за себя. Правда, у твоей храбрости есть и обратная сторона.

Крез с сочувствием посмотрел на его синяк, который обрел благородный лиловый оттенок, сказал:

— Они сильны как черти, эти дикари!

— Господин Смотритель, это немного не так…

— Неважно, — оборвал Крез. — Присаживайся.

Они опустились в удобные кресла. Девушка-секретарь налила им по бокалу красного напитка. Крез тут же осушил свой наполовину. Рик осторожно пригубил. Напиток был вкусный и пряный и слегка жег язык.

— Смелее, — подбодрил Смотритель. — Послушай, Рик. Кроме выражения благодарности я хотел бы обсудить с тобой еще кое-что…

Рик аккуратно поставил бокал на столик. Он боялся смотреть Крезу в глаза. Ему казалось, Смотритель сразу узнает правду, как все было. Стоит встретиться взглядами и уже не отвертеться. А вдруг он знает?..

— Это касается нашей великой Коммуны. — Крез напустил на себя озабоченный вид. — Вопрос достаточно серьезный, поэтому не все должны быть в курсе. Из молодых об этом знает пара-тройка человек, самые лучшие и достойные. Ты проявил себя с положительной стороны и, думаю, тоже имеешь право знать.

Рик почтительно слушал.

— Но пообещай, что дальше этих стен наш разговор не пойдет.

— Да, конечно.

— Коммуна угасает. Огонь, который давным-давно разжег в храме Техники бог Машины, почти прогорел. Каждый день наши жрецы усердно молятся богу, просят его раздуть священное пламя, но пока он остается глух к нашим мольбам. Именно поэтому мы вынуждены ограничивать потребление тепла и расходуем священный огонь только на самое необходимое — на ферму, потому что от этого зависит наш урожай, и на освещение, потому что без света мы ослепнем. Таково положение вещей. Понимаешь?

Рик кивнул:

— Хорошо. Те дикари, которых вы поймали позавчера в северном крыле, стали шнырять здесь не просто так. Эти звери

что-то замышляют. Мне пока не удается выбить из них ничего путного, кроме того, что они зачем-то ползли вниз. Непонятно!

Крез раздосадованно развел руками:

— Но рано или поздно они заговорят. Кажется, я нащупал их слабые места… — Смотритель, казалось, позабыл о Рике и погрузился в свои мысли, шевелил губами, выкатив глаза. Это продолжалось с минуту. Затем Крез очнулся и невозмутимо продолжил: — В общем, они располагают очень важной информацией. Возможно, у них есть часть священного огня или они знают, где этот огонь находится, а это — ключ к спасению Коммуны. Это поможет нам выстоять. Это очень важно!

— Да.

— Поэтому я принял решение организовать поход во внешние пределы Пространства. В состав отряда войдут только самые мужественные и сильные люди. Нужны не только опытные, взрослые воины, но и такие как ты, молодые, энергичные, способные быстро действовать. Задачей отряда станет поиск священного огня или хотя бы топлива для него. Всего, что нам понадобится, всего, что будет полезно для Коммуны. Ты согласен отправиться в поход?

Вопрос оглушил Рика.

— Не знаю… Мне нужно подумать.

— У нас крайне мало времени на раздумья. Вчера алтарь бога Машины показал новое значение. Это тревожный знак.

Рик видел этот новый знак. Он выглядел как «4» со значком «%» справа. А раньше было «5» с тем же значком. Крез прищурился. Похоже, он как-то по-своему истолковал его замешательство.

— У тебя ведь есть сестра? Сколько ей, восемь? Соответственно восьмой уровень. Готов спорить, с отоплением и светом там не очень. Да и с питанием, наверно, тоже. Думаю, можно как-то изменить эту ситуацию.

— Не стоит, господин Смотритель… Нас вполне все устраивает.

— Ладно-ладно, — сказал Крез. — Думай, но не затягивай, потому что времени действительно крайне мало. В поход я отбираю только лучших, проверенных людей, тех, кто стойко переносит не только физические испытания, но и силен духом. Тех, кто устойчив к ереси.

При этих словах он взглянул на Рика.

— Ересь бродит внутри Коммуны. Ползает как червь. Оно и понятно. Слабые не выдерживают, потому что их вера мнимая и заботит их только собственное брюхо. Вот и сочиняют с голода всякие небылицы, а потом мутят народ. Совращают молодежь.

Помню, был один, шатался по нижним уровням и кричал, что мы все сидим в брюхе у какого-то чудовища, и это чудовище плавает в огромной чаше с водой, а чаша эта и есть вселенная. Все ходил и говорил, что пора выбираться наружу. Представляешь? Какая невозможная глупость!

Крез рассмеялся. Рик вежливо улыбнулся.

— А эти варвары? То, что они язычники, понятно. Темные, заблудшие души, обитающие во мраке Пространства. Но если принять хоть часть их бредней за чистую воду, можно сойти с ума. Если ты отправишься в поход, возможно, вы натолкнетесь на такие племена. Ты понимаешь, что я хочу сказать?

— Разумеется, господин Смотритель.

— Нужно быть крепким телом и сильным духом. Не позволять ереси сбивать себя с истинного пути. Есть бог Машины, Коммуна, Пространство. Таков порядок вещей. И наша беседа не случайна, как ты уже смог убедиться. Сюда попадают только лучшие.

Крез поднялся из кресла и Рик поспешил встать.

— Со временем, — добавил Смотритель, — когда проявишь себя с лучшей стороны, я буду посвящать тебя в некоторые тайны.

— Какие?

Крез неопределенно взмахнул рукой:

— Увидишь. Что ж, вот и все. Спасибо, что уделил время. Завтра в тот же час жду тебя здесь с решением.

— Да, Смотритель.

Крез оглядел Рика:

— Ты совсем как твой отец. Такой же серьезный, всегда напряженный. Ты удивлен? Я знал его, это был отличный брат Коммуны. Но, как и многие, он слишком рано отправился на свидание с богом Машины. Кстати, он принял бы мое предложение. Ну, до завтра!

Как в тумане Рик выбрался из кабинета Смотрителя. Он задыхался. Из окружающего пространства, казалось, откачали весь воздух. Девушка-секретарь подарила ему бессмысленную улыбку и скрылась с глаз. Рик постоял немного, оправился, пытаясь собраться с мыслями, но те упрямо расползались, не получалось сосредоточиться на чем-либо. Взгляд его снова упал на блюдо с печеньем. На этот раз он не стал скромничать — набрал полный карман и даже крошки смахнул на ладонь. Для Авроры.

6

В этот раз церемония казни обошлась без Смотрителя. Его заменял один из жрецов — толстяк с одутловатым лицом, сопровождаемый эскортом из нескольких патрульных к выходу на карниз, следом семенила горстка зевак, состоявшая главным образом из детей и калек, то есть тех, кто не мог работать. Карнизом называли коридор, огибавший сектор по периметру. Часть его свода когда-то была прозрачной, но заросла грязью и плесенью. Если бы не грязь, сквозь нее бы виднелась противоположная стена пустующего сектора Пространства, разделенного с Коммуной пропастью. Необитаемый сектор соединялся с Коммуной только переходами, сквозь которые пролегали малые и большие дуговые коридоры.

В одном месте карниз обрушился. Стенки коридора пробило и выгнуло невероятной силой. В возникшую дыру могли свободно пройти, взявшись за руки, с дюжину мужчин. Отсюда была прекрасно видна противоположная стена Пространства, покрытая темными пятнами и потеками. Напротив дыры эскорт остановился. Жрец выступил вперед и прочистил горло, громко покашливая. Потом достал из своей хламиды Писание и кадило — большущую шестерню, привязанную к веревке. Пока он занимался приготовлениями, патрульные выстроили осужденных вдоль стены. Пленники выглядели жалко: избитые, осунувшиеся, они еле держались на ногах.

Жрец дал знак патрульным. Те замерли.

— Именем великого бога Машины! — начал он. Сделал паузу, внимательно оглядел присутствующих и продолжил: — Сегодня мы собрались здесь, чтобы совершить акт правосудия. Будет оглашен приговор. Комиссия приговорила этих преступников к высшей мере наказания за особо тяжкое преступление — ересь против учения Коммуны. Этот грех был совершен ими осознанно, умышленно и злонамеренно. Прекрасно понимая всю опасность своих пагубных воззрений, эти еретики продолжали сеять среди людей Коммуны смуту и подстрекать добрых братьев и сестер к расколу! Немыслимое злодеяние! Отвратительный грех!

Жрец набрал воздуха в грудь.

— Комиссия внимательно изучила каждое из совершенных преступлений. Были учтены все смягчающие и отягчающие обстоятельства, взвешен каждый факт. Комиссия опиралась только на истину, справедливость и закон божий. Несмотря на тяжесть совершенных злодеяний, мы постарались быть милосердны, насколько это возможно. Осужденный, брат Питер!

Стража подхватила за локти седого мужчину и подтащила к жрецу.

— Рабочий ночной смены тридцать второго уровня, обвиняется в организации и подготовке восстания, а значит, в ереси против богоугодной власти Смотрителя. Воспользовавшись своим служебным положением, приготовил орудия и составил план действий по свержению Комитета. Подговорил шесть рабочих и планировал захватить патрульных уровня с тем, чтобы, отняв у них жезлы, установить контроль над всем уровнем. Нагло и дерзко утверждал, будто Комитет обделяет братьев и сестер пищей, теплом и светом. Хулил великого бога Машины, лично оскорблял Смотрителя Креза, проклинал Коммуну. Схвачен по бдительному доносу брата Августа. Изучив материалы дела, допросив свидетелей и соучастников заговора, Комитет нашел брата Питера виновным в совершенном преступлении, признает его еретиком, мятежником и приговаривает его к забвению в Пропасти. Приговор после оглашения привести в исполнение немедленно!

Жрец с поразительной проворностью отступил. Стражники поволокли приговоренного к краю карниза.

Стоявший возле Рика одноногий калека зашептал соседу:

— Щас заверещит! Они всегда верещат — так весело.

Когда патрульные подвели приговоренного к самому краю пропасти, словно очнувшись от кошмара, тот встрепенулся, безуспешно попытался вырваться и заголосил:

— Прошу вас! У меня дети и жена! Им урежут паек! Прошу!

Жрец кивнул страже, те сильно толкнули приговоренного в спину. Тот потерял равновесие, поскользнулся, сделал последнюю отчаянную попытку схватиться за выступающий кусок металла. Патрульный ударил по руке, и приговоренный с отчаянным криком полетел вниз. Завывания ветра быстро поглотили его удаляющийся вопль.

— Во имя бога Машины, — сказал жрец и совершил кадилом ритуальный жест. — Следующая, сестра Эдита.

Патруль подвел к нему женщину с нескладным лицом и крупными черными глазами.

— Работница склада зерновых двадцать девятого уровня, обвинялась в хищении ценного зерна, которое тайком, в складках одежды проносила через пропускной пункт, хранила у себя в жилом блоке и употребляла в пищу, помимо законно установленного пайка. Украла более двух мешков пшеницы и полмешка ржи, а значит, нанесла оскорбление действием Коммуне, обделила своих собратьев и очернила имя бога Машины. Комитет изучил дело сестры и признает ее виновной в

совершенном преступлении. Учитывая чистосердечное признание и раскаяние, Комитет проявляет милосердие и приговаривает Эдиту к году каторги с половинным пайком на обработке удобрений. Ступай и не греши.

Патрульные развязали женщине руки и отпустили прочь. Жрец чинно взмахнул кадилом и взглянул на оставшихся трех варваров, пойманных накануне северным Патрулем.

— Следующие, не люди Коммуны. Застигнуты на месте преступления и схвачены с поличным как вредоносные вражеские лазутчики. При себе имели оружие, хитроумные приспособления и свитки с демоническими письменами, порочащими имя бога Машины. Обвиняются в подготовке нападения на великую Коммуну. Истово и прочно исповедуют опаснейшую ересь, отрицающую существование бога и искажающую картину мироздания. Более того, коварно пытались совратить в свой мерзкий культ Патруль и жрецов, включая меня. Не считают свою ересь грехом и не раскаиваются перед лицом закона и святого Писания…

— Хватит! — крикнул здоровенный варвар, уже знакомый Рику. — Сколько можно твердить…

Стражник тут же ужалил его молнией под ребро. Дикарь прорычал незнакомое ругательство.

Жрец дико вытаращил глаза на него, сглотнул и торопливо продолжил:

— Комитет изучил дело этих троих варваров из внешнего Пространства, заслушал их показания и на основе имеющихся фактов признает их виновными в совершенном преступлении, объявляет еретиками и раскольниками, порочащими славное имя бога Машины самим своим существованием. Учитывая злостный характер, опасность ереси и убежденность в своих дьявольских взглядах, суд не находит оснований для смягчения наказания и приговаривает варваров к забвению в Пропасти. Приговор следует привести в исполнение постепенно. Сегодня будет казнен первый еретик, завтра второй, а послезавтра — третий. Такое решение принято для усиления восприятия и осознания преступниками неотвратимости своей участи. Привести приговор в исполнение! Он, — жрец нацелил мясистый палец на крепкого варвара, — первый.

Пленника тут же схватили пятеро патрульных, не столько помогая, сколько мешая друг другу. Образовалась свалка. Рик зорко следил за остальными дикарями — именно для этого он был здесь поставлен. Плененная незнакомка взглянула на него с отчаянием. Ее губы безмолвно произнесли какое-то слово. Рик едва заметно покачал головой.

— Кидайте его вниз! — ликовал одноногий калека среди зрителей, потрясая костылем.

Варвар был силен — выше остальных на полголовы, шире и коренастее в плечах, он отчаянно сопротивлялся. Но, несмотря на возникшую борьбу, его все же подтащили к краю карниза.

— Остановитесь! — заорал второй дикарь, усатый мужчина. — Будьте людьми, остановите это безумие!

Стражник тут же наградил его зуботычиной. По щекам пленницы потекли слезы. Но Рик понял, что плачет она не от жалости, а от отчаянья, готовая в любой момент броситься в драку.

Жрец сделал стражникам знак и быстро обратился к двум дикарям:

— Будете говорить или нет?

— Нам больше нечего говорить! Мы ничего не знаем!

Жрец скорчил разочарованную гримасу и кивнул палачам. Дикарь взревел, как тревожный гудок, который Рику довелось однажды слышать, когда в их секторе случился пожар. В последней, отчаянной попытке спастись, дикарь сорвал с себя путы и сокрушил кулаком одного патрульного, но четверо других оттеснили его к краю — дикарь продолжал громогласно реветь. В его крике не было и намека на страх — только ярость. Одно долгое мгновение он балансировал на краю, потом извернулся и ухватил за грудки ближайшего патрульного, рванув его на себя. Оба полетели в пропасть. Стражник визжал как недобитая ящерица-мокрица. Патрульные подскочили к краю, пытаясь разглядеть подробности, но Мать-тьма уже поглотила свою добычу.

— Твари! — закричал мужчина-варвар. — Поганые язычники! За что?

Он продолжал кричать, а незнакомка плакать всю обратную дорогу до тюремного уровня, и Рик в числе остальных патрульных сопровождал их, не смея взглянуть осужденным в глаза и чувствуя себя так погано, как не чувствовал со дня смерти мамы, когда она не вынесла кишечной лихорадки.

Он подошел к Ивону:

— Плохо себя чувствую. Сегодня я не боец. Поставьте меня куда-нибудь в стражу.

Ивон все понял.

— Иди к малой дуге. Я передам дежурному.

— Спасибо.

— Эй… — Ивон дождался, когда рядом никого не окажется и тихо сказал: — Знаешь, что мне больше всего нравится во внешнем Патруле? То, что не видишь всякого дерьма, вроде

сегодняшнего.

— Думаю, что согласен с вами, командир.

— Да, вспомнил тут кое-что. Один раз мы шли по карнизу к Хорде. Постояли там, и хотели поворачивать обратно, как сверху прилетел человек. Мелькнул и — дальше вниз. Забавно, да?

Ивон расхохотался.

Рик чувствовал себя опустошенным. Перед сменой он решил зайти в свой жилой блок, захватить теплую куртку и кое-какие вещи. У двери стояли Киото с Авророй. Старик и девочка выглядели встревоженными.

— Что случилось?

— На детских уровнях перебои с отоплением. Сегодня отрубили на полдня, и сразу стало холодно. Я дал твоей сестренке часть своих тряпок. Они чистые. Не возражаешь?

— Конечно нет. А что у вас?

— Пока нормально, — улыбнулся Киото. — Упало на пару градусов. Кое-кто из наших окоченел, но все равно они долго не протянули бы. Греюсь самогонкой. Ходят слухи, что готовится уплотнение. Для экономии. С пятидесяти уровней Коммуна ужмется до сорока. Куда уж дальше…

— Слушайте, мне в наряд надо идти, так что вы располагайтесь, грейтесь и все такое. Потом поболтаем.

— Без проблем, ты же меня знаешь, дружище Рик.

— Не уходи, Рик… — вдруг захныкала Аврора.

— Почему? — склонился он над ней. Девочка прижалась к нему, прячась под расстегнутые полы куртки, обняла.

— Не знаю. Мне страшно.

Рик гладил ее по голове.

— Глупости. Все будет хорошо. Скоро я вернусь из патруля, а пока с тобой побудет дядя Киото. Он тебя накормит и поиграет с тобой. Да?

— Конечно.

Рик обменялся со стариком взглядом. Киото спровадил девочку в комнату и вышел в коридор.

— Что-то в секторе делается, — сказал он. — Что-то неладное. Ребенок пропал. Девочка. Никто ее не видел, нигде найти не могут. Ребенок, оно и понятно. Маленькая не сможет отбиться. У старых, типа меня, тоже силенок маловато. У женщин тоже… Будь осторожен, Рик. Я видел, как патрульный шел по цеху и сделал замечание рабочему, а рабочий плюнул ему на ботинки. И патрульный ничего не сделал, потому что все сразу прекратили работать. Смотрели на него. А он, дурак, один туда сунулся, в цех.

Рик кивнул.

— На, возьми. Тебя никто обыскивать не будет. — Киото сунул ему свернутый листок.

— Зачем?

— Бери, говорю тебе.

Рик сунул листок в карман и, не прощаясь, пошел прочь. На сердце у него было тяжело. Спиной он чувствовал взгляд старика.

Заступив в наряд, простоял у южного входа в малую дугу положенное время. Задумчиво наблюдал за пустым темным пространством впереди. Если рядом детали коридора еще были различимы, то дальше начиналась тьма. Тьма и холод. Тьма окружала их со всех сторон, подкрадывалась к сектору и впивалась колючими иглами холода в каждого, кто обитал здесь. Она побеждала, а человек проигрывал.

И никакой бог Машины не мог ему помочь. Рик стоял на посту, вспоминал события сегодняшнего дня и думал. Размышлял основательно, неторопливо перекатывая в голове мысли, которые постепенно складывались в единую картину. Картине не хватало еще многих деталей, но общие контуры уже проступили. Этого было достаточно.

Когда смена закончилась, он доложился по заведенному порядку старшему Патруля, но, вместо того чтобы вернуться домой, отправился по карнизу к Хорде. Пространство почему-то больше не пугало его. Проходя мимо дыры в карнизе, он помедлил. Что-то блеснуло на полу. Он склонился и подобрал странный предмет. А потом вспомнил, что видел его в ухе плененной незнакомки в момент, когда помог ей высвободить руку из скоб.

Когда Рик достиг Хорды, холод Пространства стал прокрадываться под одежду и сильно щипать лицо. Он вышел на балкон. Взглянул на запечатанные ворота сектора — точно такие же открыты на десять уровней выше. Рик спокойно положил свой жезл, отошел от него на пять шагов, опустился на пол, подогнув к себе ноги, и стал ждать. Становилось холоднее. Значит, спускается ночь. Где-то там его ждут старик и сестра, но есть дела поважнее.

Рик ждал, готовый ко всему.

Главное — не заснуть. Иначе он никогда не проснется.

Великая Хорда безмолвно парила перед ним, пронзая Пространство. Где она начинается? И где заканчивается? Катехизис — основное учение вероисповедания — утверждает, что она бесконечна. Но что, если это не так? Опасные вопросы. Именно так впадают в ересь.

Часть Хорды была освещена огоньками с уровней сектора, но остальное скрывалось в непроглядной тьме. Рик встал. Холод

основательно подморозил его; не мешало согреться. Очень медленно он подошел к краю балкона, вглядываясь вверх. Глаза привыкли к темноте. Хорда тянулась далеко, не на один десяток уровней, и исчезала там, поглощенная тьмой. Рик лег на край и глянул вниз, цепенея от страха. Воистину, пропасть не имела дна. Он поблагодарил тьму за то, что скрывалось в ней, — ведь оно способно свести с ума любого смертного.

— Там довольно глубоко, — произнес чей-то голос.

Рик отпрянул от края. Жезл! Слишком далеко. Какой же он глупец. Это будет самая нелепая смерть за всю историю Коммуны! Неподалеку на краю стоял человек. В одной руке он держал фонарь, другой хватался за тонкий стальной трос.

— Кто ты? — прошептал Рик. Он хотел закричать, но голос подвел.

— Меня зовут Ахмед Корманкур.

— Два имени? Ты человек или дух?

— Человек, такой же, как и ты.

Рик изумленно вглядывался в его молодое лицо. Похоже, юноша, но с чертами, отличными от людей Коммуны: густые брови, толстые губы, крупный нос. И кожа такого темного цвета, что казалась черной.

— Ты прибыл из иных миров?

Ахмед сказал:

— Да.

— Зачем?

— Мы кое-что ищем.

— «Мы»? Ты не один?

— Теперь я один. С тех пор, как твои люди схватили моих друзей. — Ахмед слегка ослабил натяжение троса. — Я все видел. Поэтому решил с тобой поговорить.

Значит, не показалось.

— Что ты смотришь туда? Бери свою палку, я тебя не трону.

Рик подобрал оружие. Это вернуло уверенность. Он немного успокоился.

— Сегодня состоялся суд над твоими сородичами. Один из них отправлен во тьму.

Ахмед помрачнел.

— А что с остальными?

— Ожидают своей очереди. Завтра и послезавтра.

— Только не это!.. — с отчаянием прошептал пришелец.

— Ты говоришь на нашем языке, — заметил Рик.

— У нас общий язык. Тебя это удивляет?

— Я не ожидал…

— Да, все забываю. Ваш сектор так долго жил в изоляции, вы

стали считать себя единственными во всем мире.

— Наш сектор? — удивлению Рика не было предела. — О чем ты говоришь, варвар?

— Варвар, — усмехнулся Ахмед. — Вот как вы нас называете.

— Всех, кто обитает в Пространстве.

— Понятно. Как твое имя?

— Рик.

— Могу ли я тебе доверять, Рик?

Рик совсем позабыл про свои обязанности и статус. Ведь сейчас он должен арестовать дикаря и конвоировать его в тюрьму. Он колебался. Ахмед это заметил.

— Ничего хорошего от тебя ждать не стоит, верно?

— Ты прав. Но я, — Рику тяжело давались слова, — изменил решение.

— Почему? — с искренним любопытством спросил Ахмед.

— Не хочу, чтобы девушка шагнула в бездну. Да и тот дикарь тоже. Вы не похожи на лазутчиков.

Ахмед разглядывал его с минуту. Его чудесный фонарь горел сам по себе и не требовал приложения усилий. Его лицо не было искажено ни злобой, ни хитростью. Глаза смотрели прямо. Варвары так бы себя не вели. Но, может, это уловка, какая-то игра? Рика терзали сомнения. Потом он окончательно решился: будь что будет. И опустил жезл.

— Спасибо тебе. — Ахмед отпустил трос и протянул Рику свободную руку. — Ты первый из нижних, с кем можно нормально говорить.

— Нет, — усмехнулся Рик, — мы на верхних уровнях. Нижние начнутся после двадцатого.

— Как ты сказал? — Ахмед расплылся в ослепительной улыбке. — Двадцатого?

— Что здесь смешного?

— Рик! Наш отряд прибыл из сектора «К» — Каппа. Это семьсот пятидесятый этаж и выше.

7

По лучевому коридору тюремного уровня шли двое: пленник и страж. Прохожие с любопытством разглядывали пленника — таких чернокожих людей им еще не доводилось видеть. Патрульный воплощал собой само напряжение и собранность, он готов был в любой момент применить оружие, попробуй пленник сбежать. Маленький конвой прошагал почти до самого конца коридора и остановился возле дверей комнаты коменданта.

Рик постучал. Дверь не сразу открылась, наружу выглянул заспанный тюремщик.

— Чего надо?

— Брат Шо, я поймал на карнизе еще одну крысу, — Рик указал на пленника.

Тюремщик вытаращился на Ахмеда.

— Где ты его откопал?

— Он сам упал на меня сверху. Спускался по железной нитке как паук. Тут-то я его и сцапал. Подлец хотел удрать, ну, я его малость остудил.

Для убедительности Рик ткнул пленника жезлом в бок. Тюремщик окончательно проснулся и вытащил из-за пояса кинжал.

— Так-так. Очень хорошо. Чудесно! Молодец, Рик. Спасибо, я отведу его к дежурному комитетчику.

— Не за что, брат. Вот только… — Рик опасливо посмотрел на Ахмеда. — Этот черт силен как бык, понимаете? Как бы чего не случилось…

Тюремщик оценивающе взглянул на Ахмеда и кивнул:

— Да, ты прав. Лишняя осторожность не помешает. Пойдем со мной.

Они прошли по лучевому коридору в обратную сторону, туда, где находилась лестница. Время было позднее. Но, несмотря на это, каждый этаж патрулировался. Троица завернула на лестницу и стала подниматься. Не успели они пройти и одного пролета, как Ахмед споткнулся и упал ничком.

— В чем дело? — рявкнул Шо.

— Нога, — заскулил Ахмед с такой болью в голосе, словно навсегда утратил возможность ходить.

Тюремщик склонился над Ахмедом, приставив к его горлу кинжал.

— Меня этим фокусом не проведешь! Вставай, крысеныш, а не то я тебе вторую ногу сломаю!

Рик коротко замахнулся и приложил Шо по затылку.

Тюремщик засипел, как прохудившийся воздуховод. Рик ударил снова — Шо повалился на Ахмеда. Пыхтя и отдуваясь, Рик помог сообщнику выбраться из-под массивной туши.

— Что дальше?

Рика охватила паника. Его положение в коммуне рухнуло окончательно, пути назад нет. Но вслед за этим наступили удивительная легкость на душе и ясность действий. Он мгновенно взял себя в руки, быстро обыскал Шо, вынул связку ключей. Вместе с Ахмедом они оттащили тело к стене и кое-как запихнули его за батарею отопления. Одна рука постоянно выпадала наружу, никак не желая сгибаться.

— Хватит! У нас нет на больше времени, — Рик подтолкнул Ахмеда.

В любой момент сверху или снизу могли показаться люди. Рик вывел Ахмеда обратно в коридор и, как прежде, изображая конвойного, повел его к камерам, где находились варвары. В дальнем конце коридора спиной к ним прогуливался конвой. Кто-то из пленников тянул унылую песню. Они прошли до нужной камеры. Хоть Рик не умел читать, зато прекрасно справлялся со счетом: камеры одиннадцатая и двенадцатая, если идти от лестницы. Вот они. Рик в замешательстве уставился на связку ключей, перебирая их в руках. Ключи были одинаковыми.

— Смотри на цифру и ищи ее на ключе, — прошептал Ахмед.

Рик послушно принялся искать. Он перебрал с десяток ключей, но вот в руке блеснул подходящий. Рик с невозмутимым видом сунул его в замок и открыл камеру. Они вошли внутрь. В камере должна была находиться девушка. Но там сидел мужчина. Не варвар. Они ошиблись!

Арестант ожидающе смотрел перед собой мимо Рика.

— Ты кто? — невольно вырвалось у последнего.

В горле у арестанта заклокотало. Рик присмотрелся внимательней: этот заключенный казался знакомым, привстал с лежанки и слепо уставился на свет.

— Вы пришли убить меня? — наконец прохрипел он.

— Нет.

— Тогда зачем вы пришли?

Рик осторожно приблизился. Но заключенный не повернул вслед за ним голову. Он и впрямь был слепым. Заросший седой бородой по самые скулы, с потемневшими зубами, весь пропитанный запахом нечистот. Человеческий обломок.

И тут Рик вспомнил. Давным-давно, лет пятнадцать назад, когда он был совсем малышом, рядом с ними жила семья. Отец работал монтажником, а мать, как водится, возилась на грядках. Был у них сын, одногодка Рика. И однажды случилось в этой

семье несчастье — мальчишка свалился с балкона, сильно расшиб себе спину. Лекарь сказал, что ходить он больше не сможет. Никогда. Потому что перебит позвоночник. Тогда отец пошел к жрецам и молил их обратиться к богу Машины, чтобы тот сжалился над семьей. Жрецы выслушали, пообещали помолиться, но оказались бессильны. Монтажник не отступал, многие дни он обивал пороги Комитета, Смотритель принимал его, но ничего не сделал. Кто-то шепнул, что надо искать лекарство за барьером, в темноте Пространства. Недолго думая, монтажник собрался и ушел из Коммуны. Жена ходила в гости к маме Рика, они долго сидели за столом и беседовали. Она плакала и жаловалась на судьбу, а мама утешала ее, и Рик развлекал того мальчика. Шли месяцы, о муже не было вестей, и все решили, что он сгинул в Пространстве навсегда. Жена его как-то привыкла к увечью сына и смирилась.

Но он вернулся. Мать-тьма выпустила его из своих цепких объятий. Он не только сумел выжить, но и принес с собой какое-то хитроумное устройство, которое следовало прикладывать к спине сына. Смотритель лично спустился к их комнате, чтобы посмотреть на него и понаблюдать, как работает необычное устройство. Мальчика перевернули на живот и положили на спину серебряный диск, который зажужжал и осветился красным. Все молча наблюдали за этим. Когда диск стал зеленым, отец ущипнул сына за пятку и тот вскрикнул от боли — ноги вновь его слушались. Смотритель ушел, не сказав ни слова.

Вернувшийся монтажник стал рассказывать небывалые вещи о Пространстве. Он клялся самым святым, что говорит правду, хоть это и шло вразрез с догмами Писания. Земляки с интересом слушали его, но считали безумцем. Монтажник вернулся к работе, но не прошло и недели, как стал слепнуть. Почему так получилось, никто не знал. А затем он исчез. Все решили, будто опять ушел за барьер, только жена, объятая горем, отрицала это. Потому что исчезло чудесное устройство-диск, исцелившее сына.

Что сталось с ними потом, Рик не помнил.

— Чего вам надо? — допытывался слепец.

— Нам нужна девушка. Ее должны были посадить в эту камеру, — сказал Рик.

— Девушка, — пробормотал узник. — Девушка.

— Пойдем, от него толку мало, — позвал Ахмед.

Рик был того же мнения. Они отступили к двери камеры.

— Девушка. Кричала. Плакала. Девушка. Они вели ее по коридору. Они сказали: вызывает, приказал привести. Они сказали: третий раз за день… сказали они…

Бормотание стало невнятным и превратилось в серию

свистящих звуков.

— Не знаю как ты, а я, кажется, догадался, — сказал Ахмед. — Спасибо.

— Вы бывали на краю мира? — спросил слепец. — А я был. Там так светло, что больно глазам. Я до сих пор вижу этот свет…

— Какой свет?

Заключенный не ответил; он опустился и скорчился на лежанке, повернувшись к ним спиной. Когда они открыли дверь и хотели выйти в коридор, он вдруг громко сказал:

— Солнце вышло из-за туч, уронило теплый луч.

И безумно расхохотался, давясь и всхрапывая. Ахмед и Рик заглянули в соседнюю камеру. Усатого мужчины-варвара тоже не было. Не мешкая, напарники отправились на верхний уровень. Там располагались комнаты комитетчиков, там вели допросы и судебные процессы. Снова они разыграли те же роли. На этаже находилось человек пять патрульных: он даже узнал некоторых и приветственно им кивнул:

— Где допрашивают тех дикарей?

— Среди которых девчонка? Вон там, — охотно показали ему. — Третьего ведешь?

— Точно!

Они подошли к кабинету. У входа стоял патрульный. Рик соврал ему, как в прошлый раз брату Шо. Патрульный мазнул по Ахмеду любопытным взглядом, отсалютовал жезлом и сказал:

— Сейчас доложу.

И исчез за дверью. Рик почувствовал, что его сердце готово вырваться из груди, ладони стали скользкими от пота.

— Что будем делать? — шепнул он.

— Как выйдет, толкнем обратно, и навалимся.

Патрульный снова показался в дверях, но не вышел.

— Заходите, — равнодушно сказал он, отступая вглубь.

Рик даже удивиться не успел. Они зашли. Комната была просторной: во всю противоположную стену тянулось окно, в углу стоял стол, за ним сидел комитетчик и что-то писал в свитке. Еще один стоял возле окна, через которое виднелась другая комната, ярко освещенная, где сидели варвары, привязанные к стульям, и двое инквизиторов трудились над ними, награждая затрещинами. Комитетчик покончил с записями и поднялся из-за стола, заложил руки за спину и подошел к Ахмеду с Риком.

— Мы вас заждались. Прошу. — Он пригласил их подойти к окну.

Все выглядело так, словно они были предупреждены. Напарники медленно подошли к окну. Сзади щелкнул завод жезла. Этот звук Рик ни с чем не мог спутать.

— Рик, спасибо за труд. Ты показал себя просто блестяще. — Комитетчик похлопал его по плечу. — Смотритель Крез рекомендовал тебя как очень талантливого молодого человека, но я и не подозревал, что ты на такое способен. Привести сюда этого дикаря без лишнего шума. Я впечатлен. А вы? — Он обратился к Ахмеду. — Вот, полюбуйтесь на своих товарищей.

Но Ахмед смотрел не за стекло, а на Рика.

— Я не знаю, о чем он говорит, — сказал Рик.

— Ты обманул меня, — сказал Ахмед.

— Ну-ну, — сказал комитетчик. — Какой неловкий момент. Не мучайся, Рик, эта ложь — во благо Коммуны.

— Какая ложь? Я говорю чистую правду!

— Конечно, Рик. И чем убедительнее твоя ложь, тем она больше похожа на правду. Ложь становится правдой, когда искренне веришь в нее. Ты был так убедителен перед ним, потому что поверил в свою ложь.

— Ты — грязный подонок! — крикнул Рик комитетчику, сжав кулаки.

Улыбку на лице комитетчика сменил хищный оскал.

— Поосторожней, молодой человек. На первый раз я тебя прощаю. Но впредь знай свое место! — и он отвесил Рику звонкую пощечину. — Запомни: вся твоя никчемная жизнь, твое тело и твоя душа принадлежат Коммуне, потому что она дала тебе дом, пищу, одежду, тепло. Ты должен быть счастлив, что родился здесь, а не за барьером, как эти животные. Каждую секунду своей щенячьей жизни ты должен благодарить Комитет и Смотрителя за свое счастливое детство и юность. А за то, что стал патрульным и удостоился высокой чести служить Коммуне с оружием в руках, ты вообще должен ползать на коленях! Поэтому подумай, на кого разеваешь пасть!

Рик, охваченный жаром ненависти, смотрел в пол. Он чувствовал, как пылает его лицо, особенно щека, принявшая удар, как горят огнем уши и гулко стучит сердце.

— Тебе еще многому предстоит научиться. И первым делом надо бы усвоить простую вещь: всегда приходится чем-то жертвовать во имя высшего блага. Ты же не хочешь, чтобы люди Коммуны погибли в мучениях от холода и голода? Братья и сестры Коммуны верят и надеются, что бог Машины поможет им, а Комитет, его проводник, спасет их. Их нельзя разочаровывать. А ведь по твоей вине Коммуна может погибнуть. Пойми! Эти варвары — наш шанс найти божественный огонь, их жизни не стоят и ломтя черствого хлеба по сравнению с жизнью самого последнего калеки в секторе Омикрона! Не забывай также про свою сестру. Решай, что тебе дороже, ее жизнь или благополучие

этих… зверей. — Комитетчик повернулся к Ахмеду. — А ты, дикарь, смотри на своих друзей и готовься.

Рик зарычал и ударил комитетчика кулаком в нос. Это был хорошо поставленный удар — часы тренировки в свободное время прошли не зря. Нос хрустнул, как сухарь. Комитетчик взвыл. В спину Рику с шипением впилась электрическая молния. Но пущенный в ход жезл охранника не мог так громко шипеть, Рик понял, что с выстрелом в комнате случилось что-то еще. Спустя миг Ахмед подхватил его, не дав упасть, и нацепил на лицо необычную маску-ракушку; на его лице уже красовалась точно такая же. Комната стремительно заполнилась клубами едкого тумана, в которых потонули мечущиеся люди. Стражник сзади распахнул дверь, вывалился наружу, но спустя три неверных шага рухнул на пол. Газ выползал наружу, в коридор. Комитетчик и его напарник уже лежали без сознания. Ахмед и Рик спрятались за дверью. В коридоре слышались крики бегущих патрульных, но едва те достигали комнаты, звучали стоны и звуки падающих тел.

— Усыпляющий газ, — подмигнул Ахмед. — Классная штука!

— Спасибо, — сказал Рик. — Я не врал.

— Потом. Надо освободить моих ребят.

Мучители в камере пыток почуяли неладное. Едва они открыли дверь, Рик выплеснул на их головы всю свою ярость, мастерски орудуя жезлом. Первый упал, сраженный без лишнего шума, а вот второй заголосил, отчаянно сопротивляясь и швыряя в Рика все, что попадется под руку. Рик настиг и его и, когда все было кончено, запоздало понял, что вырубил взрослого сильного мужика.

Ахмед нацепил своим друзьям дыхательные маски. На пленников было больно смотреть — инквизиторы постарались на славу, разукрасив их лица побоями, особенно поработав над усатым. Рик взвалил его себе на плечи, в то время как Ахмед помогал девушке встать со стула.

— Надо убираться отсюда! — крикнул Ахмед.

— Сейчас они поднимут тревогу.

— Куда бежать?

Рик мысленно представил схему сектора: выходы из коридоров перекрыты. О том, чтобы бежать туда, не могло идти и речи.

— Вниз, — скомандовал Рик. — Там разберемся.

Газ плотным облаком окутал коридор, и любой, кто совался сюда, валился на пол, усыпленный. Но действие газа не могло продолжаться вечно. Рик метнулся было к лестнице: оттуда слышались голоса.

— Мы в ловушке! Вторая лестница слишком далеко, и пока

мы доберемся до нее, нас схватят.

— Так давай спустимся на лифте, — предложил Ахмед.

— Спустимся на чем?

— Понятно. Где длинный вертикальный туннель?

Рик лихорадочно соображал.

— Лебедка?

Крики патрульных, спешащих к ним, становились все ближе.

— Да, да! Где она?

Беглецы подбежали к распахнутой шахте с подъемником. Люди постарше рассказывали, что когда-то лебедка работала по воле бога Машины — это была кабина, которая двигалась вниз и вверх. Но сейчас ее приходилось приводить в движение механическими усилиями. Лебедкой пользовались, только когда надо транспортировать тяжелые грузы.

Газ почти рассеялся. В дальнем конце коридора маячили патрульные — страшно ругаясь, они ждали и готовы были броситься в погоню. Ахмед вскрыл панель возле створок, быстро набрал комбинацию кнопок на малом алтаре. Что-то загудело в чреве шахты. Алтарь замерцал зеленым светом.

— Работает! — выдохнул Ахмед.

— Как тебе удалось? — изумился Рик. — Ты умеешь говорить с богом?

— Не понимаю, о чем ты.

Патрульные подбирались все ближе.

— У тебя есть еще этот волшебный газ?

— Есть, последняя капсула, но его надо приберечь!

Чтобы задержать погоню, Рик кое-что придумал. Он воткнул жезл в одно из углублений, какими был испещрен коридор и стены каждого уровня, включил разряд и зафиксировал его. Жезл затрещал молниями, хаотично посылая их вверх. Те отражались от потолка и стен и ветвились в воздухе под немыслимыми углами. Рик наклонил жезл в сторону преследователей и на их пути встала завеса из танцующих фиолетовых разрядов.

— Рик! — Его окликнул Ивон, лицо искажено злобой. Но он пока далеко. — Что ты творишь?!

Рик не ответил.

— Это мятеж! Остановись, пока не поздно!

Рик молча отступил к лебедке. Кабина как раз поднялась, и Ахмед затаскивал туда своих товарищей. Усатый пришел в себя и мог держаться на ногах. Ивон продолжал призывать Рика к повиновению, но беглецы уже запрыгнули в кабинку, и Ахмед нажал на кнопку. Лифт поехал вниз.

Створки были открыты везде. Перед ними замелькали уровни, и каждый коридор просматривался насквозь, со всеми,

кто находился там. На уровне глаз мерцала иконка бога-Машины с мигающими символами. Рик догадался, что она обозначает. Первые пять уровней остались над головой; их коридоры были хорошо освещены, чисты и нарядны. Люди там ходили в золотистых одеждах. Затем последовали уровни четвертого круга, не такие опрятные, хотя и освещенные вполне прилично. Здесь люди ходили в зеленом. На уровнях третьего круга, где находилась его комната, люди одевались во все красное, и лампы здесь горели вполсилы. Затем лифт спустился в зону сумрака — мимо общежитий рабочих, те двигались по коридорам тенями, потому что носили черные одежды. Казалось, по коридорам порхают светляки, то были ручные катушечные фонарики, которыми иногда освещали себе путь рабочие. Наконец, лифт миновал второй круг жизни, где юное поколение носило только желтые костюмы. Здесь было чуть светлее, но и вполовину не так, как наверху. Но кабина не остановилась.

— Куда мы едем? — спросил Рик, возвращая маску-фильтр Ахмеду.

— На самый первый этаж вашего сектора, — сказал тот.

— Но ведь оттуда нет выхода!

— Выход есть, — сказала девушка. Она пришла в себя и сидела на полу, в углу кабины. — У каждого сектора есть выход вверх и вниз, на технические этажи.

Снова темнота. Почти полная. Только оранжевые точки светильников иногда мерцали на стенах. Уровни последнего круга жизни напоминали дно огромной мутной лужи — то здесь, то там, в коридорах вспыхивали и сразу гасли огоньки.

— Кто здесь живет? — удивился Ахмед.

— Те, кто вышел из пятого круга. Старые люди. А еще больные и калеки.

Лифт остановился. Ахмед включил свой фонарь. Луч света пронзил темноту, выхватывая из нее скорчившиеся тела. Живые заслоняли глаза руками, мертвые лежали вдоль стен, словно забытые кем-то предметы. Девушка тоже включила свой фонарик, как и усатый варвар. Беглецы медленно шли вперед.

— Как вы можете держать их здесь? — возмущенно спросила девушка.

— Они отжили свое. Разве держат на кухне сломанный нож? — спокойно возразил Рик.

— Человек — не нож!

— Хватит! — оборвал Ахмед. — Не время спорить. Сколько у нас есть в запасе, прежде чем они спустятся вниз?

— Спускаться всегда легче. Минут пять, шесть. Мы еще успеем подняться наверх, чтобы проскочить в нижний коридор.

— Это не вариант. Посмотри на раненых! Они еле ходят!

Оттесняя стариков в сторону, перед ними выскочил Киото.

— Рик! Что ты здесь делаешь?

— Теперь я преступник. Некогда объяснять, — ответил он. — Варвары говорят, что отсюда есть выход.

— Это правда!

— Что? Ты знал?

Старик расплылся в довольной улыбке:

— Конечно. Пойдемте!

Он провел беглецов в боковой коридор. Там они завернули в еще один, гораздо ниже и совсем не освещаемый, загроможденный всевозможным хламом настолько, что приходилось двигаться только друг за другом. Киото открыл две или три двери. Под ногами чавкало, с потолка капала вода.

— Распределительная станция, — сказал старик.

— В каждом секторе, — подтвердила девушка. — Вы инженер?

— Нет. Обычный водопроводчик.

Коридорчик привел их в овальное помещение, высотой в два уровня. Весь потолок и стены были усеяны трубами, большими и малыми, которые переплетались между собой. Часть из них уходила дальше, другие подсоединялись к огромным цистернам на помостах. Пахло отвратительно, Рик бы с удовольствием нацепил маску-фильтр, но было не до того. Слабый рассеянный свет лился откуда-то с потолка, в воздухе плясали пылинки.

— Вот! — Киото указал на люк в полу.

Рик попытался провернуть запорное кольцо, но не смог. На ладонях остался густой слой ржавчины.

— Заело.

Ему помогли Ахмед и старик, втроем они навалились на кольцо, но едва ли сдвинули его.

— Слишком долго не открывали, — Рик топнул по люку. — Металл приварился…

— Попробуйте это как рычаг. — Усатый варвар бросил перед ними толстый стальной штырь.

Ахмед схватил его и вставил в кольцо, уперев конец штыря в люк, надавил, и на этот раз кольцо со скрежетом поддалось. Дальше дело пошло быстрей, и вскоре беглецы стояли над черной дырой. Ахмед посветил туда фонарем.

— Здесь невысоко, но тьма — кромешная.

— Спускаемся. — Девушка юркнула в люк первой.

За ней, соблюдая осторожность, спрыгнул усатый. Ахмед задержался.

— Спасибо вам, — сказал он старику.

— Не стоит.

— Жду тебя внизу, — Ахмед кивнул Рику и скрылся во тьме. Там уже мелькали огоньки фонарей.

— Ну, — подбодрил Киото. — Прыгай.

Рик растерялся:

— Но я… из Коммуны.

— Ты уже не человек Коммуны. Сам знаешь.

— А как же Аврора?

— Я позабочусь о ней. Она будет в безопасности. И о себе я позабочусь, у меня достаточно опыта, чтобы справиться с этим. А вот твоя главная задача — найти источник божественного огня и спасти всех нас.

— Прыгай! Чего ждешь? — позвали снизу.

Рик посмотрел в дыру — внизу ждало Пространство, полное тайн и неизвестности.

Но решение принято.

— До встречи.

— Пока, Рик. На обратной стороне есть защелка, она блокирует люк снизу.

Рик юркнул вниз, последний раз глянул на Киото. Тот сказал:

— Возвращайся, со щитом или на щите.

И захлопнул за ним крышку.

8

Малейший, даже самый тихий звук гулко отдавался в пустоте. Судя по далекому эху, беглецы попали в очень большое помещение, но его истинные размеры скрывала тьма, которую не в состоянии рассеять полностью даже свет фонаря. Впрочем, тьма начала постепенно отступать, по мере того, как глаза привыкали к ней. Беглецы прошли сотню-другую шагов, пока не наткнулись на стену. Ахмед стал методично осматривать ее, двинувшись вправо. Девушка, которую, как выяснил Рик, звали Майя, пошла влево.

Рик и усатый варвар по имени Райнер остались ждать на месте. Рик, присев, рассеянно водил по полу пальцами. Поверхность имела непривычное происхождение: шероховатая, не такое гладкая, как полы и стены родной Коммуны.

— Бетонопласт, — сказал Райнер. — Сверхпрочный, но легкий материал.

— Откуда знаете?

Райнер был вдвое старше своих молодых спутников. Почти все его лицо инквизиторы превратили в один большой синяк. Выглядел он неважно.

— Изучал спецификации. — Он запоздало сообразил: — Ты, наверно, не знаешь, что это такое? Это документ, содержащий основные характеристики материала: вес, масса, химический состав, плотность… Ты умеешь читать?

— Нет, — признался Рик, благодарный тьме за то, что та скрывает его смущение.

— Ага, ну с этого и надо было начинать. Вас в вашей Коммуне не учат ни письму, ни чтению?

— На это имеют право немногие. Избранные.

Райнер скривился и пощупал бок.

— Зато колошматить людей вы умеете здорово. Кажется, сломано одно или два ребра. Больно дышать.

— Я не лекарь…

— Даже будь ты врачом, не смог бы помочь.

— Нашла! — крикнула Майя. — Дверь.

Они поспешили к девушке, которая внимательно читала надписи на большой двустворчатой двери черно-желтого цвета с красным кругом точно посередине. Рик видел знакомые символы и иероглифы, но те складывались в непривычные сочетания. Самым большим иероглифом был «II».

— Она выводит на шапку второго эона. Чувствуете?

Все прислонились к двери. Из щелей тянул сильный сквозняк.

Завывал ветер. Оттуда веяло холодом — настоящим морозом, который не просто превращает воду в лед, он делает из теплокровного человека остывшую мумию. Такие холода считаются самыми страшными в Коммуне и царят в секторе от двух до трех недель.

— Значит, мы на верном пути, — устало сказал Райнер. — Прежде чем двинемся дальше, предлагаю сделать привал на пару часов.

— Они отняли наши вещи со всеми запасами еды. — Майя исподлобья глянула на Рика. — Все пакеты с концентратами, медикаменты, снаряжение и карты!

— У меня осталась вода, — вставил Ахмед и вытащил флягу. Воду пустили по кругу.

Майя осмотрела усатого варвара с тревогой, и, хотя на лице ее отражалась боль, она немного успокоилась. Беглецы уселись вдоль стены, слишком истощенные от напряжения и боли, чтобы попытаться заснуть. Девушка угрюмо перебирала в руках содержимое карманов. Райнер просто сидел и смотрел вперед. Ахмед перекладывал вещи в рюкзаке. Рик положил перед собой боевой кинжал и на секунду закрыл глаза. Открыл и снова посмотрел на оружие. Вдруг тьма ворвалась в его сознание, лишила его тела, рук и ног, отняла у него мир и время, подарив взамен саму себя. Откуда-то издали доносился тихий разговор.

— Оставим дикаря. Вернется к своим и забудет про нас. Для нас он — обуза.

— А разве не он спас тебя, когда ты застряла под дуговым коридором?

— Думаю, он принял меня за кого-то своего.

— А когда вытаскивал из камеры вместе с Ахмедом, тоже по ошибке?

— Я не знаю. Эти люди вызывают во мне страх. Я ему не доверяю.

— Речь не о доверии. Он может быть нам полезен.

— Он может убить нас. Эти туземцы с нижних секторов коварны и беспощадны. У них нет никакого представления о гуманности.

— Но они выносливы и сильны. Это можно использовать.

— Если бы он знал нижние уровни — да. Но он же всю жизнь не вылезал дальше своей коробки!

— Ну да. А ты это сделала год назад. Они такие, потому что их сделали такими. Биологически они одного с нами вида, ничем не хуже нас. Я не видел ни одного мутанта, урода или зараженного среди них. Обычные люди — только оголодавшие, злобные и глупые.

— Поступай как знаешь, Райнер, но я против.

Молчание. Спустя минуту раздался шорох, и Райнер сказал:

— Ладно. Пойдем.

Что-то скрипнуло, металл застучал о металл, заворочались какие-то механизмы, которыми бог Машины обычно насыщает внутренности окружающего Пространства. Завывания ветра усилились — лица коснулись потоки холодного воздуха. Через некоторое время металл застучал вновь, и после стало тихо. Рик понял, что остался один. Наедине с Пространством. Не в силах противиться сонному состоянию, он лежал беспомощный, во власти Матери-тьмы. Он хотел бы проснуться, но вместе с тем желал сладкого забвения. Это двойственное чувство не в первый раз охватывало его. Словно рыба, вынутая сачком из пищевого аквариума, он ничком лежал на полу, уже не в состоянии повернуть домой. Жалкий, жалкий щенок, в одночасье разрушивший свою жизнь. Пусть Мать-тьма покарает его. Пусть его поглотит навсегда Пространство.

«А как же твоя сестра? — прошептал внутренний голос. — Аврора останется совсем одна. Ты должен бороться ради нее. Если они придут за ней, старик не сможет ее защитить. А когда они схватят ее и потащат наверх…»

Рик проснулся резко, рывком. Темнота вокруг начала расползаться, уступая место сумраку, хотя он мог и ошибаться, и это было лишь видение. Но присмотревшись понял: он хорошо видит стены без помощи фонаря. Рик долго растирал окоченевшее тело, прежде чем встать. Холод глубоко проник под кожу, основательно остудил тело, сковав мышцы. Рик знал, чем опасно пребывание на сквозняке: треть жителей Омикрона постоянно хлюпала носами. В самых страшных случаях человек впадал в жар, долго кашлял, отхаркивая гной, и умирал, захлебываясь в его потоках.

Рик гнал от себя страх. Окончательно разогревшись, он встал перед дверью, разглядывая ее как бы впервые. А что, если она запечатана заклинанием языка Машины? Тогда ему никогда не открыть ее. Рика пронзил ужас. Он как можно спокойнее потянулся к массивной ручке. В первый момент показалось, что любые попытки бесполезны. Но нет, рычаг поддался, и дверь приоткрылась, выпуская потоки холодного воздуха. Не медля больше ни секунды, Рик скользнул внутрь.

Помещение было огромным — высотой где-то в двадцать уровней жизни и шириной в половину сектора. На стенах, полу и потолке виднелись квадраты, прямоугольники, многогранники неправильной формы. Их поверхность испещряли различные выпуклости, хитроумные агрегаты и механизмы, порожденные

богом Машины. Стены и потолок мерцали тусклым, фосфоресцирующим светом. Рик стоял на мостике под самым потолком и мог видеть, как вдаль тянутся целые магистрали проводов, труб, цепей. Но его удивило даже не само Пространство, изобилующее машинными чудесами, а ровный слой инея, лежащий на всех поверхностях, сглаживая многочисленные бугры и впадины.

Да, здесь было холодно. Изо рта при дыхании вырывался пар. Помещение производило впечатление брошенного, пустого места, пребывающего в забвении. Долго человек не смог бы здесь продержаться. Действительно, пустыни Пространства заброшены и не пригодны для обитания.

Рик заметил цепочку следов, ведущих по мостику вниз и убегавших по полу вдаль, в синий сумрак пространства, где мерцали странные желтоватые огоньки. Это было возле Хорды. Еще пол и потолок зала ровно посередине лучом от Хорды рассекала жирная черная линия, в которой угадывался зев пропасти. Кое-где по краю через эту пропасть были перекинуты мостки. Рик стал спускаться по лестнице, внимательно глядя по сторонам. Хищники нападают внезапно, и нужно быть бдительным. Когда он очутился внизу, то понял, что линии, разделявшие пол на геометрические фигуры, — это углубления вроде борозд, глубиной в половину человеческого роста.

Рик спрыгнул в одну такую. Следы варваров четко отпечатались на снегу. Три пары ног. Спустя сотню шагов Рик заметил по сторонам другие следы — вроде бы человеческие, как от голых ступней, но с удлиненными пальцами. Сначала он наблюдал одну цепочку следов, потом их стало две и становилось больше по мере движения вперед. Кое-где из пола торчали толстые штыри, на них болтались подвешенные гирлянды костей, клочки шерсти, пучки волос, а сама поверхность металла пестрела рисунками и корявыми знаками. Рик долго стоял перед одним таким, стараясь разобрать, что же на нем написано. Знаки не были похожи ни на что ранее виденное.

Хвала богу Машины, при себе Рик имел клинок патрульного. Прежде чем идти дальше, он задумался. Что делать? По сути, варвары бросили его. Значит, их разговор не пригрезился во сне.

Он двинулся дальше. Огоньки впереди начали расти в размерах, и Рик понял — это самый настоящий огонь. Возле Хорды в беспорядке высились нагромождения больших ящиков и мертвые машины, обитавшие когда-то в Пространстве. До него донеслись визгливые крики, хохот, лопотание. Когда ему удалось тихо подобраться к кострам поближе, он спрятался за одним из контейнеров и осторожно выглянул.

К колесам огромной мертвой машины цепями были прикованы его бывшие спутники. А вокруг словно бесновались все демоны ада. В отсветах костров Рик со смешанным чувством ужаса и любопытства разглядел сборище странных человекоподобных существ, которые без всякого порядка, словно животные, лежали, сидели, ходили по своему лагерю. Это были уроды — люди, исковерканные Пространством, отражения его кривого зеркала. Рик видел гипертрофированные части тел, украшенные торчащими из плоти обрубками. Даже те, кто внешне выглядел нормально, имели нездоровую кожу, наросты из бугров на позвоночниках, безобразные пятна, созвездия мохнатых бородавок и крупные язвы. Попадались карлики, люди с двумя головами, с тремя руками, одноногие, одноглазые, безухие, безволосые, вспученные, словно тесто на дрожжах. Безобразные кривляки в скомканном тряпье. И все они оживленно крутились возле варваров, тыча в них копьями, кидая камешки, громко гомоня. Они гоготали, когда Ахмед ругался после очередного попадания в него камнем. Они приплясывали возле своей добычи, потрясая оружием: заточенными крючьями и просто железками.

Рик с тревогой заметил, что привязаны только двое — Ахмед и Майя. Поодаль, вокруг большого костра, сидело с дюжину чудовищ. Они с аппетитом пожирали мясо, изжаренное на огне, над которым расположили длинный вертел с остатками добычи. Рик зажал себе рот, чтобы не закричать — остекленевшими глазами на него смотрел усатый варвар, его голова — единственное что осталось нанизанным на вертел.

Раздался новый взрыв смеха. Какой-то урод ткнул Ахмеда палкой в промежность. Ахмед завопил от боли.

— Птичка чирикает! — орал мохнатый одноглазый детина, показывая на пленников пальцем.

Кто-то пытался раззадорить Майю, но девушка опустила голову и не отвечала на тычки. К ней подобралась сгорбленная старуха и принялась щупать ее рыжие локоны, щеки, водить пальцами по губам, шее, груди и животу, причмокивая от удовольствия. Сзади подскочил лысый уродец, обезображенный бородавками, и дал ей такого пинка, что старуха кубарем покатилась прочь. Лысый ударил себя в грудь кулаком.

— Моя! — Он поднял над головой дубину. — Кто тронет, убью! Будет моей женой. Яргу нужны хорошие жены сверху.

— Добычей надо делиться! — закричали со всех сторон.

— Если бы не я, вы бы жрали сегодня крыс! — рявкнул он, со свистом рассекая дубиной воздух. — Прочь, отродье!

Толпа с ворчанием отступила. В лысом явно признавали лидера. Он склонился над Майей, грубо взял за подбородок

четырехпалой рукой, критически осмотрел.

— Убери от нее руки! — взвился Ахмед.

Ярг хрипло рассмеялся, выкрикнул приказание, к Майе подбежал кривоногий толстяк-бородач, снял с пояса связку ключей и разомкнул замок на цепи. Как только оковы спали, Ярг взвалил Майю себе на плечи и провозгласил:

— Пойду любить свою жену!

— Отпусти ее, тварь! Слышишь? — кричал Ахмед, безуспешно пытаясь дотянуться до лысого ногой. Вожак чинно прошествовал к одному из больших контейнеров. К нему подбежал уродец с длинными до колен руками.

— Проверьте сети на восточном луче, — приказал ему Ярг.

Рик отвернулся, не в силах больше наблюдать за происходящим. Ему стало очень холодно. Мертвый свет, исходивший от потолка и стен, не мог согреть, а до костров было далеко. Рик прикинул расстояние до контейнера вожака и до Ахмеда. Опять далеко. Надо подобраться ближе. Он начала прикидывать, как незаметно подобраться к контейнеру, почувствовал на себе чужой пристальный взгляд. Резко обернулся.

В двух шагах стоял карлик, одетый в лохмотья. Его можно было принять за ребенка, если бы не лицо, покрытое старческими морщинами. Они с минуту молча разглядывали друг друга.

— Брось оружие, — сказал карлик.

— Нет, — просипел Рик. Его затрясло.

— Не бойся. Откуда ты? Сверху?

Рик кивнул, опустив кинжал, но не выпустил его из ладони.

— Зачем ты спустился?

— За божественным огнем.

Карлика это вроде бы заинтересовало. Он флегматично уселся на пол, поджав под себя ноги.

— А с чего ты взял, будто он здесь есть? Посмотри вокруг.

— Я не знаю… Давай разойдемся мирно. Дай мне уйти.

— Нет.

— Я буду драться.

— Не сомневаюсь. Но сначала я хочу с тобой поговорить. Расскажи мне о верхнем мире.

Карлика словно бы не интересовала творившаяся рядом пирушка. В его глазах отражалась внутренняя сила, ум и жесткость.

— Там мои друзья…

— Мне жаль, но такова цена неосторожности. Они поступили глупо. Это признак слабости. А слабые здесь долго не живут.

У Рика появилось отвратительное чувство — будто что-то

проникло к нему в голову и осторожно копошится там с неведомыми целями, перебирая воспоминания, как инструменты в ящике. Накатила слабость, он оцепенел, не в силах сопротивляться чужой воле, завладевшей рассудком. Вокруг будто стало темнее, а лицо карлика, напротив, ближе и ярче, словно его осветили фонарем. Это существо обладало невероятной силой.

— Отпусти меня… — собрав остатки воли, промямлил Рик.

— Подожди. Ты боишься меня. Я для тебя чудовище. Ты пошел на риск, выйдя за пределы своего дома. Ради нее и всех, кого называешь варварами, ради преследовавших тебя жителей Коммуны. А еще тобой движет жажда, дикая жажда выяснить истину и понять этот мир. Это смелый поступок. Прекрасно. Твоя жизнь имеет большую ценность. Я всегда искал таких, как ты. Но вы все ошибаетесь. Все ваши помыслы неверны.

— О чем ты говоришь?

— Поймешь со временем. — Карлик указал узловатым пальцем в сторону лагеря. — Дальше, на той стороне, есть другие деревни, я пришел оттуда. Они не трогают меня потому, что я умею делать это в каждой голове. В самый первый день Ярг хотел сварить из меня суп. Сейчас он боится даже смотреть в мою сторону. Его клан живет здесь с тех пор, как из недр пришли чудовища и стали охотиться на людей. Раньше внизу жили люди, много людей. Это было давным-давно. Потом случился большой Бум, и многие люди погибли от пожара, и еще больше потом умирали медленно. Кто-то спрятался в своих жилищах, кто-то убежал, другие остались. Они знали, что внизу притаилась Смерть, но все равно остались. Многие из них умерли, а те, кто выжил, стали такими, как вон те или я. Людей было совсем мало. Они уже сами не понимали, кто они и что творят. Потом пришли чудовища, и наши племена бежали наверх, вот сюда. Внизу тепло, но опасно. Здесь холодно, но можно жить. Чудовища сюда не залезают. Люди Ярга ловят в сети все, что падает сверху. Самые смелые спускаются вниз на охоту в джунглях. Так мы и живем уже много дней.

Карлик закрыл глаза, и Рик ощутил, что рассудок прояснился, в сознании нет больше чужого присутствия и воли. Он был готов бежать отсюда без оглядки, лишь бы не попасть под чуждое влияние вновь, но разум подсказал: так делать не стоит.

— Хочешь, чтобы я взял тебя с собой? — спросил Рик, пересилив страх.

— Нет. Потому что не возьмешь. И потому, что мое место здесь.

— Тогда зачем ты все это рассказал?

— Затем, что ты пойдешь дальше и должен знать, что ждет там, внизу. Ни один человек еще этого не делал. Ты говоришь, что ищешь священный огонь. Возможно, это как раз то, что сделало большой Бум. Ты умеешь пользоваться этим огнем? Конечно нет, ведь я был в твоей голове и все знаю. Но ты хочешь научиться, вот что главное. Дождись утра. Утром они спят.

Карлик встал и пошел в лагерь. Он двигался с трудом, словно суставы его поразила странная болезнь, и каждое движение причиняло мучительную боль. Карлик вдруг замер на полпути — маленькая черная фигурка, очерченная красными сполохами пламени. Сказал:

— Омега — это не конец, а начало.

И скрылся в тени контейнера.

Рик выждал немного, а потом прокрался вперед по следам карлика и влез в углубление под контейнером, сжался в комок. Сердце слабо трепыхалось в груди, кровь словно остыла и едва текла по жилам. Весь остаток ночи он пребывал в забытьи, вздрагивая каждый раз, когда выныривал из беспокойного сна от криков поблизости.

У него не было часов, потому что на каждом уровне сектора Омикрона всегда висел циферблат и было легко узнать время суток. Сейчас приходилось ориентироваться по ощущениям. Наконец крики стихли, лагерь погрузился в тишину. Изредка мимо контейнера кто-то проходил, и Рик опасался выбираться на поверхность. Он вылез, когда погасли костры. Уроды из клана Ярга разбрелись по лежкам.

Рик на четвереньках пополз к Ахмеду. Тот едва не закричал, но Рик успел прошептать:

— Тихо! Это я.

Ахмед смотрел на него, не признавая в темноте. Рик подобрался вплотную, и в глазах пленника появилось узнавание.

— Уходи отсюда! — зашипел он. — Спасайся. Они убьют тебя!

— Помолчи. Кто приковал тебя цепью? Где ключи?

Ахмед заплакал. Рик отвесил ему затрещину.

— Соберись! Где ключи от замка?

Чернокожий варвар указал на одну из палаток. Рик пополз туда; внутри храпел толстяк-бородач. Рик достал кинжал и начал шарить по лохмотьям, нащупал связку ключей на поясе, срезал ее, вернулся к Ахмеду и освободил его. Они забрались под мертвую древнюю машину, и Рик потребовал рассказать все, что случилось с беглецами, когда они его бросили. Сначала Ахмед молчал и поскуливал, утирая слезы, никак не мог прийти в себя, но потом сбивчиво поведал все, что случилось.

Оказывается, когда они попали в этот большой зал, Майя заспорила с Райнером по поводу того, что надо поворачивать назад. Но Райнер наотрез отказался возвращаться, ведь это означало крах экспедиции. Они шли к Хорде и спорили между собой, не заметив, как их окружили мутанты. Бежать было поздно, драться — глупо, потому что мутанты превосходили их числом. Райнер попытался вступить в переговоры, но вожак Ярг приказал всех схватить и без разговоров тащить сюда. Райнер взывал к их разуму, но его никто не слушал. А потом они сделали с ним это…

Тут губы у Ахмеда задрожали, и он снова тихо заскулил, будто испуганный ребенок.

— Побудь здесь, — сказал Рик, выбираясь наружу.

Возле контейнера, где обитал вожак, он приметил бочки с горючим — во всяком случае от них воняло горючим, как некогда от тех, что находились на складе в секторе Омикрона. Киото объяснял, что горючее очень опасно, указывая на картинку с огнем на бочке и какую-то надпись. Рик подобрался к бочкам и стал свинчивать на горловинах крышки. Запах стал резче, даже голова слегка закружилась. Он отворачивал крышки и потом медленно заваливал бочки на бок, и из них толчками с бульканьем вытекала вязкая пахучая жидкость.

Из лежки поблизости выбрался уродец — ростом с Рика, но с маленькой приплюснутой головой и глазами ребенка, — и стал с любопытством наблюдать за происходящим. Рик некоторое время думал, а не прикончить ли мутанта, но понял, что тот безобиден и стал тихо откатывать бочки в разные стороны, оставляя на полу маслянистые лужи.

Вскоре за ним наблюдали уже трое уродцев, при этом они медленно, но уверенно подходили все ближе и ближе с удивленными лицами. Рик торопился, его гнали вперед злость и усталость, хотелось как можно скорее покончить с этим местом.

— Сто ты делаисс? — воскликнул уродец с маленькой головой. — Низя!

Но Рик не обратил на него внимания, прыгнул к костру, подобрал тлеющую головешку, раздул ее и кинул в ближайшую маслянистую лужу. Вспыхнуло пламя, которое очень быстро перекинулось на бочки и растеклось по полу. Загудел огонь, занялись конструкции, языки пламени начали лизать контейнер и древние машины. Рик юркнул в укрытие, где ждал его Ахмед и начал наблюдать, как вскакивают из лежек заспанные мутанты, бегают, кричат, пытаясь понять происходящее. Уродов быстро охватила паника. Огонь с шипением пожирал все, до чего мог дотянуться. Иней вокруг быстро таял, в лужах воды отражались

яркие сполохи.

Наконец из контейнера показался всполошенный Ярг. На его бородавчатом лице было изумление. Вожак бросился в самую гущу толпы, щедро раздавая тумаки и приказания. Уродцы бестолково метались по лагерю. Рик проскользнул в контейнер Ярга и едва не споткнулся о Майю, привязанную к койке. Рядом, на возвышении, находилась клетка с маленьким человекообразным существом, которое истошно заорало что-то на непонятном наречии. Маленький головастый урод продолжал вопить, пока Рик разрезал путы и помогал девушке подняться. Но потом Рик подхватил с пола камень и запустил им в клетку, и попал уродцу в лоб, заставив заткнуться.

Он вытащил Майю наружу, никто на них не обратил внимания, все были заняты пожаром. Рик добрался до укрытия, где ждал Ахмед, и вместе они устремились прочь из лагеря. Но не сделали и сотни шагов, как впереди лежащий каменюка вдруг начал меняться и приобрел очертания знакомого Рику карлика. Карлик молча указал в сторону Хорды, зловеще улыбнулся и внезапно исчез.

Объяснять спутникам что-либо Рик не стал, не до того, он повел группу в указанном направлении. Вскоре впереди показалась двухуровневая конструкция из железных пластин, очень напоминавшая место казни в секторе Омикрона. Там точно должна быть лестница, сообразил Рик.

— Туда! — скомандовал он, и беглецы без лишних слов устремились вперед и через несколько мгновений оказались на винтовой лестнице.

Внутренние стенки колодца, в котором находилась Хорда, покрывали четыре такие лестницы — по одной на каждый сегмент сектора. В точности как в родном Омикроне. Лестница оказалась широкой, но не имела перил. Они спускались в темноту, то и дело спотыкаясь на ровном месте. Ноги скользили по ступеням. Синеватый сумрак заполнял пространство вокруг, слабое свечение лилось отовсюду.

Через десять уровней Ахмед не выдержал и упал, и остался лежать.

Рик с Майей остановились тяжело дыша и напряженно прислушиваясь — сверху донеслись шум и топот. Сбоку от ступенек пролетел и сгинул в пропасти горящий факел.

— Ахмед, поднимайся! — прохрипел Рик. — Надо бежать!

Они помогли Ахмеду встать и продолжили спускаться. В колодце совсем не чувствовалось ветра и было не так холодно. Вскоре иней исчез с поверхностей, уступив место склизким темным пятнам, наростам грибов и мохнатой плесени, которые

слабо мерцали зелеными отсветами. С краев ступенек лохмотьями свешивались какие-то растения. На смену запаху металла и ржавчины пришел густой дух разложения и цветения, который был знаком Рику по ферме в Коммуне.

Они спустились на тридцать пять этажей, когда Майя вскрикнула:

— Стойте!

Погоня сверху продолжалась. Рик с тревогой смотрел за вьющейся цепочкой огоньков от факелов вверху. Он хотел было заспорить с Майей, но она просто ткнула пальцем в распахнутые двери лучевого коридора, ведущие в сегмент сектора. Над дверьми тускнел иероглиф «л». Рик чувствовал внизу опасность, спускаться дальше не стоило. Он кивнул:

— Бежим туда!

Они ринулись в глубь сектора. Хорошо, что Ахмед чудом сумел сохранить при себе фонарик — сейчас это был их единственный источник света. Пол под ногами вдруг стал мягче, в луче фонаря воздух наполнился взвесью — да это же почва! Рик увернулся от лоскутов вьюна, свисавших сверху. Если тут на полу почва, значит, сектор может быть похож на ферму, как у них в Коммуне. Он отмечал многие знакомые детали: те же двери, рычаги, иероглифы, большие и малые алтари бога Машины, то же деление на комнаты и ширина коридора. Но были и различия: часть коридора имела прозрачные стены, сквозь которые виднелись пустующие комнаты, поврежденные взрывом или пожаром.

Они все шли по коридору, отдаляясь от центра Пространства, пока Майя снова не приказала остановиться. И только сейчас Рик заметил гримасу боли на ее лице. Облегченно выдохнув, она вошла в большую комнату с прозрачными стенами и двумя уровнями в высоту. Рик с Ахмедом последовали за ней.

— Ахмед, — попросила она. — Закрой на герметик.

Варвар плотно застопорил дверь. Комнату наполняли койки, шкафы, столы из блестящего металла и древние машины.

— Помоги лечь, — Майя обратилась к Рику. — Нет, вот сюда.

Он уложил ее на большой широкий стол. Майя отдышалась.

— Так. Теперь, поверни выключатель вон на том щите.

Рик покачал головой:

— Мне нельзя прикасаться к алтарям бога Машины.

— Ахмед! — Майя прикрыла глаза, видимо, ей было очень больно. — Прошу тебя.

Варвар открыл крышку, смахнул пыль с приборов и повернул какой-то рычаг. Раздался слабый гул.

— Автономный генератор, — пояснил он. — Слабоват, но нам

хватит.

Комната озарилась мягким белым светом. Ахмед колдовал над другими панелями, что-то нажимая и подкручивая. Рик стоял и следил за его движениями, раскрыв рот. Эти люди владели технической магией лучше любого жреца. Ахмед бесцеремонно отодвинул Рика в сторону и помог девушке раздеться до пояса. Ее жилистое тело покрывали безобразные синяки, в боку зияла рваная рана, откуда сочилась кровь.

Ахмед вынул из шкафа какое-то приспособление с иглой и вонзил его девушке в плечо. Потом установил над ней светильник так, чтобы видеть рану, промыл под водой устрашающего вида инструменты, посыпал их и рану неизвестным порошком — кровь вокруг раны запузырилась, а Майя заскулила от боли, — и стал срезать лохмотья плоти с краев, после чего взял иголку с нитью и быстрыми, явно привычными движениями зашил рану. На повязку у него ушла еще пара минут. Синяки и ссадины он смазал коричневой жидкостью и замотал бинтом. Ахмед работал молча, уверенно, зная, что делает. Когда операция была окончена, Майя уснула. Ахмед осмотрел стены, пол и потолок и повеселел.

— Все нормально, — сказал он. — Медблок изолирован. Можно поспать.

Он выключил свет и повалился на ближайшую койку. Рик сел прямо на пол и долго разглядывал в темноте спутников, встреча с которым внезапно изменила всю его жизнь.

9

— Мы не дойдем.

Слова прозвучали как утверждение очевидного факта. Майя сидела на столе, свесив ноги, пока Ахмет менял ей повязку.

— Это невозможно. Мы погибнем. — Майя словно спорила сама с собой.

— Что вы ищете внизу? — спросил Рик.

Майя не ответила, отстраненно глядя сквозь него, явно размышляя о чем-то своем.

— Сначала Дмитрий, потом Варг, потом Роксана, — продолжила она. — Нет. Надо было поворачивать еще на «Ню».

— Мы знали, на что идем, — ответил Ахмед. — На их месте мог бы быть я. Или ты.

— Это слишком жестоко! — Она ударила кулаком по крышке стола и вдруг заплакала. Ахмед закончил с повязкой, накинул ей на плечи куртку и обнял.

Когда Майя успокоилась, Рик сказал:

— Нужно найти еду.

Майя уставилась на него — в глазах злость.

— Дикарь! — выдала она. — Ни разума, ни эмоций — одни инстинкты.

Рик не знал, что значит последнее слово, но это было явное оскорбление. Он вплотную подошел к столу. Взглянул на Ахмеда, на Майю.

— Нам надо поговорить. Зачем вы спускались вниз?

Оба варвара молчали.

— Расскажите о своем мире. Кто вы и откуда? Если не хочет говорить она, говори ты.

— Не говори ему! — Майя ткнула Ахмеда в бок.

— Почему?

— Потому что она мне не доверяет, — ответил Рик. — Я все слышал, когда спал. Весь ваш разговор с Райнером. Как ты уговаривала его уйти. Интересно, что бы случилось, не пойди я за вами?

Майя рассерженно засопела. Рик больше не чувствовал перед ней робости. Эти люди были такими же, как и он, та же плоть и кровь.

— Лично мне нечего от вас скрывать. Моя Коммуна погибает от холода, потому что наш божественный огонь угасает, и никто не знает, что с этим делать. Даже Смотритель.

— «Божественный огонь»! — рассмеялась Майя. — Какая глупость!

— Не понимаю, что здесь глупого.

— Майя, — вмешался Ахмед. — Он действительно не понимает.

Она молчала с минуту, решая какую-то сложную задачу в уме. Это была сильная девушка, и Рику нравилось следить за ее лицом, за тем как проявляются эмоции.

— Ладно, — сдалась она. — Но сначала знай: я тебе не доверяю и никогда не буду доверять. Ты — дикарь, варвар, невежда.

— Ценю твою откровенность. И можешь не благодарить за спасенную жизнь. Ну а теперь расскажите о вашем цивилизованном мире.

— Это не мир, а такой же сектор, как и у вас. Только он расположен выше по Оси.

— Оси?

— Вы называете ее Хорда. Вот в этом вся проблема. Вы все выворачиваете наизнанку…

— Давай по порядку.

И Майя коротко рассказала об их родном секторе Каппа, где был расположен так называемый Орден — сообщество людей, которые были потомками неких поселенцев и унаследовали от них знания, считавшиеся высшей ценностью.

— Я думал, нет ничего важнее теплого дома и вкусной еды.

Майя наградила Рика усмешкой.

— Да, — сказала она. — Но ни первое, ни второе невозможно без знаний. Именно благодаря знаниям человек умеет добывать огонь и выращивать себе еду. Орден бережно хранил знания, передавая их из поколения в поколение, пока не стало ясно, что людям их не хватает и нужны новые. Заряд секторального генератора подходит к концу, а где добыть энергию, неизвестно. Архивариус долго изучал все имеющиеся записи, но беда в том, что после большого пожара уцелело немного. Наконец, удалось найти чертеж, в котором были отмечены сектор Каппа и еще четыре сектора второго эона. Архивариус тщательно исследовал этот документ и пришел к выводу, что есть другие эоны и секторы. До этого Орден был законсервирован: поселенцы дали завет находиться в стенах убежища, пока не пройдет чума. — Она внимательно посмотрела на Рика. — Ты знаешь, что такое чума?

Рик отрицательно качнул головой.

— Чума — смертельная болезнь, против которой нет лекарства. Поэтому никто не знал, что нас ждет снаружи: жизнь или смерть. Выбора не было. Речь шла о спасении Ордена. Пришлось рискнуть. Мы открыли главные ворота, и первый отряд отправился в экспедицию наверх.

Майя сделала паузу и отпила из поднесенного Ахмедом стакана.

— Никто не вернулся. Тогда Совет Ордена дал поручение организовать экспедицию вниз. У нас есть неделя. Если в конце срока мы не вернемся, Орден будет принимать решение.

Рик задумался. Он припомнил казнь после Весеннего Бега.

— Хорошо. Расскажите про этот «ге-не-ра-тор».

— Это источник энергии, — взял слово Ахмед. — Для того чтобы понимать, как он работает, надо знать основы физики и химии — разделов знания, которые называются наукой. Как бы тебе объяснить? Эта энергия вроде огня, только гораздо сильнее и горит по-другому. Это вроде как внутренний огонь.

— Он горит по воле бога Машины?

— Забудь ты про свою Машину. Все что нас окружает, создано человеком.

— Этого не может быть! — покачал головой Рик. — Человек не может создать всю вселенную.

— Древние люди могли. Они были настолько могущественными, что могли управлять пространством и временем, материей и самой жизнью. Они создали этот мир и поселились в нем, и это был настоящий Золотой век. Люди жили на каждом уровне, во всех секторах, во всех сегментах. Это был живой мир, наполненный людьми. Потом началась чума, и чтобы спастись от нее, люди стали отгораживаться, закрывать двери, изолировать уровни и секторы. Каждый сектор спасался, как мог. Речь шла о выживании. Орден существует двадцать поколений благодаря тому, что наши отцы-основатели вовремя заперли свой сектор. Мы бы ни за что не вышли наружу, если бы не беда.

— Нас бы не выпустили, — поправила Майя. — Дело в том, что в Ордене существует группа ученых, которые давно хотели исследовать внешний космос — так мы называем остальные секторы.

— Мы называем это Пространством.

— Пусть так, — согласилась она. — Эти ученые давно мечтали об экспедиции наружу, чтобы понять, как устроен мир и насколько он велик. И когда пробил час, в группу включили одного из нас… то есть них.

— Тебя? — Рик указал на Ахмеда.

Майя кивнула.

— Ты умнее, чем кажешься, — признала Майя. — Может быть, твое невежество удастся постепенно изжить. Наш Орден устроен так, что знания передаются по категориям наук. Кто-то наследует знания в математике, кто-то в физике. Ахмед — инженер. Райнер был физиком. Я — биолог, и знаю все о

растениях. Каждый делится с другим своими познаниями, и таким образом в обществе достигается высокий уровень образования. В экспедицию набрали по специалисту из каждой области. Нас было десять человек. Смотри теперь, сколько осталось.

— Сочувствую, — кивнул Рик.

— Каждого из отряда я любила, потому что Орден — это единая семья. У нас нет начальников и подчиненных, все равны, каждая жизнь имеет ценность. Наш Орден — наследник великих поселенцев и должен продолжать свое существование несмотря ни на что.

Рик где-то уже слышал похожие слова.

— Наши ученые сумели открыть главные постулаты мироустройства. Все дети учат их с малолетства, хотя сейчас уже мало кто понимает, что они по-настоящему значат. Даже я. Сколько ни думала, так и не понимаю, о чем речь.

— И о чем говорят постулаты поселенцев? — Рику стало очень любопытно.

— Мир, в котором мы живем — это Термополис. Это место, которое состоит из огромного множества эонов, секторов и этажей. Термополис пронзает Ось, вокруг которой существуют все эти вещи. Термополис имеет внешнюю границу. Насколько он высок и широк, неизвестно. Древние документы сожрал пожар во время мятежа: невежи посчитали, что все несчастья от книг и их нужно уничтожить. Но нам известно, что там, за внешней границей что-то есть. Потому что древние люди пришли оттуда. А если пришли, значит, там можно было жить. Кто-то из наших ученых говорит, будто там пустота, и Термополис постоянно падает в бездну. А кто-то считает, что наоборот, мы находимся в центре мироздания, оно вращается вокруг нас, и наверху есть такое огромное помещение, что… это даже не помещение, потому что у него нет потолка. Только представь себе место, где нет потолка и стен вообще.

Рик попытался представить, но ничего не получилось.

— Тогда что же там? — Он озадаченно почесал макушку.

— Это самая главная загадка. — Сверкнула Майя глазами.

— Выходит, не бог создал Пространство, Хорду и вселенную…

— Да. Весь ваш культ — сплошное заблуждение. А всему причиной незнание. Если мы еще сохранили крупицы знаний, то ваша связь с прошлым окончательно разорвана.

Рик задумался над услышанным.

— Мы изучали механизмы, — продолжала Майя, — принципы их действия. Каждый артефакт, каждый предмет из

прошлого мы исследуем, пытаясь понять его назначение. Любая находка для нас имеет огромную ценность, потому что помогает раскрыть тайны прошлого. Когда мы отправлялись вниз, то предполагали, что будут трудности. Мы понимали, что потомки выживших из других секторов будут отличаться от нас, но мы не предполагали, что они захотят нас убить. Мы знали, что можем столкнуться с чудовищами, но мы и не думали, что чудовища могут иметь человеческий облик. Этот мир — отвратительное место.

Майя всхлипнула.

— Сейчас, когда отряд уничтожен, наша миссия не имеет смысла. Единственный, кто смог бы разобраться в устройстве генератора, был Райнер. Он посвятил этому вопросу всю жизнь.

— Это он решил, что надо идти вниз?

— Так решил Совет Ордена. Райнер всего лишь предположил, что существует главный генератор, который питает весь Термополис, и на данный момент он отключен. Иначе каждый сектор светился бы и жил. Посмотри вокруг. Все мертво. Следовательно, питание отключено и работают только аварийные генераторы.

— У каждого сектора есть свой ге-не-ра-тор.

— Ты делаешь успехи. Там, где такой генератор запущен, машины будут работать, пока не закончится энергия. А потом — отключение.

— Холод и темнота.

Майя кивнула.

— Вот Совет и отправил экспедиции, чтобы разузнать, где находится генератор, выяснить, что с ним, и… — она осеклась.

— И не запускать. Для экономии, — добавил Ахмед. — И в целях безопасности.

Рик, более искушенный в подобных делах, возразил:

— Это не причина. Не знаю, кто состоит в вашем Совете, но они хотят для себя выгоды, чтобы сохранить власть. Люди везде одинаковы.

— Они не такие. Они думают об общем благе.

— Оставим эту тему. Теперь кое-что мне становится ясно. — Он вспомнил про Киото и вытащил из кармана замусоленную бумагу. — Посмотри. Что скажешь?

Девушка разложила лист на столе. Все трое склонились над чертежом, затаив дыхание. Почему-то сейчас Рику показалось, что это — не совсем карта сектора Омикрон.

— Клянусь своей печенкой, — прошептал Ахмед, — что перед нами схема Пятого эона.

Он повел пальцем по рисунку сверху вниз, читая вслух:

— «Генератор воздуха», секции A-D. «Склады сырья». «Завод переработки отходов». «Гидростанция». «Энергетическая станция». «Накопители влаги», резервуар 1–4. Сектор «Фи», «Хи», «Пси», «Аква», «Омега»… Откуда это у тебя?

— Дал тот старик, Киото, который помог нам покинуть Коммуну. А что такое эон?

— Насколько нам известно, это блок, объединяющий пять секторов. Эоны разделены воздушным пространством. Вроде того, где обитают эти выродки, — Ахмед указал вверх, припомнив лагерь Ярга.

— Вероятно, когда-то эоны сообщались между собой, — сказала Майя. — При помощи лифтов. Но из-за чумы их законсервировали…

Она покачнулась и чуть не свалилась со стола.

— Нам надо поесть. Мы слишком ослабели, — настойчиво заявил Рик.

— Я тут кое-что нашел, когда проснулся. — Ахмед шагнул к шкафу и достал оттуда прозрачную упаковку с желтыми шариками внутри. — Универсальный витаминный комплекс. Еще есть пищевой концентрат, энергетические капсулы. Какое-то время мы протянем на них.

Они быстро проглотили капсулы, запили остатками воды из фляги, остальное убрали в сумку, которую Ахмед предусмотрительно достал из того же шкафа.

— Включи свет на полную мощность, — попросила его Майя.

— Не стоит. — Рик покачал головой. — Ты же сама постоянно твердишь, энергия — ценный ресурс. Лучше послушайте одну историю.

И он в общих чертах рассказал о своей встрече со странным карликом и его предупреждении.

— Это все мутация, — пояснила Майя. — Такое происходит из-за выброса радиации. Большой Бум. Хм, наверно речь об аварии на станции. А если так, туда нельзя соваться. Даже спустя много лет радиационный фон может быть высоким, и мы подхватим лучевую болезнь. Похоже, твой маленький приятель говорил правду: растения и животные бурно реагируют на такие процессы и тоже мутируют. А значит, нас ждет внизу все, что угодно.

— Или ничего.

Все трое помолчали. Каждый думал о своем.

— Так какое решение мы приняли? — спросил Рик. — Вверх или вниз?

Его прямота словно смутила посланцев Ордена.

— Нас слишком мало, — начала Майя, — да и что мы можем

сделать? Самым правильным было бы вернуться домой, рассказать обо всем, что тут увидели, и выслать новый отряд, из более подготовленных людей.

Ахмед кивнул:

— Ты права.

Рик смотрел на них.

— Вы что-то не договариваете. Не надо бояться меня. Мы теперь в одной комнате.

— Да дело не в тебе. — Ахмед смущенно почесал затылок.

— Вы боитесь того, что внизу? Я тоже. Но это не причина. Мосты созданы, чтобы по ним переходили пропасть, а не оставались на краю.

— Мы просто не знаем, что делать, когда найдем этот генератор. Райнер все время говорил о каком-то ключе безопасности, но отказывался раскрывать его назначение, потому что был повязан обязательствами с Советом.

— Прекрасно. Теперь нет ни Райнера, ни его ключа, — заявил Рик. — Совет предусмотрел такое развитие событий?

Никто не возразил ему, но Рик не пытался их унизить.

И тут Майя выпалила:

— Я больше не могу! Незачем скрывать, Ахмед. Давай скажем ему.

— Как хочешь.

— Мы — мятежники!

— Так-так. Вот это уже интересно. — Рик скрестил руки на груди.

— Райнер был нашим учителем. Он автор гипотезы под названием «Вавилон». Он давно искал единомышленников и постепенно набирал в свои ряды учеников, которые имели достаточно открытый и гибкий ум, чтобы принять его версию строения мира за истину. Он хотел проверить ее на практике и, когда заряд генератора достиг критического значения, сделал себя незаменимым для Совета. Его включили в состав экспедиции, и нас тоже по его просьбе. Он хотел не просто отыскать главный генератор, а дойти до края вселенной — и заглянуть за этот край.

Майя выпалила это на одном дыхании, после чего на ее лице отразилось такое облегчение, словно от этого зависела дальнейшая судьба мятежницы.

— А в чем суть «Вавилона»?

— Есть легенда, — сказал Ахмед. — Древняя как не знаю что. Легенда гласит, что раньше люди жили на поверхности одного очень большого уровня. Одного-единственного, представляешь? Ползали как тараканы туда и сюда. И вот однажды они решились

создать многоуровневый мир. Принялись за постройку и занимались этим много лет. Эту постройку и назвали Вавилон. Но так и не достроили. Так вот, Райнер считал, что это не легенда, и мы все живем внутри этой постройки, а снаружи есть большая длинная поверхность.

— Ясно. Значит, ее достроили.

— Получается так. И если мы сможем доказать эту гипотезу, догматики потерпят поражение. Мы возьмем верх и начнем диктовать свои условия. Нам давно не нравятся их методы управления.

— А если проиграете?

— Такова наша судьба.

Рик развеселился.

— Поскольку я совершил преступление, дома меня ждет суровое наказание. Вы тоже подрываете основы своего общества. Да мы просто отряд мятежников-самоубийц!

Майя фыркнула и принялась собирать с полок лекарства, инструменты и бинты.

— Чего встали? Нас ждет новая прогулка.

И они стали помогать ей; нашли и собрали в сумки все, что могло пригодится в дороге — моток троса, набор инструментов, лекарства и запас воды. Потом Майя взяла определенные инъекторы с желтой маркировкой и вколола каждому по порции сыворотки, пояснив:

— Против радиации.

— Отлично, — сказал Рик. — Значит, решено — двигаемся вниз.

— Хотя бы найдем генератор и осмотрим его. Захвати вон ту штуку — это счетчик радиации, будет громко трещать или щелкать, когда фон вокруг начнет зашкаливать.

Они выбрались из медблока и дальше решили спускаться обходными путями, через лестницы от большого дугового коридора.

— Что вы видели между своим сектором и Омикроном? — уточнил Рик.

— Два сектора были закрыты. Третий открыт, но брошен. Там бегали какие-то белые твари. На четвертом жили дикари, но они убежали от нас в страхе, даже не поговорив. Всюду грязь и запустение. Мы продвигались максимально осторожно, но нашу группу словно преследовало проклятие. Одного загрыз белый упырь. Другой сорвался вниз. Третий просто исчез, наверно, заблудился. Двое других поссорились и чуть не поубивали друг друга, в результате один сбежал, а второй замкнулся. Я не называю тебе их имен, потому что они ничего тебе не скажут.

Чужое имя — пустое слово. Чем ниже мы спускались, тем тяжелее было двигаться. На нас будто давили стены. Я перестала нормально спать, даже когда мы запирались в комнатах, от которых имели коды доступа. Мне постоянно чудилось, что за нами кто-то следит. И сейчас у меня такое чувство. По спине прямо мурашки.

Они достигли места, где в секторе Омикрона должен был находиться храм Машины.

— Посмотрим, — сказал Ахмед.

Рик на секунду замешкался, но вошел.

Это была комната от пола до потолка уставленная тумбами алтарей Машины — целый жертвенник. Но Рик вспомнил, что это не так и в них нет ничего сверхъестественного.

— Операторская комната, — прокомментировала Майя. — Узел управления. У вас есть такой?

— Да, но туда запрещено входить простым людям.

— Неплохо вы устроились. Тогда давай я тебе кое-что объясню.

И она принялась показывать ему каждую кнопку, рычаг и панель, раскрывая их назначение. Конечно, Рик мало что понимал, но главным было знание: девушка знала машины. А значит, со временем узнает и он. Узнает — сможет управлять.

— Это датчик температуры. Здесь показано состояние теплосети. Здесь — напряжение внутренней сети. Видишь, все черное. Выключено. Мы можем запустить местный генератор, если его батареи не разрядили те, кто здесь жил.

— И везде будет свет? И тепло?

— Верно.

— Тогда мы можем остаться здесь и спокойно жить.

— Я тоже думала над этим.

Рик и Майя стояли возле пультов, привыкая к этой новой мысли.

— Нет. Не получится, — наконец возразил Рик. — Нас слишком мало. Это тупик.

— И к этой мысли я тоже пришла, — улыбнулась Майя, и Ахмед одобрительно кивнул. — Но также нужно учитывать ограниченный ресурс. Секторальный генератор не вечен. Проблема возникнет в будущем.

Рик отметил, что ее суровость раньше была напускной.

— Нам нужен возобновляемый источник энергии, — сказал Ахмед.

— Так много занятных слов, — заметил Рик.

— Ничего, привыкнешь. — Ахмед залез в дальний шкаф. — Ага! То, что нужно! Теперь у нас есть хорошие фонари.

— Значит, ты инженер. Это связано с канализацией и водопроводом? — поинтересовался Рик.

— Отчасти. Я также изучаю все ком-му-никации — то есть все кабели, трубы и провода, которые тянутся по сектору. Ты не представляешь, сколько их в стенах. Пространство буквально нашпиговано ими.

Они вышли из операторской.

— Древние строители предусмотрели все. У каждого механизма есть предохранитель. В случае аварии срабатывает автоматика. Любая деталь, любой провод универсален. Его легко можно вынуть и пристроить на новое место. Этот мир похож на большой конструктор. Посмотри на стену. Что ты видишь?

Рик послушно взглянул на стену коридора, по которому они шли.

— Обычная стена. Есть знаки, двери. Под потолком тянется вентиляция и провода.

— Ну ты даешь. А как же овальные углубления и поручни, вон там и здесь? Смотри, они повторяются с определенной последовательностью. Теперь обрати внимание на эту линию. Это шов, соединяющий блоки между собой. Видишь, как он тянется на уровне груди. Смотри, пересекся с вертикальным. Посмотри на эти вставки из матового стекла. На вот эти прямоугольники. Ты знаешь, что это?

— Нет, — признался Рик.

— Я тоже пока не выяснил. Но все эти вещи не случайны и имеют свое назначение.

— Понятно. А ты, Майя, работаешь на ферме? Это нелегко.

— Думаешь, я с утра до вечера ползаю по грядкам? У нас этим занимаются специальные машины — автоботы.

— Тогда что ты делаешь? — удивился Рик.

— Вывожу новые сорта растений.

— Уф!.. — Рик качнул головой. — Надо же…

— Наша каста биологов постоянно бьется над задачей, как создать растения, которые потребляли бы мало света, но при этом были вкусными, выносливыми и устойчивыми к холоду.

— Разве такое возможно?

— Вполне. Но это сложная задача. Пока нам удается решить одну или две проблемы. Получаются либо сорняки, которые растут при любых условиях, вроде вот этого вьюна, либо вкусные, но слишком нежные виды. Кое-кто из наших занимается живностью — хомяками, крысами, курицами и свиньями.

— Что такое свинья?

— Не видел свинью? Если бы тот бородавчатый урод встал на четвереньки и завизжал, он вполне бы сошел за ее родственника.

Свиней можно есть, но они требуют много кормежки. У нас их немного, и едим мы их дважды в год по праздникам.

Троица двигалась по дуговому коридору и тихо беседовала между собой. Ахмед держал в руках счетчик радиоактивности. Воздух дышал сыростью, с потолка постоянно капало, стены покрывала бахрома слизи, источавшая густой тошнотворный запах.

— Думаешь, все это появилось просто так? — указала Майя на серо-зеленые наросты. — Это разросшиеся плантации, где-то поблизости есть гидропоника. Наши предки умели выращивать все что угодно. Ты знаешь, что кроме пищи, растения создают воздух? Это называется кислородный синтез. Система плантаций была настолько продуманной, что никто никогда не голодал. Секторы снабжались продовольствием.

— И не только, — вставил Ахмед. — Каждый сектор получал тепло, свет и энергию для работы машин. Был организован круговорот вещества в мире. А еще наши ученые утверждают, что существует система связи, при помощи нее люди могли общаться между собой на любом расстоянии, за много стен и уровней. Сейчас она отключена. Существовало много чудес в древние века, а мы не знаем и десятой части всего.

— У нас в Коммуне была связь, но только у старших патрульных, — заметил Рик. — Эфирный голос, так мы его называли…

Майя с Ахмедом переглянулись, но промолчали.

Коридор привел их к большой винтовой лестнице, заросшей вьюном. Медленно, внимательно осматривая каждую ступеньку, они приступили к спуску. Счетчик в руках Ахмеда слабо защелкал. Стены постепенно скрывались под плотным ковром вьюна, а ступени покрывал слой почвы. Они будто вступали в лабиринт, состоявший из сплошных растений. Здесь царствовала природа. К тому времени, как они спустились на самый низкий этаж сектора, пол, потолок и стены густо устилал буро-зеленый слой растений. Счетчик равномерно стрекотал.

— Нам нужно определить источник радиации, — сказал Ахмед. — Пройдем по лучевому коридору от начала и до конца.

Рик и Майя согласились. Время разговоров закончилось; теперь они молча изучали окружавшее пространство нижнего мира.

— Впереди свет, — заметил Рик.

— Посмотрим, что там.

Коридор становился все светлее по мере их продвижения к центру мира. У входа на балкон главного колодца им пришлось разрывать толстые лианы, чтобы выбраться на открытое место.

Свет лился снизу. Следующий сектор был полностью освещен. Они подобрались к краю площадки и увидели, что опоясывающие Хорду этажи сектора мерцают размытым белым светом. Рик думал, что дальше начнется темнота, но там, на еще большей глубине, поблескивали далекие огоньки.

Преисподняя оказалась светлым местом.

Ахмед поводил над пропастью счетчиком. Щелканье было не таким быстрым, как у самого подножия лестницы.

— Источник на периферии. — Ахмед выглядел озадаченным. — Радиация слишком слабая. Я ждал, что счетчик разорвет на части.

— Так это же хорошо или нет? — уточнил Рик.

Он не мог их понять. Эти верхние люди вели себя странно: казались озабоченными, когда следовало радоваться.

— Да, хорошо.

Рик подошел к спиральной лестнице и чуть не сорвался вниз. Пролеты были разъединены. Майя взяла у Ахмеда трос, ловко обвязалась и оттеснила Рика:

— Страхуй!

Не успел он и слова сказать, как девушка прыгнула. Она мягко приземлилась на подстилку из перегноя и тут же приняла оборонительную стойку. Рик и Ахмед спустились следом. Они долго рассматривали балкон и стены следующего сектора. Привычные контуры казались необычными — непривычной формы, когда них падал ровный белый свет потолочных светильников, работавших на полную мощность. Свет имел зеленоватый, рассеянный фокус, потому что лампы скрывала зелень. Смотреть на него было достаточно больно.

— Кто бы здесь ни жил, у него явно нет проблем с источником энергии.

— Энергия — это жизнь, — сказала Майя. — Сектор обитаем. Надо быть готовыми ко всему.

И они стали спускаться по большой винтовой лестнице главного колодца. Зелень, покрывавшая все поверхности, была сочно-зеленой, с толстыми стеблями и мясистыми листьями. Разноцветными бутонами распускались и источали терпкий запах цветы. Рик чихнул. У него заслезились глаза. Этот сектор имел несколько иную метрику, чем два предыдущих. Здесь отсутствовали комнаты, а этажи имели высокие, в два и больше уровней, стены. Вскоре стало понятно, почему: за прозрачными толстыми стенами он увидел высокие большие растения с вытянутыми стеблями и шапкой листьев сверху, достававшей до потолка.

— Деревья, — пояснила Майя, удивленная не меньше. — Я

думала, они больше не существуют.

Они оглядывались и везде были только зеленые массивы, до краев заполнившие уровни сектора. Это были самые настоящие джунгли. Скопище диких, неухоженных посевов, которые разрослись и захватили пространство вокруг. Кое-где стекло не выдержало напора, и косматые ветви вывалились наружу, цепляясь за пустоту. Было тяжело дышать. Не только из-за густого запаха цветов, но и пьянящего воздуха, который заполнял грудь и щекотал ноздри. Они миновали десять верхних этажей сектора, а растительность становилась все гуще, и все труднее было продвигаться вперед. Они уже не шли по ступеням, а перебирались через переплетения корней толщиной с человеческую ногу. Что-то постоянно щелкало и хрустело, словно передразнивая счетчик у Ахмеда. Сверху сыпались отсохшие ветки и плоды. Листва тихо шелестела как бы сама по себе, отчего возникало жутковатое ощущение. Но Рик догадался, что это восходящие потоки теплого воздуха шевелят растения вокруг. Здесь было гораздо теплее, настолько, что его комбинезон промок от пота, и приходилась постоянно вытирать лицо.

— Эй! — крикнул сзади Ахмед, когда они преодолели очередной пролет. — Кажется, я застрял.

Рик и Майя вернулись. Ахмед безуспешно пытался вытащить лодыжку из переплетения корней. Рик помог ему, но ногу Ахмеда словно сжало клещами. Тогда он попробовал приподнять корень. Это оказалось нелегкой задачей.

— Вытягивай! — крикнул он, напрягаясь из последних сил, и вдруг почувствовал под рукой сокращение — совсем как от мышцы живого существа.

Ахмед выскочил из западни, но его черное лицо посерело от ужаса. Ноги Рика опутало и сжало, гибкая и длинная ветка-щупальце поползло вверх по икре.

— Берегись!

Рик сразу понял, что его схватило, выхватил кинжал и рубанул по темно-зеленым сочленениям. Стебель с хрустом распался, из обрубка закапал густой сок.

— Убегайте скорее! — крикнул он спутникам, но было слишком поздно. Хищный плющ уже схватил Майю и Ахмеда, спеленал по рукам и ногам и медленно тащил вверх. Они отчаянно отбивались, пытаясь разорвать прочные стебли, но плющ был неизмеримо сильнее. Пока Рик рубил стебли, опутавшие одну ногу, три других жгута уцепились за его поясницу, плечо и вторую руку. Ахмед уже дергался в воздухе, как рыба, попавшая на крючок. Над ним раскрылся огромный бутон, усеянный изнутри шипами.

Рик был знаком с верхними собратьями этого растения. Один экземпляр даже рос у них на ферме и служил опытным образцом. Дети частенько играли с ним.

— Майя! — крикнул он. — Нужен огонь!

— Что? — Она почти выбилась из сил.

— У вас есть огонь?

Майя кое-как запустила пальцы карман.

— Нет! — в ее глазах появилось отчаяние.

— Держи! — Ахмед, по плечи скрытый переплетениями стеблей, выпростал руку, в которой тускло блестел серебристый предмет.

— Зажги огонь!

Ахмед щелкнул кремнем, появился слабый, размером со свечу, язычок пламени. Он поднес огонек к стеблю.

— Кидай на землю!

— Зачем? — не понял он, а потом, когда замысел Рика стал ясен, бросил зажигалку на подстилку из перегноя. Зажигалка упала, подскочила и захлопнулась. Рик рванулся, но плющ уже спеленал его по пояс. Он упал плашмя и пополз к зажигалке.

Плющ громко зашелестел. Крики его спутников стали прерывистыми, усталыми, сам Рик выбился из сил и тяжело дышал. В отчаянно рывке он вытянул руку — до зажигалки оставалась самая малость. Ахмед дико закричал — шипастая пасть бутона принялась заглатывать его. Рик вспомнил про кинжал и воспользовался им как продолжением кисти. Подтянул к себе зажигалку, раскрыл ее и щелкнул колесиком. После пятой или шестой попытки высек огонь.

Рик чувствовал, что не может дышать. Хищные объятия сдавливали грудную клетку и все тело. Он осторожно положил зажигалку на бок и зачарованно стал наблюдать, как огонек медленно перебирается на сухую подстилку из опавших листьев и высохших растений, лениво, нехотя прожигает их, а потом начинает с аппетитом поедать, набирая силу. Вскоре одна ступень лестницы запылала, и огонь пополз дальше, пожирая сухостой. Объятия плюща ослабли.

Огонь лизал стебли, скручивая листы в черные лоскуты. Что-то упало на пол. Это был Ахмед; он распластался прямо на черном пепелище, похоже, сильно приложился головой, лежал не шевелясь. Потом спрыгнула Майя. Рик вонзил кинжал в стебель, но плющ уже отпускал его. Рик обрубил последние плети и наконец высвободился. Тем временем пожар полз вверх и вниз, перекидываясь на уровень. Пространство застлало едким дымом. Рик и Майя схватили Ахмеда под руки и потащили вниз, подальше от пожара. Вокруг шипело и хрустело, но они уже не

обращали внимания на джунгли. Рик считал уровни, через двадцать этажей гидропонный сектор закончится.

— Нам нужно оружие! Этим ножиком ничего не сделаешь! — крикнул он.

— Надо отдохнуть…

Они упали на пролете, тяжело дыша. Кругом валялись белые мягкие плоды, и Рик подложил один под голову Ахмеду. Похлопал его по щекам, и когда тот застонал, облегченно выдохнул, потом потрогал его лоб.

— Он весь горит. С ним неладно.

— Это яд, — сказала Майя. — Плющ впрыскивает его в жертву. В меня не успел, а Ахмеду не повезло. Сейчас…

Она достала из походной сумки инъектор, только маркировка на нем была на этот раз синяя, и воткнула его в плечо Ахмеду.

— Ему надо отлежаться хотя бы день. — Голос у Майи дрожал.

Рик понял, что еще одной потери она не выдержит.

— Я понесу его.

— Ты не сможешь.

У него не было сил спорить, он лишь усмехнулся, глядя вверх, где разгорался пожар.

— Куда бы ни пошли, мы оставляем после себя огонь.

— Пусть этот мир сгорит дотла! — отчеканила Майя.

Рик с укором посмотрел на нее.

— Ты действительно этого хочешь?

Она не ответила. В ее глазах мерцала боль, усталость, тоска.

— А мы сможем все спалить? — не унимался Рик.

— Нет, — покачала она головой. — Смотри.

Он снова взглянул наверх. Ничего не происходило. Огонь методично пожирал уровень за уровнем. Вверх по колодцу Хорды поднимался дым. Пожалуй, запах гари почувствуют и его сородичи. Потом что-то громко взвыло, в недрах стен зажужжали машины, и раздалось шипение, треск. На их головы обрушились потоки грязной, смешанной с пеплом воды, которая смыла вниз ошметки листьев, ветки и прочую грязь. И огонь наверху потух.

— Понял?

Рик кивнул. Он не нуждался в пояснениях. Он начинал понимать этот мир, его второй потаенный слой, лишенный религиозной глазури. Сработали древние машины и затушили огонь. Вот что произошло. Древние предусмотрели такую ситуацию.

Вода схлынула. Майя проглотила таблетку концентрата и дала Рику.

— Центральный лифт… — пробормотал Ахмед, не открывая

глаз. — Надо активировать систему…

— Бредит. Это лихорадка. — Майя склонилась над Ахмедом, приоткрыв тому веки. — Если яда окажется слишком много, организм не сможет с ним справиться, даже при помощи антидота.

— Майя…

— Он потеряет сознание и умрет в горячечном бреду. Его сердце остановится.

— Майя! — Рик поднял руку.

— Что?

— Замри.

Она с гневом уставилась на него, но гнев сменил испуг — наконец почувствовала.

— Что там? — она хотела запустить себе руку за спину, но Рик остановил ее жестом. — Я что-то чувствую. Скажи мне!

Рик пошарил вокруг, подобрал суковатую палку, хорошенько прицелился. Сказал:

— Не шевелись, умоляю тебя.

Он замахнулся и метнул палку в то, что сидело у нее на спине. Попал — необычно крупное насекомое улетело в темноту. Майя тут же отскочила. Они уставились на стены уровня и заметили, что лучевой коридор, уводящий на периферию, почти до потолка зарос пористой ржавчиной, испещренной множеством дыр, в которых непрестанно мелькали белые плоды, перекатываемые насекомым с мощными жвалами.

— Это… — начала Майя и вскрикнула.

К ним подползали десятки огромных шестилапых насекомых размером с откормленную крысу. Жвала этих тварей угрожающе щелкали, рыжие брюшки нервно подергивались. Насекомые явно готовились атаковать.

— Силы Омикрона! Что это?

— Муравьи, — пробормотала Майя, потом посмотрела на Ахмеда, от которого до первого ряда насекомых оставались считанные шаги. — И мы растревожили их гнездо. — Она указала на белые плоды, валявшиеся повсюду. — Мы тронули их яйца.

— Бежим отсюда!

Рик бросился к Ахмеду, ухватил за плечи и потащил вниз. Майя подобрала длинную палку и начала отмахиваться.

Казалось, муравьи полезли отовсюду. Рик от отчаянья и злости зарычал, потерявший сознание Ахмед был невероятно тяжелым. Спустя пять уровней Рик выбился из сил, замедлил шаг, прислушался — щелканье сзади не прекратилось.

— Надо спешить! — крикнула Майя.

— Возьми мой кинжал, — велел Рик, — будешь рубить

заросли впереди.

Они двигались так еще несколько минут. Рик молился, чтобы дорогу им не преградило что-нибудь крупное и непроходимое. Он начинал понимать, почему выродки Ярга так боялись джунглей: если возле Хорды они наткнулись на муравейник, то что творится в недрах гидропонного сектора?

— Майя! — простонал он. — Я устал.

— Еще пару уровней, Рик! — отозвалась она. — Мы почти прошли сектор.

Он собрал остаток воли в кулак и пошагал за ней. Если верно представляет себе сектор, вскоре будет разрыв пролета, внизу площадка.

Рик оказался прав, им удалось немного оторваться от преследователей. Майя с ходу запрыгнула на свисавшую веревкой лиану над площадкой внизу, качнулась, словно маятник, и вновь очутилась на краю пролета. Они обвязали Ахмеда лианой, Рик спрыгнул на площадку и велел спускать раненого, которого в случае чего поймает. Дорога была каждая секунда, лиана затрещала и все-таки не выдержала, оборвалась, и Ахмед ухнул прямо на Рика. Они повалились на пол. Рядом спрыгнула Майя, прямо на плечо ей упал муравей, который тут же вцепился в шею. Майя с криком боли и ярости оторвала от себя насекомое и зашвырнула в бездну. Муравьи градом посыпались сверху, застучали об пол, словно рассыпанные гайки из ящика с инструментами.

— Дальше, Рик, бежим дальше! — крикнула она. — Нельзя стоять!

Не помня себя от страха, Рик и Майя потащили Ахмеда вниз. Этот сектор тоже захватили джунгли гидропоники, но освещался он не так ярко. Времени разглядывать подробности не было, но Рик чувствовал, что тут что-то или кто-то есть. Они продолжали спуск, уже волоча Ахмеда по полу, выбившись из сил.

— Больше не могу… — Рик упал на колени.

Майя опустилась рядом. К ним подскочил самый резвый муравей, и Майя разрубила его надвое, но следом появился еще, и еще. Майя рубила их клинком, Рик топтал и пинал, пока не задел ногой протянувшуюся над полом лиану. Сбоку раздался пронзительный свист, следом шорох, и Рика с Майей спеленало сетью. Оба закричали, когда взмыли в воздух, замахали беспорядочно руками, но вскоре голос Майи оборвался. Рик уловил движение крупной тени сбоку, повернул голову и последнее, что заметил, был конец толстой дубинки.

Удар пришелся ему в темя, и свет померк.

10

Темнота посерела, распалась на отдельные фрагменты, которые вытянулись в полосы, и полосы вдруг стали прутьями решетки. Это было первое, что увидел Рик, очнувшись, но перед глазами опять поплыло, в голове начала пульсировать и разрастаться боль, Рик зажмурился, наблюдая вспыхивающие и гаснущие разноцветные круги… Где он? Куда попал? Где его спутники?

Он снова открыл глаза. За решеткой сквозь смутную пелену угадывалась человеческая фигура. Только на голове у незнакомца была темная обтягивающая маска с окулярами вместо глаз. Незнакомец приблизился к решетке — окуляры таращились на Рика, отражая свет лампы.

Пол, на котором лежал Рик, вдруг закачался, незнакомец скрылся вверху. Удалось кое-как приподняться на локтях — боль в голове слегка отступила. Оказалось, Рик находится в клетке, подвешенной на тросе, и сейчас ее спускали. Вот только вопрос: куда?

Клетку с лязгом тряхнуло, и все замерло.

Приехали.

Рик с трудом сел. Голова кружилась, силуэты людей за решеткой двоились, никак не удавалось сфокусировать на них взгляд. Он снова лег и закрыл глаза. Сколько так пролежал, определить не смог, возможно, провалился в забытье или уснул. Когда очнулся, донеслись скрежет, щелканье и гудение механизмов, неподалеку раздавались голоса, где-то громыхало металлом о металл. Рик лежал, рассуждая над тем, где очутился — судя по звукам, мастерская, только очень большая.

Внезапно в лицо ударила сильная струя воды. Рик попытался вскочить, но его продолжали поливать, не давая толком подняться. Потом также резко прекратили, вырубив воду.

Он сел, фыркая и утираясь, с минуту ушло на то, чтобы прийти в себя и отдышаться, и только после этого удалось осмотреться. В клетке стоял человек в оранжевом комбинезоне и обтягивающей черной маске. На месте глаз у него торчали два металлических окуляра.

Значит, не пригрезилось в первый раз, когда опускали клетку. Рик ждал. Незнакомец бросил на пол шланг с металлическим вентилем на конце, из которого только что била вода, и подвинул ногой к Рику миску, заполненную светло-серой массой. Рик взял миску, принюхался и сглотнул. Еда! В животе предательски громко заурчало — он давно ничего не ел. Позабыв про все, Рик

живо проглотил питательную массу. Тогда незнакомец снова взял шланг, приоткрыл вентиль и наполнил миску водой. Рик выпил и воду. Незнакомец подхватил шланг с миской и ушел, щелкнув засовом на клетке.

Спасибо и на этом. Рик поднялся на ноги и осмотрелся.

Массивная клетка с толстыми прутьями, в которой он находился, стояла посреди просторной залы. Цех — всплыло в памяти услышанное в Коммуне слово. Так называли отдельные просторные комнаты в мастерской. В этом цехе присутствовали линии механизмов, над которыми висели манипуляторы. У стены стояли станки и другие машины непонятного назначения. Повсюду за станками работали люди, что-то изготавливали. Высота цеха составляла примерно пять уровней.

К клетке вновь подошел незнакомец в оранжевом комбинезоне в компании коренастого мужчины, последний без маски и окуляров и слегка хромал; волосы светлые, почти белые, кожа на широком открытом лице обветренная, но больше всего Рика поразили глаза — холодного стального цвета, от них сразу повеяло холодом. На лоб мужчины были сдвинуты очки с круглыми темными стеклами.

Сварщик, почему-то решил Рик. Во всяком случае в таких очках ходили сварщики в Коммуне. Черная рубаха светловолосого была разодрана в нескольких местах, сквозь прорехи бугрились мышцы. Светловолосый присел перед клеткой и стал с интересом наблюдать.

Рику захотелось завязать разговор, но в горле предательски запершило, и он закашлялся. Здоровяк от души рассмеялся, и ушел.

В итоге, Рик просидел в клетке несколько часов, гадая, что стало с Майей и Ахмедом, и наблюдая за обитателями вокруг. К нему больше никто не подходил, не обращал на него внимание. Люди в цеху были крепкие и выглядели здоровыми, без каких-либо отклонений в поведении или мутаций. Многие носили усы и бороды, и у многих при этом лица покрывали ритуальные татуировки. Все рабочие говорили на понятном Рику языке, но с каким-то неуловимым акцентом, делая ударения на рычащие звуки. Каждый носил при себе нож или тесак с широким длинным лезвием. На Рика они иногда посматривали, но явно как на вещь или животное. Один рабочий, проходя мимо, бросил ему сухарь.

За время наблюдений одна группа рабочих сменила другую. Потом, когда вторая отработала свою норму, часть людей разошлась, а некоторые остались. Наконец в цеху появился светловолосый, с которым Рик пытался когда-то заговорить, и сразу направился к клетке. Его сопровождал незнакомец в

оранжевом комбинезоне и черной обтягивающей маске.

— Эй, парни! — крикнул здоровяк на ходу. — Хотите немного развлечься?

Люди откликнулись одобрительным хором и начали подтягиваться к клетке.

— У нас вчера был любопытный улов. Сверху скатились чумные мартышки. Поглядите-ка!

И он провел разводным ключом по прутьям клетки.

Рик подобрался. Страха он не испытывал — раньше времени бояться нечего. Это он хорошо усвоил еще в Коммуне.

— Эй, мартышка! — крикнул здоровяк. — Говорить умеешь?

— Да.

— Значит, ученая!

Рабочие загоготали. Безмолвный незнакомец в оранжевом комбинезоне поднес корыто с гайками и винтами, и здоровяк стал кидать их, целя в Рика и приговаривая:

— Умеешь ходить на задних лапах? А фокусы показывать умеешь?

— Сейчас я покажу тебе фокус, — процедил Рик и швырнул в него миску.

Та бы точно угодила здоровяку в голову, но не проскочила между прутьями и со звоном отлетела обратно.

Здоровяк невольно отшатнулся, и рабочие загоготали еще громче.

— Неплохо, — сказал он. — Я дам тебе шанс. Но не сегодня. Фома! — обратился он к спутнику в оранжевом комбинезоне. — Принеси ему еще пожрать, а то его пальцем сломать можно.

Фома кивнул. Рик заметил в толпе еще несколько таких же людей в оранжевых комбинезонах и масках, как у Фомы. И кисти у всех без исключений были затянуты в перчатки.

— Но не сейчас, — предупредил здоровяк. — Позже. Пусть ребята развлекутся.

Он хищно улыбнулся, показав ровные крепкие зубы, и ушел, оставив Рика наедине с работягами, которые не заставили долго ждать и принялись швырять в него грязные тряпки и обломки деталей, выкрикивая оскорбления.

Рик сначала огрызался в ответ, но вскоре понял, что именно этого от него и ждут: беспомощная агрессия доставляла этим людям особое удовольствие. Тогда он умолк и отвернулся. И вскоре рабочие потеряли к нему всякий интерес, поняли, что ничего не добьются. Шум в цеху постепенно стих, все разошлись. Яркие лампы на стенах погасли, где-то вдалеке зажглись два красных аварийных фонаря, и перед клеткой появился Фома. Просунул между прутьев руку, кинул в клетку брикет с

консервированным рационом, рядом поставил кружку с водой.

Что ж, пища — это силы. Рик кивнул в знак благодарности и принялся за еду. Завтра силы ему явно понадобятся. Прикончив рацион и выпив воду, он посидел, некоторое время невидяще глядя перед собой, мысли в голове расползались, словно тараканы, после чего он растянулся на полу и быстро уснул…

Следующий день прошел без событий. Фома приносил миску с серой массой или консервированным рационом и воду, и Рик сметал все подчистую, внимательно наблюдая за Фомой и работягами. Однажды он попытался заговорить с Фомой, но ничего не вышло, тот просто не отвечал на вопросы и не реагировал на подначки. Как-то раз этот странный молчун в оранжевом комбинезоне запрыгнул на стену и пополз по ней к потолку, чтобы высвободить заевшую в кран-балке цепь. Рик не верил собственным глазам: Фома карабкался по стене как крупный паук, быстро перебирая руками и ногами.

Утром следующего дня его разбудил металлический лязг. Светловолосый стоял возле решетки и водил по ней разводным ключом. Рику почему-то сразу вспомнились речи Креза насчет лазутчиков сверху. Теперь он понял, что чувствовали верхние варвары, пойманные Патрулем.

— Доброе утро, мартышка!

Здоровяк открыл дверь клетки, шагнул в сторону и сделал приглашающий жест:

— Прошу.

Рик вышел, стараясь быть невозмутимым, и они направились сквозь толпу к воротам, ведущим прочь из цеха. За воротами оказался другой цех, отличавшийся от предыдущего расположением станков и линий с манипуляторами. Миновав его, процессия двинулась по широкому туннелю, Рик догадался, что это типовой лучевой коридор, в полу коридора имелись узкие оконца, в которых виднелись нижние комнаты. Всюду кипела жизнь. Люди в грязно-желтых робах трудились над чем-то, мимо проезжали грузовые тележки.

Из тоннеля вышли в просторный зал, где свет ламп расплывался под высоким потолком. Стены зала опоясывали мостки и смотровые площадками, на них толпились люди. В центре зала возвышалась колонна, увенчанная бюстом — крупная мужская голова в два человеческих роста, отлитая из металла и частично покрытая сверху красным, рот разрисован в зубастую пасть, на лбу намалеван третий глаз. Вокруг колонны с бюстом неизвестного исполняли ритуальный танец женщины, обнаженные по пояс, с ожерельями из гаек.

— Слава Красному королю! — крикнул здоровяк.

И женщины прервали свой танец.

— Слава! — отозвался неровный хор голосов.

Зрители на мостках опустились на колени и склонились к полу. Исполнив приветствие, все поднялись, навстречу здоровяку выступил старик и крикнул:

— Приветствуем тебя, Корнеллиус!

Здоровяк взметнул над головой руку с разводным ключом и крикнул:

— Реактор должен жить!

— Должен! — заорали вокруг.

— Реактору нужна еда!

— Нужна!

— Ему нужны души грешников! Пусть Красный король рассудит, кто согрешил сегодня!

— Пусть будет так!

Корнеллиус запрыгнул на возвышение. Толпа отступила, глядя на лидера.

— В нашем братстве все равны. Каждый имеет право на жизнь. И каждому дана свобода умереть. Мы делаем великий выбор. Кто готов?

Вперед выступила дюжина крепких парней и женщин, их суровые, сосредоточенные лица были полны решимости.

— Прекрасно! А теперь посмотрите на него, — и Корнеллиус указал на Рика. — Отвечай, ты человек?

— Я — человек, — сказал Рик.

— Ты праведник?

Смешки и шепот.

— Да.

— Раз так, проверим это. Только праведник побеждает перед лицом Красного короля. У тебя отсюда есть две дороги — жить или умереть. Делай выбор.

Рик мрачно улыбнулся. Люди этого сектора не знают его, не знают, на что он способен, и это его преимущество.

— Я выбираю жизнь.

— Отлично! — Корнеллиус, казалось, был доволен ходом ситуации. — Если бы выбрал смерть, сразу бы стало ясно — ты праведник. Грешники всегда выбирают жизнь.

У Рика лопнуло терпение.

— Довольно болтовни! — крикнул он. — Чего ты хочешь?

Корнеллиус усмехнулся.

— Убедиться, кто из нас прав. В споре всегда побеждает один. Выбирай противника!

Рик скользил взглядом по лицам, вышедших вперед.

— Выбери меня, — проскрипел из толпы беззубый старик, —

я убью тебя быстро!

Взрыв хохота.

Пускай веселятся, для них подобное представление явно не в первый раз. Люди уже смотрели на него, как на мертвеца, словно исход поединка был предрешен. Мужчины, женщины, старики и старухи — хорошо хватило ума не приводить сюда детей.

Рик невольно вздрогнул, когда заметил Майю среди толпы. Он с трудом узнал ее — коротко острижена, в грязной робе, стояла и молча смотрела на него. В глазах были беспокойство и желание помочь.

— Если ты праведник, — добавил Корнеллиус, — то имеешь право быть с нами. Но ты должен завоевать свое место. Выбирай!

— Тогда я выбираю тебя. — Рик нацелил на него палец.

— Подумай хорошенько, если хочешь прожить хотя бы минуту! — прокричали из толпы. — Корнеллиус от тебя мокрого места не оставит.

— Я выбираю его, и точка! — Рик сделал паузу. — Или ты боишься меня?

По залу прокатился вздох. Стальные глаза Корнеллиуса холодно сверкнули.

— Отлично! Перед лицом Красного короля мы начнем и закончим здесь этот спор.

Люди тут же отхлынули в сторону от места будущей схватки. Кто-то кинул Корнеллиусу цепь, он ухватил ее и принялся раскручивать над головой, помахивая разводным ключом в другой руке.

Рик понял: помощи ждать неоткуда. Даже Майя бессильна что-либо сделать. Он метнул в нее короткий взгляд — Майя давилась слезами, зажатая зрителями в толпе, поддерживающей одобрительными возгласами Корнеллиуса.

— Прикончи его!..

— Чего ждешь?..

— Давай!..

Корнеллиус сделал пару ложных выпадов и стремительно атаковал. Цепь с лязгом обрушилась в место, где только что находился Рик. Ему удалось вовремя отпрыгнуть, перекатиться и вскочить, чтобы сразу пригнуться. Цепь просвистела над головой, чиркнув по волосам.

— Ну давай, мартышка! Давай! — выкрикнул Корнеллиус. — Храбрая мартышка!

Они продолжали кружить по площадке, впившись ненавистными взглядами друг в друга. Кто-то попытался подставить Рику подножку, но Рик вовремя почувствовал угрозу и отпрыгнул в сторону, и едва не угодил под очередной удар

Корнеллиуса. И тут же последовала еще одна попытка сбить его с ног не увенчавшаяся успехом, отчего Корнеллиус впал в ярость. Серия попеременных ударов обрушилась на Рика, но не один так и не достиг цели.

Толпа выла в экстазе. Корнеллиус рычал от злости. Рик начал выдыхаться, оступился и не удержался на ногах. Но это спасло ему жизнь — разводной ключ рассек воздух там, где только что была его голова. Вскочив, он ударил Корнеллиуса кулаком в корпус. Вложил в удар весь остаток сил. Корнеллиус крякнул и отскочил на шаг, потирая бок, давая Рику отдышаться.

Толпа вдруг притихла, завороженно наблюдая за соперниками. Корнеллиус не заставил себя ждать, снова бросился в атаку, встреченную одобрительными криками. Он был очень силен и больше не давал Рику передышек, но достать его цепью или ключом пока не мог.

— Оторви ему башку! — кричали самые нетерпеливые зрители.

— Выпусти кишки, Корнеллиус!

— Размажь его!

Пот застилал Рику глаза, легкие жгло. Он хрипел, выдыхая каждый раз, когда увертывался от удара. И уставал все больше… Миг — удар. Мимо. Снова выпад. Ноги заплелись, и в этот момент Корнеллиус оказался рядом, обрушил разводной ключ ему на плечо, заставил припасть на колени и вскрикнуть от боли.

Рик яростно отмахнулся, угодив Кореллиусу рукой по бедру, но тот даже не заметил, бросил цепь, снова ткнул ключом, на этот раз в лицо, разбив нос и губы в кровь, ухватил рукой за шею и рывком приподнял так, что целиком оторвал от площадки.

Тщетно дергая ногами, не в силах шевельнуть перебитым плечом, Рик пытался вырваться, но хватка Корнеллиуса была крепка. Он медленно сдавливал крепкими пальцами шею Рика.

— Кончай его! — орали зрители, хлопая в ладоши и свистя. — Кончай!

Корнеллиус подался вперед, глядя Рику в глаза и тихо сказал:

— Твою подружку я оставлю себе.

А потом резко рванул руку вниз, приложив Рика головой об пол.

Мир потонул в красной дымке. Сил подняться не осталось, удалось только перевернуться на спину.

Корнеллиус перехватил разводной ключ обеими руками, занес над головой и замер.

— Именем Красного короля! — обратился он к толпе. — Братство Сигма и Тау! Эту жертву я приношу Реактору!

Рик отрешенно смотрел в потолок — все, это конец. Нет

смысла молить о пощаде. Мысленно он прощался с сестрой и Коммуной. Что сейчас делает Аврора? Возможно, слушает сказки старого Киото. А может быть, Комитет пришел за ней и… Он нужен сестре, он обещал вернуться! Нехорошее предчувствие заставило пошевелить здоровой рукой — он должен хотя бы попытаться. Рик повернул голову, рука нащупала брошенную Корнеллиусом цепь.

Это шанс!

Толпа ликовала. Корнеллиус начал опускать разводной ключ, когда Рик перекатился на четвереньки и взмахнул цепью, захлестывая ее звенья вокруг шеи здоровяка. Корнеллиус все-таки завершил удар, но ключ скользнул Рику по руке, не причинив вреда. Глаза здоровяка округлились, он машинально ухватился за цепь, пытаясь ослабить захват — и в этом была его ошибка.

Рик ударил коленом в живот, потом — головой Корнеллиусу в нос, из которого сразу потекла кровь. Рывком развернул соперника спиной к себе и треснул по пояснице, заставляя подогнуть колени.

Корнеллиус захрипел, оба повалились на пол, Рик придавил здоровяка корпусом, натягивая цепь изо всех сил, не давая вдохнуть. В отчаянной попытке, Корнеллиус попытался извернуться и скинуть Рика, но ничего не вышло.

Толпа взревела вокруг. Рик вскинул голову на миг: рядом завязалась нешуточная борьба, одни хотели помешать ему прикончить Корнеллиуса, но другие не давали этого сделать. Тогда Рик уперся коленом здоровяку в спину, натянул цепь и крикнул громко, чтобы слышали все:

— Что выбираешь? Жизнь или смерть?!

Корнеллиус хрипел.

— Говори! Что выбираешь?

Люди кругом стихли, прекратив возню.

— От-пусти…

— Ты хочешь жить или нет? Говори!

— Жить! Хочу жить!..

Рик бросил цепь и с трудом встал. Перед глазами плыло, но дело не закончено. Он обвел мутными глазами толпу и прокричал:

— Эй, вы! Я дарю вам вашего Корнеллиуса! Забирайте.

Люди секторов Сигма и Тау молча смотрели на него. Скривившись от боли, Рик взмахнул рукой и нашел взглядом Майю. Она радостно улыбалась, утирая слезы.

Навстречу Рику выступил пожилой мужчина. Сказал:

— Ты одержал победу. Красный король все видел. Корнеллиус будет отдан Реактору. Ты займешь его место. Таков

закон.

Они смотрели на Рика с новым выражением на лицах. Они признавали его силу, хотя еще минуту назад насмехались и открыто желали ему смерти. Рик презирал их.

— Кем был Корнеллиус?

— Главным Оператором Реактора.

— Тогда я хочу взглянуть на это место.

— Пойдем. У тебя будет своя комната и личный прол. Это Фома, он теперь твой. — Мужчина показал Рику на молчуна в оранжевом комбинезоне и черной маске. Фома подошел ближе и замер в паре шагов.

Из толпы вышагнул высокий крепыш, за ним показались еще двое. Крепыш заявил:

— Этот человек — чужак! Он чертов мутант, грязное отродье! Верхняя обезьяна! Его надо изгнать из братства! Он нам никто!

Его неуверенно поддержали разрозненные голоса. Но Рик не стушевался.

— У тебя есть возражения? Тогда решим этот спор здесь и сейчас. Ну?

Крепыш замер, взвешивая шансы. Рик медленно двинулся к нему.

— Чего ждешь?

И крепыш невольно подался назад. Тогда Рик обратился к толпе:

— Я поступил по вашему закону. Доказал, что человек. Чего же вам еще надо?

Люди молчали.

— Он прав, — сказал мужчина, который первым признал Рика победителем. — Это был честный спор, Красный король тому свидетель.

Видимо, прозвучал решающий аргумент, и толпа одобрительно загудела. Мужчина подошел к Рику вплотную.

— Меня зовут Аркадий. Я покажу тебе наше братство.

— Эта девушка, — Рик указал на Майю, — пришла со мной. Я хочу взять ее к себе.

— Хорошо. — Аркадий учтиво склонил голову. — Вчера она победила в споре с другой женщиной, и Реактор забрал проигравшую.

— С нами был третий, чернокожий человек по имени Ахмед.

— Мы думали, он умрет от ран, но вчера он открыл глаза и заговорил. Это значит, что в нем сильна жизнь, и в будущем он сможет претендовать на место в братстве. Мы следим за его состоянием.

Рик подумал, что Ахмеда могли бы просто скинуть в

пропасть, как мусор. Кое-кто в секторе Омикрон поступал так же, мотивируя это высокими идеалами. Несмотря на явно варварские, языческие обычаи, люди здесь соблюдали определенные правила.

Прежде, чем Аркадий повел их по коридору, Рику оказали помощь. Ему сделали укол инъектором — боль в плече сразу прошла, в голове прояснилось. Майя наградила Рика благодарным взглядом, молча взяла за руку и пошагала рядом. Коридор вел явно к Хорде. Они вышли на балкон и проследовали через лестницу к соседнему сегменту, спустившись на уровень ниже. В нишах возле входов в лучевой коридор сегмента двигались лифты. Подобные ниши имелись в Омикроне, но они всегда были недоступны людям Коммуны.

— Мы спустимся по лестнице, — угадал его мысли Аркадий. — Это недалеко.

Рик внимательней присмотрелся к нему. Волосы с проседью, низкорослый, но широкоплечий, серые маленькие глаза. Похоже, этот Аркадий играет в братстве важную роль и, несомненно, обладает долей власти.

Следом за Риком, держась в паре шагов, тихо двигался прол Фома.

— Он будет исполнять любые твои приказы, — сказал Аркадий, обратив внимание на любопытствующий взгляд Рика. — Это привилегия Главного Оператора.

Рик благоразумно промолчал, хотя язык так и чесался задать кучу вопросов. Они спускались все ниже и ниже, лестница и стены вокруг сияли чистотой. Рик следил за числами, обозначавшими уровни: 315, 314, 313…

— Этажи, — сказала Майя. — Скоро будем на трехсотом.

Рик с трудом припомнил число этажа на главном уровне Омикрона — кажется, пятьсот сороковой. Назвал Майе, и она тихо пояснила:

— Слишком много. Твой сектор гораздо выше, а наш — и подавно.

Но Аркадий все-таки услышал их разговор.

— Вы спустились сверху? Мы думали, кроме джунглей и мутантов там ничего нет. Как высоко обитают люди?

— Сложно сказать, — признался Рик. — Недавно я сам думал, что ниже моего сектора нет ничего, кроме пустоты. А Майя живет еще выше.

— Это поразительно. Иногда к нам спускаются чужаки, но это либо чудовища, либо кровожадные дикари.

— А разве вы сами не пробовали подняться и выяснить, что делается наверху?

— Это было давно и кончилось большой кровью, — сказал

Аркадий. — Джунгли тогда были меньше, и через них можно было безопасно ходить. С тех пор никто туда не выбирался. У нас есть все, что нужно для жизни. И мы этим довольны.

Последние слова он произнес с твердым убеждением.

Коридор вывел их к краю гигантской шахты, наполненной голубым сиянием. На дне шахты находился источник сияния — огромная, искрящаяся миллионами отсветов сфера.

— Реактор, — сказал Аркадий.

Они застыли на выступе, выдающимся в шахту и довольно долго разглядывали сферу. Снизу лилось мощное гудение, даже уши закладывало. Рик ощутил сухой жар, идущий от сферы. Ему давно не было так тепло.

Аркадий повел их по мостку вдоль стены, направляясь к открытой двери в полукруглую комнату с панорамными окнами.

— Пост Главного Оператора.

Значительное пространство комнаты заполняли столы с машинами, мигавшими разноцветными огнями. На равных расстояниях друг от друга находились темные квадраты экранов. Один большой располагался на противоположной стене, на нем светилась странная схема, Рик воспринял ее как рисунок: урна с шаром на дне. Контуры урны на темно-синем фоне были подсвечены серебристым цветом. Мигали надписи и значки. Аркадий указал Рику на большое кресло, расположенное возле столов.

— Отныне это твое место. Занимай его по праву.

— Благодарю. Что я должен делать?

Аркадий торжественно ответил:

— Главный Оператор наблюдает за Реактором.

Рик ждал продолжения, но напрасно.

— И это все? Я должен сидеть здесь и следить за этой штуковиной внизу?

Аркадий замялся.

— Пост Главного Оператора передавался по наследству. Корнеллиус занял его после своего отца Ангуса, а тот заменил своего и так далее. Никто никогда не бросал вызов Главному Оператору и не выигрывал спор на жизнь. Полагаю, Корнеллиус должен передать тебе свой пост. Да. Я позабочусь об этом. Честно говоря, я думал, люди сверху достаточно умны, чтобы управляться с амулетами.

При этих словах он пытливо взглянул на Рика.

— Мы умеем обращаться с машинами, — уверенно ответил Рик, — но их так много в мире, что каждая требует сноровки и знаний.

— Разумеется.

— А какой пост занимаете вы, Аркадий?

— Я — наставник братства. Первый брат. С вашего позволения, мне надо уйти. Побудьте здесь и осмотритесь. Мы еще поговорим позже.

Аркадий уважительно кивнул и вышел прежде, чем Рик успел задать новый вопрос.

Фома продолжал стоять посреди комнаты, никак себя не проявляя. Майя покрутилась на месте, потрогала кресло Оператора.

— Рик…

— Майя, я несказанно рад тебя видеть.

Секунду они смотрели друг на друга, а потом бросились в объятия. Рика смущало присутствие Фомы, и он приказал тому выйти. Прол послушался и, тихо ступая удалился на мостик.

— Меня держали в клетке, как зверя… — начал Рик.

— А меня посадили на цепь. Потом привели в зал, не в тот, где стоит Красный король, а в другой, поменьше, с колодцем в центре. Заставили выбирать, драться или прыгать в колодец.

— Ты победила.

— Ты тоже.

— И Ахмед жив.

— Я так переживала за него!

Они помолчали, растерянно глядя друг на друга. Внезапно закончились все слова, они просто держались за руки, наслаждаясь присутствием, ощущением жизни.

— Ну и что ты обо всем этом думаешь? — спросил Рик, указывая на машины.

— Это похоже на генератор, но Райнер описывал его не как шар, а как цилиндр.

— Этот Аркадий сказал: «Реактор». Есть разница?

— Да. — Майя наморщила лоб, подбирая слова. — В реакторе что-то вырабатывается, а генератор это что-то превращает в энергию.

— Ничего не понятно.

— Райнер мог все объяснить просто и доступно, но я так не умею. В общем, это не генератор.

— Точно?

Майя подошла к смотровому окну и с минуту глазела вниз, прижавшись к стеклу.

— Нет, — сказала она. — У них есть свет и тепло, но оно вырабатывается не здесь.

— Тогда что здесь происходит?

— Надо посмотреть поближе. — Майя подошла к пульту управления и сверилась с какими-то данными на экране. —

Радиация в пределах нормы. Значит, можно подобраться к сфере поближе.

Они вышли на мостик и наткнулись на Фому.

— Кто ты? — потребовал Рик. — Расскажи о себе.

Фома молчал, стоял и смотрел на них.

— Может быть, он глухой? Или немой?

— Или не человек. Я видел, как он карабкался по стенам, точно паук. Ну, так кто ты?

Но Фома продолжал смотреть на них окулярами, не произнося ни слова.

— Наши ученые говорят, в древности могли делать машины, внешне похожие на людей. Может, это одна из них…

— Он очень странный. Хотел бы я знать, что прячется у него под маской.

— А мне совсем не хочется это видеть!

— Ручаюсь, если у него есть хоть капля разума, он может нам многое рассказать про здешних людей. Что смотришь? Похоже, проку от тебя никакого. Отойди, мы хотим спуститься вниз.

Фома склонил голову набок и сделал знак — следовать за ним. Рик и Майя недоуменно переглянулись, но пошли. Они шли и шептались у Фомы за спиной:

— Надо соблюдать осторожность…

— Он может быть приставлен к нам для слежки…

Тем временем Фома вошел в кабину подъемника, на другом конце мостика, дождался спутников и нажал кнопку, направив кабину вниз. Кабина ползла медленно, и они рассмотрели шахту в подробностях. По периферии горели слабые огни, через равные промежутки по внутренней поверхности тянулись опоясывающие мостики и кое-где виднелись площадки с входами в подъемники. Становилось не просто тепло, жарко. Воздух тут не был похож на влажную духоту джунглей — больше напоминал сухое дыхание раскаленной печи. Кабина достигла дна. Сфера отсюда выглядела гораздо больше, чем казалась сверху. Они прошли по лесенке в зал, прикрыв глаза от яркого сияния сферы, медленно вращавшейся вокруг своей оси.

Фома указал на пульт управления, сходный с тем, что установлен в комнате наверху. Рик и Майя подошли к столу. Экраны светились бледными рисунками и столбцами данных. На одном из больших экранов мерцала зеленым надпись. Майя прочитала вслух:

— «Спящий режим. Ожидание активации по протоколу „Омега“».

— Что это значит?

Рик попробовал нажать на кнопку, но ничего не произошло.

Только на экране загорелась надпись.

— «Введите код доступа», — прочитала Майя.

— Что?

— Вроде заклинания, если говорить на понятном тебе языке. На самом деле это просто пароли для безопасности. Древние владели ими. В нашем секторе тоже хранилась книга паролей, но она сгорела. Ученые помнят с десяток, не больше.

Майя попробовала набрать что-то на клавиатуре, но машина отказала ей.

— Не получается.

Они стали разглядывать экраны, панели управления, показания десятков приборов, переходя от одного стола к другому. Все было покрыто толстым слоем пыли. Вдруг Майя взвизгнула, повалив кресло, откуда мешком вывалился большой пыльный куль. Раздался хруст. Рик подскочил к ней и понял причину — на полу лежала истлевшая мумия. Одежда на ней превратилась в лохмотья, сквозь которые виднелись кости.

Рик с Майей осмотрелись внимательнее — неподалеку в креслах и на полу виднелась еще пара мумий. Рядом с одной лежал продолговатый предмет с рычагом и ручкой на одном конце и отверстием на другом. Рик поднял предмет, повертел в руках.

— Интересно, что это?

— Осторожнее, прошу тебя! — прошептала Майя.

— А в чем дело?

— Это оружие. Оно может быть заряжено.

— Видел что-то похожее у наших комитетчиков.

— Им пользовались древние. — Майя отобрала у него предмет, взглянула на мумии и мрачно добавила: — Причем вполне успешно.

Рика раздирало любопытство. Он поочередно осмотрел останки, пока Майя возилась в дальнем конце зала.

— Смотри-ка. Нашел у одного на шее. Совсем как мой талисман!

Но Майя не слушала его; она с головой погрузилась в изучение древних бумаг, разбросанных на столе. Рик недовольно подумал, что пора бы и ему научиться читать.

— Иди сюда, быстрее! — торжествующе воскликнула она. — Кажется, нашла!

Он подошел. Майя развернула на столе полотно с большой непонятной схемой. Схема была разделена на пять частей, и каждая часть в свою очередь — еще на пять. Рик сразу приметил знакомые обозначения. Достал свой клочок схемы, полученной от Киото, и поднес к полотну.

— Вот! — Майя совместила их, и получилось, что рисунок Рика почти дублирует часть большой схемы. Они склонились над бумагами, силясь различить подробности и понять назначение.

— Они говорили о народе Сигма и Тау. А вот и эти секторы, — Майя ткнула пальцем в схему. — Они расположены точно под сектором Ро. Здесь приписка: «Гидропонные плантации и фермы». А напротив Сигма и Тау — «Заводы по производству машин. Заводы биотехнологий». Все совпадает. Как хорошо, что я умею читать!

— Мы движемся в правильном направлении?

— Да. И этот рисунок подтверждает мою догадку — до генератора еще далеко. Вот, гляди: после Тау идет сектор Ипсилон, а здесь написано: «Синтезатор материи. Ускоритель частиц».

— Что это такое?

— Я не знаю, — пожала плечами Майя.

Они одновременно, не сговариваясь, посмотрели на вращавшуюся за окном сферу.

— Это либо синтезатор, либо ускоритель, — сказал Рик. — Третьего не дано.

— Блестяще! Ты просто гений. Но этой догадки мало. Мы должны выяснить подробности. Все это находится в четвертом эоне. Генератор расположен в пятом. — Она провела пальцем к крайнему сегменту схемы и зашевелила губами. Потом сверилась с рисунком Рика. — Ну да. Те же знаки. Нам предстоит спуститься еще на сто пятьдесят этажей вниз.

Они помолчали, осмысливая этот факт.

— Знаешь, чем больше я смотрю на этот рисунок, тем яснее мне становятся отличия эонов друг от друга, — заметила Майя. — В нижнем эоне другая система энергоснабжения. Более мощная и продвинутая.

— Ярче свет, — кивнул Рик. — Больше машин.

— Похоже на ядро этого мира.

— Пространство полно загадок…

— А мы, как слепцы, натыкаемся на них, не в силах разгадать.

— Но мы обязательно все узнаем, — уверенно заявил Рик.

— Ты серьезно? — Майю словно покинула твердость и решимость.

— Конечно! Посмотри, сколько мы уже прошли уровней. Это звучит странно, мне самому это странно говорить, но за последние дни я почувствовал, что мы… как это? Что мы можем. Нам это по силам, понимаешь? Мы преодолели страх и зашли слишком далеко, чтобы поворачивать назад.

— Ты изменился, Рик из Омикрона. — Майя посмотрела на него с новым выражением. — Должна признать, что ошиблась в тебе. Ты мог бы бросить нас много раз, но не сделал этого. Я начинаю…

— Нет. Пока рано говорить об этом.

Рик заметил, что Фома оживился и сигналит им жестами.

— Чего хочешь? — раздраженно кинул Рик.

Фома молчал и активно жестикулировал, указывая куда-то сначала вверх, а затем в сторону. Рик не понимал, что он хочет сказать. Майя тем временем принялась складывать все бумаги, какие смогла найти на столе, возбужденно приговаривая:

— Это бесценные сокровища. Многие отдали бы жизнь ради того, чтобы просто прочесть все эти манускрипты. Мы обязаны забрать их с собой!

— Ты не сможешь утащить все.

— Утащу, что смогу. Видимо, на чью-то помощь мне рассчитывать не приходится.

Рик засопел, но стал помогать ей с бумагами. Они подняли целое облако пыли и закашлялись. Рик скатывал бумаги в трубки и ворчал:

— Не забывай, что мы теперь часть братства и надо подумать, что с этим делать. Мы же не можем просто так взять и уйти. Подозреваю, что порядки здесь не самые свободные. Да чего тебе, в конце концов, надо? — отвлекся он снова на Фому.

Прол прыгал перед ними, мешая пройти. Он был чем-то встревожен. Только сейчас Майя и Рик услышали шум, доносившийся сверху. Это напоминало крысиную возню в вентиляции, пока отдаленную, но звуки становились все громче.

— Проклятье! — Рик хлопнул себя по лбу. — Кажется, я понял. Мы оставили пост.

— Пора возвращаться.

Они хотели было вернуться на помост возле сферы, но Фома почему-то упрямо показывал в противоположную сторону, к противоположной двери, из комнаты. Шум усилился. Майя все-таки выскочила на мостик, посмотрела вверх.

— Кто-то пришел к посту. Бегают, суетятся. Спускаются сюда.

Логика диктовала простое решение — подниматься навстречу Аркадию и его людям. Но что-то в жестах Фомы говорило об обратном. Внутреннее чутье подсказывало, что прол не просто так встревожен и пытается о чем-то предупредить.

— Рик, мы должны вернуться.

— Да, но прежде надо выяснить, что там.

— Ты куда? — Она ошарашенно смотрела на него.

Рик не стал тратить время на объяснения. Он последовал за

Фомой и очутился в продолговатой комнате, больше напоминающей кладовку. Комната была уставлена одинаковыми серыми шкафами с табличкой и номером на каждом. Фома скользнул вдоль их рядов так быстро, что Рик чуть не потерял его из виду. Он побежал за пролом и выскочил на маленькую площадку, в центре которой находилось кресло. Необычное кресло; большое, массивное, оно крепилось на округлом возвышении, имело мощную спинку и подлокотники, нашпигованные хитроумными приборами. Но самым удивительным казался колпак, свисающий с потолка и размещенный точно над изголовьем.

Фома указал на кресло.

— Что это?

Фома молчал. Рик вздохнул. Спрашивать бесполезно. Он подошел к креслу, потрогал холодный пластик, металлические сочленения и изгибы проводов. Устройство не казалось сломанным. Только пыль толстым слоем лежала на нем, как и на всех поверхностях. Рик водил пальцами по рельефным пластинам, и его охватывало странное чувство чего-то знакомого, словно руки обладали механической памятью и однажды уже имели дело с таким хитроумным устройством. Но каким образом? Рик смотрел на свои ладони и не понимал. Из большого зала раздались крики. Майя забежала в комнату.

— Они уже здесь! — И замерла. — Что это?

У них было не больше минуты. Рик запрыгнул в кресло. Он не знал, на что рассчитывал. Просто почувствовал, что поступает правильно, представив себя на месте неведомого ему древнего оператора, который произносил здесь свои технические заклинания и набирал загадочные пароли, чтобы повелевать машинами. Руки словно сами собой легли в углубления, спинка приняла форму его тела, мягко изгибаясь. Рик смахнул локтями остатки пыли и уставился на маленький экран перед собой. Там появилась точка, которая быстро разрослась в красный полукруг и также быстро замкнулась в полную окружность, тут же ставшую зеленой. Затем круг исчез, и на его месте возникли контуры человеческой ладони.

За стеной слышались приближающиеся возгласы: «Где они?», «Они здесь!», «Ищите их!», «Я же предупреждал!». Рик положил ладонь на контуры изображения. По экрану снизу вверх пробежала синяя полоса, экран мигнул зеленым, и появилась надпись.

— Майя! Скорее прочти, что здесь написано!

— «Генетический код подтвержден». Как ты это сделал?

— Не знаю. Вот новая надпись. Скорее читай!

Преследователи уже ворвались в хранилище и бежали мимо шкафов, выкрикивая на ходу предостережения: «Это запретное место!», «Нельзя!».

— «Выполняется программа „Хронос“. Выберите или измените программу: „Гея“, „Хронос“, „Уран“».

Рик на мгновенье задумался, а затем нажал на «Уран».

— «Выбрана программа „Уран“», — торопливо читала Майя. — «Зарядка батарей, генераторов, хранилищ воздуха и воды завершена. Активировать внешний контур? „Да“ — „нет“».

Рик уже догадался, что красный квадратик означает отрицание, а зеленый подтверждение. Он нажал на зеленый.

— Майя! Читай, быстрее!

Из-за шкафов выбежали здоровяки в грязно-желтых робах и оттолкнули Фому. Их свирепые физиономии обратились к креслу. От двери раздался окрик Аркадия:

— Остановите их!

— «Запустить ускоритель частиц? „Да“ — „нет“».

И Рик надавил на зеленый квадрат прежде, чем его выдернули из кресла и бросили на пол. Раскрасневшийся от бега Аркадий остановился напротив, тяжело дыша. С минуту он приходил в себя: руки дрожали, щеки тряслись.

Внезапно за стеной начал нарастать низкий гул. Аркадий схватил Рика за грудки и закричал:

— Что ты сделал? Отвечай! — Он исступленно тряс Рика, поддавшись приступу ярости, но быстро выдохся и бросил его. — Сюда запрещено входить! Это святилище Реактора, и ты осквернил его! Я во всем виноват. Надо было оставить возле вас охрану. Что ты сделал только что? Говори! Ну, говори же!

Аркадий чуть ли не молил от отчаяния.

— Вы совершили преступление! Теперь нас всех ждет божья кара! Придется наказать тебя и эту девку. Молитесь, язычники, всем богам, в которых верите и не верите. Вы будете умолять меня о скорой смерти. Испытание перед Красным королем покажется вам шалостью по сравнению с тем, что я сделаю с вами! А-а-а! О-о-о, великий Реактор, прости нас!

Аркадий окончательно потерял над собой контроль. Он метался вокруг кресла, а потом, резко одернув одежду, успокоился и вновь обратился к Рику, которого уже крепко держали за локти:

— Послушай. Я позволил себе слабость. Давай забудем обо всем. Конечно, нам незачем отдавать вас Реактору, если ты вернешь все обратно. Расскажи мне, что ты сейчас сделал? Расскажи мне все, что знаешь о машинах. Даю слово, что отпущу вас.

В комнате повисла тишина. Гул сферы за окном изменился, стих, но при этом стал интенсивнее, чем было раньше, и выше на тон. В комнату вошел рабочий и сказал:

— Наставник! Амулеты светятся и мигают божественными огнями. Реактор стал ярче, и все залито светом!

Рик видел, каким нечеловеческим усилием Аркадию удалось сохранять спокойствие.

— Хорошо. — Он обратился к Рику: — Я слушаю.

— Я все скажу, но не здесь. Давайте поднимемся. С реактором ничего не случится.

Аркадий раскрыл было рот, но Рик добавил:

— Даю слово, такое же, какое вы дали нам. Реактор в безопасности.

Наставник бросил на него тусклый взгляд и жестом приказал всем уходить.

11

— Итак, — сказал Аркадий, глядя на Майю с Риком, — внимательно вас слушаю.

Прошло где-то с час после того, как их вывели из подземного хранилища. Рик потребовал еды и воды, а также свидания с Ахмедом. Только убедившись, что чернокожий инженер содержится в нормальных условиях и ему ничто не угрожает, он согласился говорить.

Рассказ Рика был коротким и лаконичным. Он говорил чистую правду. Аркадий, разумеется, так не думал. С сомнением во взгляде, скрестив руки на груди, он слушал о том, как Рик сбежал с новыми друзьями вниз, о лагере Ярга, пустых уровнях сектора Пи, о диких джунглях и их обитателях, о том, как беглецы наконец поверили, что достигнут цели.

— И это все.

Рик взял со стола стакан воды и выпил залпом.

— Ладно. Что ты сделал в хранилище?

— Я просто залез в кресло. Вдруг очень захотелось.

Аркадий напряженно смотрел на него.

— Я сел, — продолжал Рик, — потрогал кнопки, и вдруг эта штука замигала. Я испугался, попробовал ее выключить, но не успел, потому что вон тот верзила, — Рик указал на охранника в шаге от себя, — скинул меня на пол и скрутил руку. Остался синяк, между прочим.

И Рик продемонстрировал всем присутствующим синяк. Охранник при этом довольно осклабился. Аркадий вновь перевел взгляд на Рика, который, откровенно говоря, желал одного, хорошенько выспаться.

— Ты лжешь, — заговорил Аркадий. — Скажи мне правду, что ты сделал и зачем?

— Я говорю правду.

Аркадий скрипнул зубами. Посмотрел на Майю, снова на Рика.

— Давайте, я расскажу вам о нашем братстве, чтобы вы понимали, куда попали и почему нас так волнует эта возникшая проблема.

По словам Аркадия, история братства насчитывала много веков и начиналась с момента великой эпидемии неизвестной болезни. Сработала система безопасности, отделившая секторы рабочих от верхнего и нижнего эонов, и с тех пор обитатели этих секторов ничего не знали о судьбе остальных людей. Никто не пытался с ними связаться в течение очень долгого времени.

Поэтому рабочие Сигмы и Тау посчитали себя единственными выжившими. Страх перед неизвестной заразой укоренился в их сознании. Эон живет за счет великого Реактора — он дает людям свет и тепло, заставляет работать машины, которые производят пищу, перевозят пассажиров и грузы и выполняют множество другой важной работы. Из среды рабочих были выбраны самые мудрые люди, ставшие именовать себя наставниками и решать все важнейшие проблемы, начиная от снабжения пищей и заканчивая ремонтом труб. Какое-то время эон существовал без происшествий. Сменилось несколько поколений людей.

А затем в результате одной из междоусобных войн был поврежден агрегат, ответственный за распределение тепла в секторах Пи и Ро. Произошла катастрофа. Погибло много людей. Еще больше потом мучилось от ожогов и страшной болезни, которая словно высушивала человека изнутри — выпадали волосы, тело быстро теряло влагу, больной превращался в ходячую мумию. Зона аварии стала считаться запретной. Кто-то бежал наверх, а кто-то вниз. Несколько раз братством предпринимались вылазки наверх, но все, кто возвращался, потом болели и умирали от той же болезни. Верхние уровни стали считаться проклятыми. Больше туда никто не ходил. Жизнь братства Сигма и Тау целиком зависела от машин и Реактора. Если Реактор сломается, всех людей ждет медленная агония и смерть.

— Теперь ты понимаешь нашу озабоченность?

— Вполне. Но моя Коммуна и Орден Каппа находятся в гораздо худшем положении. Люди у меня на родине уже погибают от холода и слепнут в сумраке.

Аркадий с озабоченным видом покивал и спросил:

— Так что же ты сделал с Реактором?

— Это не реактор, а ускоритель частиц.

— Что? — Судя по выражению лица, Аркадий не понял.

Рик терпеливо повторил.

— Настоящий источник энергии находится гораздо глубже, ниже по уровням. Как раз туда мы и направляемся, чтобы активировать его на полную мощность и оживить весь наш мир. И тогда можно будет позабыть о проблеме холода. Энергии хватит на всех, понимаете? Каждый получит тепло и свет сполна. Мы прошли джунгли, мы смогли это сделать, а значит, бояться больше нечего. Все люди мира должны объединиться ради одной цели.

Аркадий, явно повеселевший, слушал и оживленно кивал. Когда Рик закончил, он спросил:

— А как управлять Реактором? Научи меня это делать.

— У меня получилось случайно. Я не знаю, как это вышло.

— Может быть, спустимся и попробуем еще раз?

Рика насторожили настойчивые просьбы Аркадия, но он постарался не подать вида, повернулся к Майе, взглянул на охранника, снова на Аркадия.

— Думаете, у меня получится?

— Не сомневаюсь в этом! — сказал Аркадий.

— А как же Корнеллиус? Неужели он ничего не знает о Реакторе?

Аркадий отмахнулся:

— У него на уме только драки и веселье. Он довольно глуп. Итак, идем?

— Не сейчас.

— А я говорю, что сейчас.

Аркадий сделал знак охраннику, и тот отлип от стены, в комнату тут же вошли еще двое, ожидавшие в дверях.

Рик понял, что совершил ошибку, успокоив наставника братства, теперь Аркадий уверен, братству ничто не угрожает и пришельцы сверху ему не нужны. Рик кивнул Майе и сказал:

— Хорошо.

Одобрительно взмахнул руками и одновременно оценил обстановку в комнате.

Сейчас все решат секунды.

— Другое дело. — Аркадий поднялся из-за стола. — Не забывайте, что мы приглядываем за вашим третьим товарищем. Мы не хотим никому зла.

— Мы — тоже, — сказала Майя. — Поэтому вы сейчас же отпустите нас.

— С какой стати?

Майя вынула из-за пазухи подобранное внизу оружие и наставила его на Аркадия:

— А с такой. Одно движение — и ваши мозги разлетятся по стене.

Аркадий рассмеялся:

— Где вы подобрали эту игрушку? Внизу? Это бесполезный кусок металла.

— Я так не думаю. — Майя нажала на скобу на рукояти — комнату озарила вспышка, и в стену рядом с наставником с жужжанием вонзилась молния.

Аркадий мгновенно изменился в лице.

— А теперь все ушли в дальний угол, — приказала Майя. — Живо!

Рик проследил, чтобы им освободили проход к двери, шагнул к выходу, выглянул — в коридоре никого, кроме Фомы.

— Чего добьетесь? — вновь заговорил Аркадий. — Куда пойдете, наверх? Внизу нет ничего, кроме пустоты и чудовищ. Вам некуда бежать.

— Это не ваше дело, — бросила Майя. — Стойте на месте, считайте до ста. Медленно.

Рик дождался, пока она покинет комнату и запер дверь на засов с внешней стороны.

— Бежим, — шепнула Майя.

Фома сразу последовал за ними.

— Как тебе удалось воспользоваться оружием? — спросил Рик на ходу.

— Просто заранее набрала все коды, какие помнила. Нам повезло.

Они свернули на развилке, и Рик резко остановился, обратившись к Фоме:

— Я могу тебе доверять?

Замерший напротив прол коротко кивнул, но сказать Рик ему ничего не успел, в коридоре взревела сирена. Замигали красные аварийные лампы, и раздался неестественный металлический голос:

— Тревога! Нападение! Тревога! Нападение! Всем рабочим собраться в главных залах. Силам обороны подняться на верхний уровень!

По коридорам забегали растревоженные жители сектора. Рик приказал Фоме отвести их к Ахмеду, и они побежали за пролом. Сирена продолжала выть, пугая и давя на барабанные перепонки. Рик и Майя чуть не потеряли друг друга в суете и возникшей толкотне на очередном перекрестке. Один раз они спутали Фому с другим пролом, и пришлось возвращаться, но в итоге обошлось, и троица продолжила путь.

— Тревога! Нападение! — вновь раздался металлический голос под потолком. — В секторе лазутчики! Молодой мужчина в сопровождении рыжеволосой женщины! Поймайте их и убейте! Повторяю…

Фома свернул на развилке, уводя беглецов в пустующий коридор.

— Эй вы! А ну стойте! — прозвучало за спиной.

Рик оглянулся — за ними устремились двое мужчин.

— Они здесь! — крикнул первый. — Ловите их!

К ним бросилось двое мужчин. Рик встретил первого кулаком в челюсть, но второй оказался проворнее и повалил обоих. Возникла свалка. Майя кинулась на выручку, но к местным присоединились еще несколько мужчин. Фома пытался помочь, но его быстро оттеснили и принялись избивать беглецов.

Положение становилось отчаянным. Рик прикрылся руками, крикнув Майе, не сопротивляться — им просто не вырваться из узкого коридора, в котором набилось столько людей.

И вдруг удары стали реже, раздались взволнованные крики. Рик сумел встать — в давку врубились новые участники, несколько пролов, которые быстро и слаженно очистили пространство вокруг Рика, Майи и Фомы. За спинами пролов маячил Корнеллиус, размахивая кувалдой.

— Пошли вон! — орал он на рабочий. — Если жить охота, убирайтесь!

Подействовало, люди отхлынули за угол, освободив проход.

Корнеллиус глянул на Рика, сказал:

— Я тебе кое-что задолжал. Твою жизнь в обмен на мою. А я всегда отдаю долги.

— Спасибо. Как попасть вниз? — Рик сразу перешел к главному.

— Двигайте за мной.

Корнеллиус ощерился. Рик не понял, радуется бывший Оператор тому, что схватился в драке с рабочими или только потому, что насолил Аркадию.

Они бежали за Корнеллиусом, который повел их пустующими коридорами, постоянно сворачивая, уводя все дальше от людных мест.

Рик наконец сориентировался: бежали к периферии, где воздух становился холоднее и ощутимо тянуло сквозняком. Было слышно, как в вентиляции гудит ветер. В конце лучевого коридора, Корнеллиус остановился.

— Нам сюда, — сказал и надавил кнопку на щите с изображением знака сектора Тау. Створка на стене уехала в сторону, открывая грузовой лифт.

— Живее!

Вдали в коридоре показались люди, крича на ходу.

Беглецы забрались в лифт, кабина которого ухнула вниз, стоило закрыться створке. Рик едва успел ухватиться за поручень, Майю от падения спас прол. Промчавшись с десяток уровней, Корнеллиус резко дернул рычаг на щитке — плавно затормозило, и они выбежали наружу. Почти неотличимый от предыдущего коридор, только проход перегораживает двустворчатые ворота. Корнеллиус подошел к рычагам управления на щите. Рик, кажется, начинал понимать, где они.

— Эта дверь ведет к краю Пространства? — спросил он.

— Что? — не понял Корнеллиус. — Она выводит на парапет. Хлебнем свежего воздуха!

И не успел Рик ответить что-либо, как Корнеллиус рванул

рычаг. Створы разъехались, впуская в коридор порывы ветра и хлопья снежинок. В лицо Рику ударил морозный воздух, что не сразу удалось нормально выдохнуть. Глаза и нос мгновенно залепило снегом. Яркий белый свет ослепил. Рик зажмурился — сияние за воротами было ярче сотни самых мощных ламп и до боли жгло глаза даже сквозь плотно сомкнутые веки.

— Шевелите задницами! — проорал Корнеллиус и дернул Рика за рукав. — Держите и одевайтесь! Скорее!

Он бросил Рику толстый комбинезон и пару перчаток и полез в шкаф возле открытой створы за новым для Майи. Потом извлек оттуда же мотки тросов, карабины и фонари для всех, затем начал переодеваться сам.

— Подожди! — окликнул его Рик. — У них остался наш товарищ! Мы не можем его бросить!

— Тот черный? — Корнеллиус одним резким движением застегнул молнию на комбинезоне и снова взялся за тросы. — Мои пролы позаботятся о нем!

Корнеллиус вручил каждому по фонарю, объяснил как пользоваться и велел спрятать в карманы, затем пристегнул Рику и Майе на пояс по карабину, пропустил через них трос и молча скрылся в белой мгле. Следом отправился Фома.

— Рик, я боюсь! — крикнула Майя.

— Я тоже! Сделаем это вместе.

Они взялись за руки и шагнули в неизвестность.

12

Рик думал, что сейчас они сорвутся и будут падать в бесконечность. Но под ногами оставалась твердь, и Майя с Фомой тоже оказались рядом. В отдалении, сквозь снежную пургу виднелись силуэты Корнеллиуса и других пролов. Рик перевел дыхание и огляделся.

Глаза уже не так сильно болели — с пространством вокруг было что-то не так. Три привычные взгляду вертикальным плоскости по бокам и спереди, то есть стены, отсутствовали. Потолка тоже не видать. Это напоминало незавершенный набросок мира, словно неведомый создатель не закончил начатое, сотворив только пол и стену за спиной. При мысли о том, что их просто не существует, у Рика закружилась голова. Он прижался к стене и замер, не смея двинуться дальше. Ветер яростно швырял в лицо горсти колючего снега, но не это останавливало: площадка впереди обрывалась через двадцать шагов — дальше разверзлась пропасть. Рик смотрел в неизвестность за краем, и белое Пространство словно смеялось ему в глаза. А может снега так много, и потому не видно потолка и стен? Хотелось так думать. Наверное, это просто очень большое помещение, больше всех когда-либо виденных им вместе взятых, но определенно имеющее и нормальный пол, и потолок, и стены. Да, точно, вне сомнений.

Створы за спиной с мерным гудением закрылись.

Все, пути назад больше нет.

— Ты как? — Он повернулся к Майе.

Ее лицо облепил снег, глаза — две щелочки.

— Нормально. — Она еле пошевелила губами.

Вернулся Корнеллиус и с тревогой осмотрел их.

— Вы что, никогда не были снаружи? — прокричал он, перекрывая ветер.

Рик помотал головой.

— Вставайте друг за другом!

Он потащил за собой Рика, а Фома помог Майе отлипнуть от стены и последовать за ними. Они пересекли площадку и спрыгнули на пандус, шли по нему некоторое время, пока не встретили двух пролов Корнеллиуса. Пролы стояли под массивным вертикальным скосом, отходящим от стены и сбегающим вниз под крутым углом. Скос отдаленно напоминал гигантский вертикальный плавник. К хребту этого плавника вела хлипкая лесенка. Один прол уже висел на ней, цепляя карабинами к перекладинам трос. Другой раскладывал на полу широкие железные пластины.

— Сюда! — указал Корнеллиус на смычку стены и плавника. — Отдохнем.

Вся компания привалилась к стене, пережидая порывы ветра.

— Ну что? — снова заговорил Корнеллиус. — Будете спускаться? Это — самый быстрый способ. Пролы однажды опробовали его, а вслед за ними — и мы. Механизм простой: берете пластину, становитесь на нее, пристегиваете ремнями ноги и скользите вниз. А дальше все зависит от ловкости и реакции. Главное вовремя затормозить.

— Как это сделать? — уточнил Рик.

Корнеллиус показал им большой крюк, прицепленный карабином к мотку за спиной.

— В стене через равные промежутки есть большие петли. Надо на ходу зацепить крюком петлю и поворачивать вбок. Трос натянется, дернет вверх, и ты повиснешь на нем. Сразу цепляй вторым крюком ближайшую петлю, а то сорвешься и улетишь вниз. Все понятно?

— А ты сам спускался туда, до самого низа?

Корнеллиус расхохотался:

— Я похож на самоубийцу? Внизу — смерть. Об этом знает любой дурак.

— А что там? — допытывался Рик.

— Ничего! Пустыня! — смеялся Корнеллиус. — В том-то и дело!

Рик разочарованно смотрел в белую мглу.

— Последний рубеж находится на двести пятидесятом уровне. За ним — гладкая поверхность, ни окна, ни двери, ни лестниц, ничего. Дальше этот вертикальный скос, — он мотнул головой в сторону пролов на лесенке, — изгибается и далеко отходит от стены. Только на последнем рубеже скос соединен со стеной узким переходом. Тормозить надо, когда увидишь переход. Как увидел — сразу тормози, иначе улетишь в бездну, а оттуда уже не выбраться. Возле перехода есть пандус, и мой прол будет ждать вас внизу. Смотрите и учитесь! Эй, Томас, ты готов?

Прол, забравшийся на хребет плавника, уже вскочил на пластину. Он повернулся и жестом подтвердил, что готов.

— Вперед!

Прол пружинисто присел и заскользил на пластине вниз. Поначалу медленно, а затем все больше ускоряясь. Все напряженно следили, как он уменьшается в размерах и летит по хребту оранжевым пятном, пока не исчез во мгле.

— Видали? Сейчас пурга, а так было бы видно, как он заякорится.

— У нас ни за что не получится… — простонал Рик.

— Дело ваше. Но я бы советовал поторопиться.

Майя взяла Рика за руку.

— Послушай. Не было времени сказать об этом раньше…

— О чем ты? Бери пластину.

— Нет, Рик, подожди.

— Что?

— Там, внизу, когда ты активировал внешний контур и ускоритель частиц, а потом тебя схватили, я успела прочесть на дисплее следующее сообщение.

Рик замер:

— Какое?

— Там был вопрос: «Активизировать генераторы на полную мощность? „Да“ — „нет“».

— Так…

— Но это не все. Дальше была приписка: «Активизация синхронно с центром управления». «Синхронно», значит, одновременно.

— Центр управления?

— Да. Я сверилась с картами. — Майя вынула из-за пазухи сложенную схему и показала ему фрагмент. — Центр управления находится наверху. Понимаешь? На самом верху!

— Ты уверена?

— Да!

— О чем вы говорите? — спросил Корнеллиус. — Зачем вам вообще понадобилось спускаться?

Рик коротко поведал ему о цели их путешествия.

— Ну и оставайтесь здесь. Я сверну этому выскочке Аркадию шею, и все будет нормально, как и прежде!

— А как же мой народ? А сородичи Майи?

— Придумаем что-нибудь! — уверенно заявил Корнеллиус. — Пусть переселяются к нам. Вместе мы победим мутантов и уничтожим тварей из джунглей.

На какое-то мгновение это решение показалось Рику правильным. Ни к чему столько проблем, испытаний и опасностей. Они объединятся с людьми Сигма и Тау. А какова будет реакция Креза? А что скажут советники сектора Каппа? И захотят ли народы этих секторов отправляться в путешествие, если даже выход за барьер на своем уровне вселяет в них ужас. И если допустить, что все обойдется без жертв, и энергии хватит на их век, какая участь ждет потомков? Что произойдет, когда все генераторы мира угаснут, погрузив пространство во мрак и холод?

— На словах у тебя все так просто, — проговорил он, — но мой ответ «нет». Если надо подниматься, значит, так тому и быть.

— Странные вы, ребята, — пожал плечами Корнеллиус. — Хотя, так даже забавнее! Вы мне нравитесь. Утром я хотел разорвать тебя на куски, но ты полон сюрпризов, Рик из Омикрона.

— Прекрасно, я очень рад. А теперь покажи нам, как забраться наверх.

— Погоди. Вы хотите забраться на самый верх? Я правильно вас понял?

— Да! — выпалил Рик.

— Вы точно сумасшедшие! — завопил Корнеллиус. — Потрясающе!

Он призвал в свидетели снежную пургу, но та лишь ответила ему тоскливым воем и новыми порывами ветра.

— Эй, Брэм! — крикнул он второму пролу, стоявшему у лесенки на хребет. — Доведи их по лестнице до конца сектора Пи и покажи вход внутрь. Вернешься сюда, я буду ждать за шлюзом. Не вздумайте ползти всю дорогу по поверхности — превратитесь в сосульки. Удачи вам! А мне еще предстоит разобраться кое с кем. Я умою лик Красного короля его кровью. Клянусь Реактором!

Молодые люди сразу поняли, что речь об Аркадии.

— Спасибо тебе, Корнеллиус! — Рик протянул ему ладонь.

Корнеллиус сплюнул в сторону и ответил крепким рукопожатием.

— Мы в расчете, — улыбнулся Рик. — Если в следующий раз перейдешь мне дорогу, пощады не жди.

— Договорились.

Они отцепили свои карабины от троса. Прол Брэм провел их вдоль плавника к краю пропасти и откинул неприметный щиток на стене, покопался в нише, и на стене открылась потайная створка. Прол призывно махнул рукой и скрылся в проеме, все последовали за ним. Они оказались в узком сквозном коридоре пронизывающим плавник под хребтом. Прол уже открыл идентичную створку с противоположной стороны и спокойно зашагал по пандусу, словно не чувствовал мороза, снег и пронизывающий ветер ему были не помеха. Рик заметил, что пандус едва заметно изгибается вдалеке, и это еще раз подтвердило гипотезу об округлости мира. Он немного привык к неправильности внешнего пространства и благодарил метель за то, что она скрывает от глаз правду.

Вскоре они прошли мимо выпуклых, высотой в пять уровней значков «IV». Рик внимательно разглядывал стену, примечая все швы, углубления и другие подробности, которые могли оказаться полезны. Наконец прол остановился и указал вверх и на скобы, вмурованные в стену, после чего начал взбираться по ним. Рик

полез следом, за ним Майя, Фома — последний.

Поначалу подъем казался Рику легким. Но через двадцать уровней он почувствовал усталость. Одного взгляда вниз хватило, чтобы с силой прижаться к скобам — стена сбегала в далекую бесконечность. На Рика накатил приступ страха высоты, совсем как во время Весеннего Бега, когда он очутился с соперниками на открытой балке между сегментами сектора.

Мать-тьма, это было так давно!..

Он снова глянул вниз. На него тревожно смотрела Майя, у которой за спиной маячил Фома.

— Что случилось?

— Мне нужно немного отдохнуть! Вот и все.

— Хорошо.

Он продолжил подъем, но с каждым уровнем пальцы все больше немели от холода. Холод проникал сквозь перчатки и превращал руки в лед. Вскоре он почти перестал чувствовать пальцы, ноги в ботинках задубели, страх сорваться усилился, но Рик сжал зубы и поднимался, глядя на прола впереди.

Вдруг Майя вскрикнула. Рик обернулся, прижавшись телом к скобам. Фома держал девушку за пояс. Если бы не прол, Майя сорвалась бы в пропасть. Фома помог ей вновь ухватиться за скобы, продвинуться вперед, и компания продолжила восхождение.

Холод неумолимо делал свою работу. Сознание Рика поплыло, он уже не чувствовал мороза, хотелось лишь остановиться и уснуть. Движения замедлились, Рик сладко зевнул, хотел улыбнуться, но вдруг оскользнулся. Понимание ситуации пришло, когда он ухнул вниз, но сильные руки схватили за шиворот и рывком подтянули вверх.

Прол Брэм вытащил его на ровную площадку и стал помогать выбраться на площадку Майе. Затем пролы перетащили их к стене и принялись растирать, и вот тогда, спустя пару минут Рик почувствовал ужасную боль. Он громко застонал и продолжал стонать, пока не ощутил прилив сил. Пролы продолжали растирать им задубевшие руки и ноги. Рик повернул голову к Майе и спросил:

— Как ты?

— Лучше. Намного.

— Думаешь, мы дошли?

— Не знаю…

Спустя несколько минут пролы помогли им встать и указали на пандус, припорошенный снегом. Надо было идти. Начало почему-то темнеть и воздух явно становиться холоднее.

Снова шествие по пандусу. В одном месте им пришлось

перебираться через снежный занос высотой в два человеческих роста. Снег там слежался плотной коркой, отчего взобраться на гребень толком не получалось, ноги и руки постоянно соскальзывали. Тогда их вновь выручили пролы, обвязали тросами для страховки и втащили наверх. Рик и Майя вооружились крюками, в случае чего можно вонзить в снег или лед и не сорваться.

Вскоре пандус серьезно расширился и идти стало легче, снежные наносы получалось обходить, а не перебираться, как через стену, но снег в некоторых местах был такой глубокий, что ноги вязли в нем, как в грязи, и усталость в итоге снова взяла свое.

— Подождите! — крикнула Майя.

И эхо от ее крика зазвучало с разных сторон.

Брэм остановился, Рик обернулся. Девушка по пояс увязла в сугробе, Фома пытался ее вытащить, но и сам конкретно увяз.

— Сейчас! — крикнул Рик, но замер, прислушиваясь.

Его насторожил далекий нарастающий гул сверху. Рик поднял голову — облако белой пыли стремительно приближалось к ним. Испугаться Рик не успел — подскочивший к нему Брэм рванул за рукав, увлекая в сторону, ближе к стене. Фома сумел в последний момент выбраться из сугроба и заслонить собой Майю, а потом пандус с грохотом накрыло снежной лавиной.

Рик осознал случившееся, когда Брэм продавил спиной тяжелую толщу снега над ними, помог выбраться на поверхность и сразу принялся разгребать снег поблизости.

— Майя! — позвал Рик. — Ты где? Майя!

Брэм продолжал раскапывать снег, и Рик начал ему помогать. Они зарывались все глубже, расходясь в стороны, но ни Фомы, ни Майи обнаружить пока не получалось.

Вдруг до слуха донесся пронзительный свист — так сигналил Брэм, нашедший ботинок. Рик переместился к нему и, спустя минуту, из сугроба показался Фома, который бережно вытащил на поверхность Майю. Девушка была без сознания. Они перенесли ее ближе к стене, где слабее ветер, и Брэм принялся массировать Майе грудь.

Рик молился богу Машины, сжимая висящий на шее талисман. Он согласился бы пойти в рабство, шагнуть в пропасть, дать себя убить или растерзать любому чудовищу, лишь бы Майя выжила. И случилось чудо, Майя кашлянула, потом еще, и еще. Брэм быстро перевернул ее на живот, и девушку вырвало, но потом она задышала часто и с хрипом.

Снежная пурга продолжалась, но сила ветра пошла на убыль, снег перестало швырять горстями в лицо, теперь снежинки мягко

падали и кружились большими пушистыми хлопьями.

Компании пришлось сделать долгий привал. Майя смогла подняться лишь через полчаса, когда свет вокруг почти угас, они продолжили путь. Теперь Рик находился всегда рядом, поддерживал ее за руку. Они осторожно шли по балкону, и Рик боялся заговорить о том, что будет, если окончательно наступит тьма.

Вскоре пролы замерли возле снежной кучи под стеной, чуть выше над кучей едва угадывался контур двери. Пролы принялись разгребать снег, Майя и Рик тут же присоединились к ним. Рику очень хотелось скорее убраться за стену, подальше от морозного воздуха. Вместе они быстро справились, пролы вскрыли панель в стене и вдвоем навалились на массивный рычаг, пытаясь перевести его из верхнего положения в нижнее. Наконец им удалось, примерзший металл жалобно скрипнул, с хрустом провернулся — створка на стене с громким шипением ушла вглубь, затем сдвинулась в сторону.

Майя и Фома шагнули в темный проем. Рик задержался.

— Спасибо тебе, — сказал он замершему на площадке Брэму.

Прол стоял молча, не реагируя.

— Я кое-что забыл сказать Корнеллиусу, — продолжил Рик. — Пожалуйста, передай ему мои слова, это очень важно. Скажи ему, что мы обязательно вернемся, и пусть он будет готов встретить нас. — Он спохватился, что пролы не умеют разговаривать и добавил: — Постарайся ему объяснить мои слова.

Рядом раздался щелчок — это Фома повернул выключатель на стене, и створка вернулась на место, отрезав Рика от Брэма и внешнего Пространства. Их окутала тьма, но спустя пару мгновений Майя зажгла фонарь. Рик вспомнил, что Корнеллиус ему тоже дал такой же, полез в карман, но Майя предложила поберечь свет, и он согласился. Устало опустился под стеной, привыкая к обстановке.

Глаза болели — это все неожиданно яркий свет снаружи, который с непривычки поначалу даже ослепил. Но после, с наступлением сумрака, ощущения стали прежними. Он согнул ноги, обхватил их руками и уперся в колени подбородком. Закрыл глаза. Рядом возилась, устраиваясь под стеной Майя. Рик хорошо слышал, как удаляется по коридору Фома — наверное, пошел разведать, что и как впереди.

Рик не заметил, как заснул, а когда очнулся долго молчал и хлопал глазами, уставившись на Майю. Она сидела рядом и изучала бумаги, подсвечивая их фонарем.

Рик кашлянул и услышал:

— Доброе утро.

Майя подарила ему грустную улыбку. В свете фонаря ее черты лица стали более резкими. Глаза блестели.

— Можно мне тоже взглянуть? — поинтересовался Рик, придвигаясь ближе.

— Да.

Майя повернула к нему почерневшие в местах сгибов листы. Некоторые были крепкими на вид, гладкими, но время стерло с них почти все письмена, превратив в расплывшиеся кляксы. Зато бумага хорошо сохранила буквы и рисунки, но была очень хрупка, поэтому с ней обращались очень осторожно, чтобы не порвать. Майя бережно перекладывала листы, придерживая за край, подносила к свету и тихо произносила древние слова:

— Генерирует любой элемент периодической таблицы… Работает по принципу трехмерного принтера…. Компьютер просчитывает нужные пропорции вещества, исходя из спецификации…. Вводятся контрольные данные. Так. Ускоритель частиц. Распределяет энергию по всему внешнему и внутреннему контуру…. Предназначен для выполнения программы «Уран». Технические данные… Мощность, скорость разгона, ядро… Дальше.

— Есть что-нибудь интересное?

— Подожди. Нужно разобраться.

Она продолжала читать, тихо бормоча себе под нос. Рик посидел немного подле нее, но скоро ему это наскучило, и он принялся исследовать коридор, который на поверку оказалась не таким длинным.

— Фома давно не приходил? — уточнил Рик.

— Не видела с момента, как уснула. — Майя продолжала заниматься бумагой и даже не подняла головы.

Рик слегка забеспокоился.

— Долго мы спали?

Майя лишь пожала плечами.

Понятно. Он отвернулся и достал фонарь.

Комната, где они находились, оказалась просторной шлюзовой камерой, причем явно для технических целей — стены были увиты проводами и коммуникациями. Рик откинул уже знакомый щиток на стене и сумел понять назначение символа над одним из выключателей, после чего легко открыл внутреннюю дверь и шагнул в проем, очутившись в длиннющем тоннеле, стены, пол и потолок которого убегали в перспективу, где вдали маячил фрагментом стержень Хорды. Это было пространство между эонами, место обитания мутантов. Тот же иней, то же знакомое синее свечение. Впереди внезапно показался человеческий силуэт и донесся шорох шагов.

Рик едва не вскрикнул, но посветив, узнал Фому и облегченно выдохнул.

— Как дела?

Фома встал рядом и глянул обратно в тоннель. Его окуляры мерцали двумя красными точками.

— Будем считать, что нормально, — решил Рик.

Он напряженно вслушивался в сияющий холодный сумрак, но гулкую тишину не нарушало ничего, кроме унылого сквозняка. Голосов мутантов вроде не слышно, не трещат костры, нет отзвуков шагов. Похоже, мутанты бросили это место. Возможно, ушли вниз на войну. Интересно, последовал ли за ними тот карлик, или слабых и старых Ярг бросил на произвол судьбы? Рику вспомнились слова карлика: «Омега — это не конец, а начало!».

От рассуждений его отвлек звук закрывающейся двери. Фома по-прежнему стоял у щитка и щелкал переключателями, и спустя миг комнату залило светом ламп.

Майя подняла к потолку удивленное лицо и выключила фонарь. Рик только пожал плечами на это.

— Я изучила бумаги, — сказала она. — И кое-что прояснилось.

— Рассказывай, — оживился он и присел рядом.

Майя указала на большую, бережно расстеленную и расправленную схему.

— Нам здорово повезло, что попалась схема всего мира. — Она ткнула пальцем между третьим и четвертым сегментами. — Мы находимся здесь. Вот здесь, где основание широкое, находится земля. То есть самый первый уровень.

— Все-таки пропасть имеет дно.

— Не перебивай. Теперь смотри сюда, в противоположный узкий конец — это верхушка. Вершина мира. Все это и есть Термополис. И он просто огромен. Здесь сбоку указаны этажи или уровни. Всего в нашем мире одна тысяча двести пятьдесят этажей! Только представь себе эту цифру. Термополис поделен на пять больших частей — эонов — в каждом заключено двести пятьдесят этажей. Каждый эон содержит в себе пять секторов, по пятьдесят этажей на сектор. И все эти этажи снизу доверху пронизывает Ось. Мы и раньше подозревали, что каждый сектор имеет название по букве какого-то древнего алфавита, но теперь этому есть документальное подтверждение. И самое главное — мы знаем, где и что находится. Понимаешь?

Рик внимательно разглядывал схему.

— Вот, например, твой сектор Омикрон. Читаем: «Жилой сектор. Аллеи и парковая зона».

— Похоже, речь о нашей ферме.

— Конечно! Чтобы выжить, ваши предки разбили грядки в парках по всему сектору. Это спасло вам жизнь. Теперь мой сектор, Каппа. «Жилой сектор», и больше ничего. Но у нас имеются склады древних запасов, о них я как-нибудь расскажу.

— Понятно. А где тот центр управления, о котором ты говорила?

— Здесь! — Она указала на верхнюю точку схемы. — Сектор Гамма. «Центр управления».

— И все?

— А что тебе еще нужно? Подробных описаний мне найти не удалось. Остальные бумаги рассказывают о строении ускорителя частиц и синтезатора материи. Сплошные формулы и нагромождения цифр, в которых даже мне сложно разобраться. Я уверена, что на месте нам удастся узнать гораздо больше.

— Ну хорошо. Допустим, мы знаем, куда идти. Но прежде чем отправимся в путь, ты должна меня научить двум вещам. Во-первых, читать, а во-вторых, пользоваться этим древним оружием, которое носишь в кармане. Ведь мое незнание может стоить жизни нам обоим.

Майя кивнула. Сперва она объяснила Рику устройство и принцип действия оружия, стрелявшего сгустками энергии. Рик быстро ухватил суть и преодолел страх перед техникой. Рука легко ложилась в рукоять, а палец тянулся к спусковой скобе. Опять его охватило чувство чего-то знакомого, как было, когда он полез в кресло Оператора, о чем он поспешил поделиться с Майей.

— Это любопытно, — сказала она. — Не могу утверждать точно, что у меня бывает такое, но, изучая древние артефакты, я как-то ухитрялась понимать их назначение и механику без чужих пояснений. Это всегда удивляло Райнера, потому что порой я описывала устройства схожими словами, прямо как в древних источниках. Возможно, поэтому он взял меня в отряд. Иногда он говорил о какой-то миссии человечества, о предназначении, но такими неопределенными формулировками, что трудно было понять. Я только поняла, что такие, как ты и я, для чего-то избраны. Он так и говорил: будущее человечества в руках нового поколения. Он говорил, что мы гораздо умнее и способнее старших.

Потом Майя стала учить Рика основам алфавита. Она твердила буквы, Рик усердно повторял. Половину дня они провели в занятиях, а Фома просто молча стоял все это время возле приборного щитка у двери.

— Ну что ж, — наконец сказала Майя. — На сегодня

достаточно. Пора отправляться.

И посмотрела на прола. Тот будто ждал команды, погасил свет и открыл дверь.

Они вышли из шлюзового отсека и ступили в пространство между эонами. Они шли, и иней хрустел под ботинками, а стены лениво перемигивались синими отсветами.

— Это поразительно, — говорила Майя. — Только представь, сколько сил ушло, чтобы создать все это.

— Мне трудно представить, что когда-то нашего мира не существовало, — признался Рик.

— Но это правда.

И они двигались дальше и тихо размышляли над всем, что удалось узнать за последние дни. Рик поведал Майе о последних словах карлика насчет Омеги.

— Не конец, а начало, — раздумчиво повторила Майя. — Конец, потому что последняя буква алфавита. Дальше идет сектор с названием «Аква». Там находятся резервуары с водой. Почему же начало, если отсчет букв начинается сверху? Хм…

— Может быть, он посмеялся надо мной или решил запутать.

— Мы должны учесть все варианты. Нельзя отбрасывать ни одну версию, пока мы ее не опровергнем…

Внезапно Рик застыл на месте. Перед тем он мельком глянул вбок и заметил в сумраке, заполнявшем большую нишу огромную сидящую человеческую фигуру с опущенной головой. Фигура была ростом в пять уровней, и Рик едва ли достиг бы ей до щиколоток. Майя тоже заметила фигуру и резко замолчала. Они с минуту стояли так, пытаясь понять, что собой представляет этот великан. Фигура оставалась неподвижной.

Рику почему-то вспомнился бюст Красного короля на вершине колонны. Тут, конечно все иначе, но… Страх прошел, и Рик уже с любопытством разглядывал гиганта, закованного в доспехи. На голове гиганта был шлем. Металл отсвечивал чернильно-синим. Проходило время, великан не шевелился, Фома спокойно подошел к нему, остановился у ног и помахал спутникам.

Тогда Рик увлек Майю за руку, прошептав:

— Это всего лишь железный истукан. Не бойся.

Они встали перед изваянием, глядя снизу вверх. Лицо великана скрывало забрало, на месте глаз зияла продолговатая щель. На руках были перчатки без пальцев, делавшие ладони клешнями.

— Знаю! — сказала Майя и улыбнулась. — Я знаю, что это.

Она бесстрашно залезла по ноге на колени гиганту и стала читать надпись, выгравированную у него на груди:

— ЭКЗОМЕХ С30010Z. Это древняя машина. Человек залезал внутрь и управлял ей, чтобы поднимать тяжести.

Рик представил себе такого ожившего монстра и содрогнулся. С другой стороны, это было логично — только с помощью таких машин можно было построить окружающие их стены. Он помог девушке слезть на пол. Они постояли еще немного и отправились дальше.

— Древние были могущественны как боги, — говорила Майя. — Вот тебе еще одно подтверждение.

— Может, они и были богами, — усмехнулся Рик.

Они заметили впереди кучи мусора и притихли. Место, куда они вышли, напоминало брошенную стоянку или лагерь мутантов. Кострище давно потухло. Повсюду валялись кости, обрывки тканей, шкуры и прочий мусор. Рик расковыривал одну из куч носком ботинка и наткнулся на бледную руку, торчавшую из-под мешковины. Его едва не вывернуло…

Они искали хоть что-то похожее на еду или оружие. Тщетно. Рику удалось лишь найти погнутый металлический прут, заточенный с одного конца — какое-никакое, но оружие.

Вскоре они осмотрели все вокруг и продолжили путь. Хорда приближалась. Ее фрагмент впереди рос в размерах, пронзая пространство.

Путники наконец достигли конца тоннеля и остановились. Далеко внизу мерцали отсветы огней, оттуда донесся хлопок, потом ритмичный перестук, и снова установилась тишина. Рик достал тросы с крюками, которые дал Корнеллиус, и глянул вверх. Майя выжидающе смотрела на него.

— Есть два варианта, — сказал Рик. — Первый: мы лезем по мосткам вдоль стен и ползаем под потолком в поисках выхода. Вряд ли что получится, иначе Омикрон давно бы захватили ребята вроде Ярга. Второй вариант — ищем путь через колодец Хорды, то есть каким-то образом поднимаемся вдоль Оси.

Майя озадаченно рассматривала колодец. От сегментов к оси мира тянулись мощные лучевые балки приличной ширины, но сама ось выглядела гладкой и неприступной для подъема.

— Может, зря мы пришли к центру. Поискали бы лазейку на периферии…

— Наружу я не полезу, — отрезал Рик.

Они уселись на краю и стали думать. Рик перебирал в руках трос.

— А что было написано на табличке под Красным королем у нижних?

Девушка нахмурилась, напрягая память.

— «Архимед» и что-то дальше. Не помню.

— Для чего это?

— Красный король или табличка?

— И то и другое. Зачем делать голову истукана?

— Это в знак памяти, что был такой человек. Истуканов, как ты выразился, создают в честь известных, выдающихся людей. Этот Архимед сделал что-то важное.

Рик задумчиво смотрел в пропасть.

— Расскажи что-нибудь о своем мире, — попросила Майя.

— Что?

— Не знаю. Что-нибудь. Как ты стал солдатом?

— Я не солдат. У нас нет армии, — пояснил Рик. — Есть Патруль, внутренний и внешний. В него попадают только самые сильные, ловкие и смелые — те, кто совершит Весенний Бег по Кругу Жизни.

— Как интересно. А что это значит?

И Рик стал терпеливо объяснять суть испытания при переходе на новый уровень жизни.

— Уровни жизни. Как замысловато устроено ваше общество. Не жизнь, а сплошные испытания.

— Всего-то пять, подумаешь, — фыркнул он. — Раз в десять лет.

— А каковы следующие испытания?

— Ну, на третьем круге человек проходит Летние Иды, — сказал Рик. — Для мужчин это бой. Чем-то похоже на тот спор за право быть человеком, в котором мне удалось одолеть Корнеллиуса. Двое выходят на поединок. Оружие запрещено. Исход может быть разным, не обязательно смертельным, это зависит от выбора участников. Сдаться можно в любой момент, но проигравший всегда отправляется на худшие уровни сектора, где плохое отопление, еда и свет. Поэтому все дерутся до конца. И неважно, какое место ты занимал на предыдущем круге.

— А женщины? Как они проходят это испытание?

— По-разному. Это может быть испытание холодом, или голодом, или тьмой.

— Продолжай.

— Что, хочешь услышать про четвертое и пятое испытание? Для тебя рассказ звучит не слишком дико? — он взглянул на Майю. — Ну, ладно-ладно. Четвертое испытание — Осенняя Жатва. Это когда человек переходит с четвертого круга жизни на пятый. Его суть в том, чтобы добыть для Коммуны во внешнем пространстве что-нибудь ценное. Охотники выходят за барьер и ищут. Последнее испытание называется Зимняя ночь. Это коллективное состязание. Люди разделяются на несколько команд и играют между собой в загадки, ребусы, шарады и

прочие штуки на сообразительность.

— Подожди-ка, а в чем же заключается самое первое испытание?

— Это переход из детства в юность на второй круг. Ничего особенного там не происходит.

— И все же?

— Смотри-ка! — отвлекся Рик, указывая на Хорду.

Они пригляделись. Поначалу казалось, что ничего особенного не происходит, но вскоре Ось начала наполняться мягким, более ярким свечением. Поначалу синие отсветы, падавшие на нее, сменились пурпурным, который стал сменяться оттенками красного. Синева окончательно исчезла; ее место заняло бледно-малиновое свечение. А потом до них донесся глубинный звук — гул, раздающийся из недр мира. Этот гул звучал и звучал, на одной ноте, затем Майя указала Рику на Хорду, там, ближе к правому краю стремительно пробегали вертикальные белые полосы — тонкие и так быстро, что казалось, полосы искривляют в тех местах световой столб. Но вот такая же полоса промелькнула по левому краю. И чуть погодя — в центре.

— Что это?

Вопрос повис в воздухе. Оба не знали ответа. Они еще немного посидели так, разглядывая Хорду, пока Рик не почувствовал, что ему жарко. Он скинул верхнюю часть комбинезона, завязав рукава узлом на поясе. Майя последовала его примеру. Рядом молча стоял Фома и просто смотрел вперед. Рик удивился, как прол тихо и смиренно себя ведет, что они на время забыли о его существовании. Он перевел взгляд с Фомы на поперечную балку, ведущую к оси. Фома проследил его взгляд и вдруг направился к балке, спокойно ступил на нее и пошел к Хорде.

Спустя минуту, прол спокойно приблизился к Хорде, казалось, еще шаг — и он вспыхнет, не оставив после себя и горстки пепла. Но прол продолжал идти, и когда дошел до конца балки, на мгновение замер, протянул руку и дотронулся до Хорды. И он не сгорел, вообще ничего не случилось. А потом Фома поставил на Хорду ногу, приподнялся, поставил вторую, зацепился рукой, слегка распрямился — и начал взбираться вверх.

— Бог Машины, великое Пространство! — вскричал Рик, чуть не сорвавшись вниз. — Как я забыл про его способности! Фома!

Прол оглянулся и сделал знак, что все в порядке.

— Как у тебя выходит?

Глупый вопрос — Рик видел, как пролы перемещаются по стенам и потолку, словно пауки.

Прол указал вверх.

— Ты вернешься?

Утвердительный кивок. Фома продолжил восхождение, а Майя с Риком, затаив дыхание, следили за ним до тех пор, пока фигура в оранжевом комбинезоне не скрылась за нижним краем третьего эона. Потом они еще долго смотрели вверх, сами не зная, что ожидают там увидеть.

— А ведь он может не вернуться, — заметила Майя.

— Не будем думать об этом. Предлагаю немного поспать. Станем дежурить по очереди. Ты ложись первой, а я посижу рядом.

Майя кивнула, и они перебрались под стену, подальше от края площадки. Майя положила ему голову на колени и быстро уснула. Рик смотрел на Хорду и то, как свет от нее меняет все вокруг.

Иней и снег быстро таяли на глазах. С потолка капало… В мир пришла весна.

13

Рик проснулся с криком. Кошмар во сне был настолько явным, что ему некоторое время казалось: пространство вокруг заполнено водой, люди-полурыбы с глазами навыкате расплываются в страхе, Крез — чудовище с пупырчато-фиолетовой кожей и щупальцами вместо рук. Причем тело Креза раздулось до размеров сектора, его отвратительное брюхо заполнило главный зал собраний, а щупальца протянулись по всем коридорам, хватают и тащат людей в утробу чудовища. При этом Рик с Авророй под мышкой каким-то образом выбрался из сектора и поплыл вверх, все выше и выше, минуя другие секторы, пока не достиг поверхности. На самой верхушке еще оставался воздух, и Рик устремился туда, сам не зная почему — как мотылек, летящий на свет лампы. Увидел крючок и уцепился за него, слишком поздно поняв, что это ловушка. Теперь с крючка было не сорваться, он дергался в стороны, но от этого еще сильнее насаживался на холодную сталь. И когда его вынули на поверхность, он увидел рыбака — карлика-мутанта, умевшего копаться в чужих мыслях. Карлик улыбался, и именно эта улыбка заставила Рика проснуться от чувства чужого присутствия.

Он вскочил, сразу не разобрал, где находится, едва не сорвался с площадки в пропасть и только потом осмотрелся и оценил обстановку. Все было спокойно, правда, Майя заснула на посту. Он не стал будить ее, решил пока подежурить — все равно вряд ли удастся заснуть.

В животе как назло заурчало. Ну вот, неизвестно, что лучше, спать и смотреть кошмар или бороться с приступом голода? Рик прошелся вдоль стены, разглядывая стыки сегментов, где виднелась бахрома плесени. В конце концов нашел то, что искал; грибы, принес к месту, где спала Майя, и стал аккуратно разделывать кинжалом. Грибы он замечал практически везде, где побывал в Пространстве, главное — достаточное количество влажности и тепла. Не все, конечно, были съедобными, но некоторые, пусть водянистые и горьковатые на вкус, неплохо утоляли голод. Отправиться за дровами для костра, Рик не рискнул, не хотел оставлять Майю одну, в итоге, сжевал пару грибов сырыми, заранее зная, что будет болеть живот.

Прошло два или три часа. Майя зашевелилась, потягиваясь от удовольствия. Рик ждал. Цвет Хорды стал светло-малиновым с долей оранжевых вкраплений. Теперь яркие полосы разрядов проскакивали внутри Хорды постоянно. Она по-прежнему издавала низкий, но энергичный гул.

— Который час? — Майя резко села, осознав, что уснула на посту и все могло закончиться весьма плачевно для обоих.

— Думаю, что вечер. Не волнуйся, я не спал и подежурил за тебя. Вот. — Рик предложил ей грибов. — Я уже попробовал. Как видишь, еще живой.

Он слабо улыбнулся. Майя кивнула и принялась за еду.

— Мне приснился странный сон, — сказала она через минуту.

— Мне тоже. Но рассказывать о нем не хочется.

— Хм… — Она посмотрела на него. — Что-то и у меня такого желания нет.

Похоже, они думали об одинаковых вещах. Пространство как-то действовало на их разум и сознание. Рик не знал, хорошо это или плохо.

Они продолжали сидеть на краю пропасти, размышляя каждый о своем.

— Он не вернется, — вдруг сказала Майя.

— Почему так думаешь? — Рик прекрасно ее понял — речь шла о Фоме.

— Его либо убили, либо взяли в плен.

— Сомневаюсь. Эти ребята ловкие как не знаю кто. Я так до сих пор и не понял, что они собой представляют.

Майя немного подумала и предположила:

— Может, это искусственные люди, а не машины?

— Как это? — не понял Рик.

— Они не рождаются как мы. Их выращивают, словно цветы в горшке. Или собирают из разных частей. В общем, их делают. Поэтому они не совсем такие, как обычные люди. У них другие мысли, желания и потребности.

— Они умирают?

— Наверное, нет. Можно представить, что они ломаются, впадают в спячку, сходят с ума. Но умереть — значит перестать жить, а можно ли назвать жизнью их существование? Вот в чем вопрос.

Рик попросил Майю рассказать что-нибудь о себе так же, как это сделал он. Так он узнал о жизни в секторе Каппа, о традициях и обычаях еще одного маленького народа. Какие-то вещи его откровенно забавляли. Например, очень развеселил строгий запрет есть на виду у всех — люди сектора считали это кощунственным, аморальным поведением. Общество Каппа было разделено строго по гендерному признаку — мужчины и женщины проживали отдельно. В особые месяцы, обычно раз в год, проводилась Ассамблея — большой продолжительный праздник жизни, труда и любви, на котором объединялись представители всего сектора.

Семья, как ячейка общества, отсутствовала. Ее заменяли бригады, команды или отряды, которые формировались из лиц одного пола, но разных возрастов. Например, в отряде, если он формировался из мужской половины, обязательно должны были быть дети, юноши, взрослые мужчины и старик. Такие объединения создавались ровно на год, и все их участники несли коллективную ответственность за действия друг друга. Сама Майя сменила так множество отрядов. Принадлежность к отряду не означала строгий запрет на общение со сверстниками или другими людьми, но личная жизнь у людей Каппа отсутствовала. Более того, она регулировалась наставниками Ордена.

Работа распределялась по принципу жребия и тоже на один год. В конце ежегодного праздника Орден проводил лотерею, где все вытягивали свой жребий, и случай определял судьбу участника на следующий год.

— Мне досталась работа в оранжерее, — сказала Майя, — третий раз подряд. Наверное, поэтому я лучше всего разбираюсь в ботанике.

— А как же тяжелые работы, которые не под силу детям или старикам?

— Орден продумал это и устраивает отдельную лотерею для каждой возрастной категории. Этой традиции много сотен лет. Говорят, она пошла с самого начала, чтобы исключить узурпацию власти и застой в обществе. Большую помощь нам оказывают машины. — Майя немного помолчала и добавила: — А еще у нас есть важный обычай. Каждый человек сектора должен сочинить и спеть песню всей своей жизни. Считается, что в песне заключена его душа. В эту песню включается все, чем прожил свои годы человек: его работа, близкие, его победы и поражения, все его свершения, самые важные поступки. Человек может сочинять песню всю жизнь, но если не споет ее, то вычеркивается из всех хроник и забывается навечно. Поэтому наши старики каждый год поют Песню жизни, и мы вносим их в хронику сектора.

— Что, каждую песню?

— Да, — сказала Майя очень серьезно.

— Ты уже сочиняешь свою? — спросил Рик с улыбкой.

— Конечно! — Майя вспыхнула. — Но только первую строчку.

— Спой хотя бы ее.

— Нет. — Она категорично покачала головой. — Не могу. Может быть, потом.

Рик решил не настаивать. Майя продолжала рассказывать, а он лег на спину, заложил руки за голову и стал разглядывать потолок. Падавший от Хорды свет причудливо окрашивал неровности, выступы и впадины. Поначалу казалось, рельеф

потолка состоит из хаотичных комбинаций фигур, линий, загогулин и точек, но глаз невольно улавливал в общей массе какую-то закономерность, некое единство, гармонично, как в мозаике, сочетавшее в себе разные элементы.

Майя говорила, но Рик уже не так внимательно слушал, поглощенный исследованием открывшихся ему видов. Каждая фигура, каждая линия несла на себе больше, чем казалась. Например, окружности — их полукружия составляли часть более сложных форм. Их пересекали по диагонали линии, которые оказывались сторонами квадрата, замыкавшего в себе два других. От точек в некоторых местах отходили лучи, но они же являлись сторонами треугольников, которые выстраивали более сложную фигуру, и так до бесконечности. В какой-то момент Рик осознал, что узрел человеческий силуэт, но эта картинка быстро распалась на бесформенные части. Потом на потолке словно бы появилось лицо, с отчетливо проступившими линиями глаз, носа и рта.

Рику стало не по себе.

— Ты слушаешь меня? — Майя пихнула его в бок.

— Да-да, — опомнился он, с трудом оторвав взгляд от потолка.

— Что ты увидел?

— Я… — Рик снова посмотрел вверх.

И обомлел.

Одна из точек в центре круга раскрылась, словно бутон цветка, и в освещенный фонарем проем полетел трос. Потом в проеме возникла фигура в оранжевом комбинезоне.

Майя тоже заметила прола. Они вскочили, похватали вещи и поспешили к месту, где свисал трос.

Рик сообразил, что Фома не собирается спускаться, трос предназначен для подъема. Он подергал конец, проверяя на прочность, затем попросил Майю поднять руки и обвязал ее, ловко смастерив петлю, которую защелкнул карабином на груди.

— Поднимай! — Рик махнул Фоме.

И Майя плавно поехала вверх. Рик стоял, задрав голову, и удивлялся, размышляя над тем, как прол силен. Мыслимое дело: выбирать трос без остановки может только машина, например, лебедка, у которой есть бобина и мотор, но человеку, даже самому сильному понадобится отдых, человек станет подтягивать груз рывками…

Фома втянул Майю в проем и скинул обратно трос. Рик быстро обвязался, защелкнул карабин, крикнул пролу и отправился вверх.

Вскоре ему открылся вид на пространство четвертого эона. Он разглядывал сверху брошенные стоянки мутантов, пандусы и

лестницы, входы в коридоры — все выглядело не таким привычным, обычно он наблюдал мир сбоку или снизу, но тут оказался в центре и видит все с другого ракурса. Должно быть Создатель видел этот мир именно так.

Фома подхватил его под руки, и затащил в проем на дне колодца, ребристые стенки которого покрывала толстая бахрома колышущейся плесени и пыли. Воздух в колодце был сухой и теплый. Рик сообразил: они попали в вентиляционную магистраль. Фома смотрел на них, ожидая приказаний.

— Ты настоящий друг! — радостно воскликнула Майя и хотела обнять прола, но тот поспешно отстранился.

— Только немного дикий, — добавил Рик и улыбнулся Майе.

Потом сделал шаг вперед, посмотрел вверх.

— Нам предстоит новый подъем, — сказала Майя. — И что-то я не вижу там ничего, кроме темноты.

Фома вынул из раздобытого где-то рюкзака два отличных фонарика. Майя захлопала в ладоши.

— Что у тебя еще припасено?

Фома показал им свою добычу: пара необычных очков, которые имели компактную батарею, как у фонарей, но при включении не исторгали света, зато давали возможность отлично видеть в темноте. Прол подробно показал, как с ними обращаться и спрятал в футляр. Затем вынул фляги с водой, коробку инструментов и две дыхательные маски. Рик с Майей сказали, что знают назначение масок и как ими пользоваться. После чего Фома начал сматывать трос.

— Хотел бы я знать, где ты все это достал, — признался Рик, принимая у Майи флягу с водой. — Но ты же все равно не скажешь. Да?

Прол кивнул.

Рик отхлебнул немного из горлышка и закрепил флягу на поясе.

Спустя несколько минут они карабкались вверх. Через равные расстояния, примерно в два человеческих роста, на стенках колодца виднелась желтая полоса, слабо мерцавшая в темноте, над полосой всегда была выступающая по окружности кромка, над ней симметрично друг другу располагались убегавшие в стороны узкие трубы-ответвления.

Скорее всего, размышлял Рик, эти узкие трубы — вентиляция комнат сектора. Жаль, в них нельзя протиснуться и убедиться в предположениях, даже Майя не сможет, застрянет.

Они быстро наловчились управляться с тросом и страховкой, пристегиваясь карабинами к скобам на стенах, перемещали тело вверх, затем все повторялось. На всякий случай, Рик поднимался

первым, Фома — последним. У прола отличная реакция и много сил, если сорвутся, удержит обоих, Рик не сомневался.

Майя считала этажи. Через каждый десяток колодец соединялся с горизонтальными воздуховодами шириной до пояса. Там уже было легко пролезть, и они делали короткие привалы, пили воду и отдыхали несколько минут.

— Поднимаемся сквозь твой сектор, — вдруг сказала Майя. — Не хочешь никому передать привет?

Рик промолчал.

— Пятьсот двадцатый этаж, — сообщила Майя немного погодя. — Если я все верно подсчитала.

Они взмокли и пыхтели от усталости.

— Давай поднимемся до пятьсот тридцатого и долго отдохнем, — предложил Рик. — Есть охота.

Они продолжили подъем, стуча ногами по ребристым стенкам колодца. Рик глянул вниз — маленькая светлая точка входа виднелась где-то очень далеко. Вот это забрались! Казалось, что их разделяет гигантское расстояния, такое ощущение, что эта точка, это далекая… звезда?

— Майя, — позвал Рик, когда они уселись в нишах на перекрестке с горизонтальными воздуховодами. — Ты не знаешь, что такое звезда?

Майя долго смотрела на него с каким-то странным выражением на лице. Спросила:

— А откуда тебе известно это слово?

— Не знаю, — Рик поскреб кулаком висок. — Выскочило в голове, и все.

— Ты где-то слышал его раньше?

— Нет. Нигде.

Она пристально смотрела на него, словно пыталась прочесть мысли, как карлик-мутант.

— Точно? — по-прежнему сомневалась Майя.

— Нет же, говорю тебе. Так ты знаешь, что это?

— Я слышала или где-то читала, но не знаю. Это древнее слово, и оно обозначает предмет из внешних пределов.

Они добили одну флягу и сжевали пару кусочков гриба, припасенного Риком. Майя сплюнула:

— Какая гадость!

— А когда проснулась, не жаловалась, — заметил Рик и усмехнулся. — Есть захочешь — и не то слопаешь. Чем вы питаетесь в вашем Ордене?

— Пищевыми концентратами. Советники выдают их со склада, размороженными после холодильника. У нас есть огромный холодильник, заставленный до потолка коробками со

всякими припасами. Советники ничего не говорят о состоянии запасов, но кто-то подглядел, что их осталось меньше половины. Поэтому мы стараемся что-то выращивать сами. А еще разводим мальков в ваннах.

— Вам повезло, — Рик добродушно улыбнулся. — Когда возник Омикрон, запасов едва хватило на несколько лет. Первый Смотритель запустил генератор и поручил засаживать землю семенами. Именно он разработал план спасения сектора. Если бы не находчивость Смотрителя, наш народ давно бы погиб. С тех пор мы живем по заданному плану, который составляет Круг Жизни. Весна — период посевов. Лето — время накопления влаги. Осень — сбор урожая. Зима — самое суровое время. Зимой, главное, выжить. Эта зима кончилась позже других.

— Ой ли! Ты видел снег во внешних пределах?

— Да, — с неохотой признал Рик.

— Значит, сам все понимаешь, — Майя скорчила гримасу. — Пора двигаться дальше.

Они убрали вещи в рюкзак и отдали его Фоме. Рик полез вверх, Майя следом. Замыкал тройку, как обычно, прол. Вскоре они миновали четвертый десяток этажей сектора Омикрон. Рик с грустью размышлял над тем, чем заняты Аврора и Киото, о чем печется Крез и бывшие собратья по Патрулю. Забавно будет, потом рассказать им о своем подъеме через сектор, если вообще выдастся подобный момент…

Рика охватил внезапный порыв вернуться на пару этажей вниз и забраться в воздуховод, внутри которого выбить решетку и очутиться дома. Даже затрясло всего, сердце забилось в груди чаще и сильнее. Пусть его схватят и бросят в темницу, но зато он окажется в родных стенах, наверняка увидит Аврору и старика Киото…

Но приступ прошел также быстро, как возник.

— Пятьсот сороковой этаж, — сказала Майя снизу.

— Я уже догадался, — проворчал Рик.

Ему не хотелось отвлекаться даже на сообщения об этажах.

— Тогда в следующий раз будешь сам считать! — заявила Майя.

Подъем продолжался в угрюмом молчании. Остановившись на очередном перекрестке для короткого привала, они услышали отдаленные крики и шум, донесшийся из воздуховода. Рик прислушался и определил направление. Отчетливо раздавался женский плач и крики мужчин. Кого-то насильно вели по коридору. Женщина умоляла о милосердии, но, похоже, бесполезно.

— Даже не вздумай, — сказала Майя.

— И в мыслях не было, — соврал он и тихо вздохнул.

Снова двинулись в путь. Сектор Омикрон давно остался позади, они вступили в пространство сектора Кси. Между секторами находился технический этаж, больше напоминавший чулан, куда в течение долгих лет сваливали мелкий мусор, тонны пыли, целые рулоны мха и плесени. Свет фонарей выхватывал огромных, в панике расползавшихся насекомых, при виде которых Майю бросило в дрожь, она едва сдержалась, чтобы не закричать, когда Рик снял с ее груди жирную мокрицу.

— Зря ты так, — сказал он. — Жуки — хороший источник белка. Прожаренные на масле, посоленные и с травами, они вполне неплохо сочетаются с…

— Прекрати, — потребовала Майя.

— Ладно тебе, я же пошутил, — поспешил соврать Рик.

А ведь жуки и личинки — действительно источник белка, да еще какой. Об этом ему поведал Киото, старик и готовить их научил. Получалось очень вкусно. Жаль, Майе сейчас толком этого не объяснить.

— Послушай, Рик, — заговорила она. — Не хотела говорить, но взгляни-ка на потолок.

Они дружно задрали головы. Уцепившись коготками за выступы, с потолка свисали сотни летучих мышей-падальщиков, похожих на мешочки для сухарей. Большинство спали. Некоторые высовывали из-под крыльев мордочки и смотрели вниз, тихо попискивая.

— Мать-тьма, — вырвалось у Рика шепотом. — Мы перебудим их своими разговорами. Надо подниматься.

— Кто это?

— Тише, — Рик склонился к уху Майи и зашептал: — Никогда не видела их? Это падальщики, только какие-то маленькие. У нас на уровне они бывают размером с ребенка и, если нападут стаей, человек — не жилец. Они — вампиры. Быстро высасывают твою кровь!

Майя округлила глаза и подпихнула Рика к колодцу, мол, давай, ты как всегда первый и, больше не теряя времени, они полезли вверх. Твари висели у проема над кромкой, выступавшей по окружности колодца, проскользнуть мимо, не потревожив их, было трудно. Рик кое-как уцепившись за ребристый выступ, подтянулся выше, Майя повторила его движения, но все-таки умудрилась слегка придавить одного из падальщиков, который тут же заверещал и забил крыльями. По рядам тварей пробежала волна.

— Быстрее! — рявкнул Рик и подсадил Майю, пропуская вперед.

Несколько мелких кровососов в испуге промчались по колодцу вверх. Остальные еще висели на местах, подняв волну, писк и клекот.

Тогда Фома задержался у проема воздуховода, где только что отдыхали спутники. Достал коробку с инструментами, пригнулся, скрывшись за кромкой от взгляда.

— Рик! — шикнула сверху Майя.

Рик не ответил, следил за Фомой. Наконец, тот быстро закинул рюкзак за спину и проворно взобрался по стене, поравнявшись с Риком, ухватил его за шиворот и протянул до уровня, на котором висела Майя. А потом случилось неожиданное: из кромки по окружности выехала мелкоячеистая сетка и перекрыла колодец. Кровососы запищали еще громче, рванули вверх, но и там выдвинулась сетка, отрезав тварей от людей.

— Ух ты! — воскликнул Рик и повернулся к Майе.

— Правда здорово! — Она восторженно кивнула. — Молодец, Фома!

Они облегченно выдохнули и стали подниматься уже спокойно, не опасаясь налета мелких кровососов.

Больше опасностей на пути не попадалось. Они двигались вверх и отдыхали в воздуховодах, коротая время за изучением древних бумаг, Рик заодно упражнялся в чтении. После очередного выполненного задания Майя посмотрела на него с не прикрытым восторгом и уважением. Но у Рика это вызвало раздражение — ничего особенного ведь пока не достиг, ну научился складывать буквы в слова, ну и что?

— Извини. Просто ты слишком быстро учишься, — поняла ход его мыслей Майя. — Человек, который никогда не умел читать, просто не способен так быстро учиться.

— Я способен, и давай продолжать занятия.

— Хорошо.

И все-таки он не ожидал от Майи такой реакции. Во всем, что касалось науки и знаний, его способности явно производили на нее серьезное впечатление. Может она наконец поверила в него? Поверила, что способен не только драться и защищать, но и умеет постигать сложные науки.

Во время остановок Фома особо не проявлял себя, ждал, пока спутники поговорят и отдохнут. Еще Рик понял, что прол видит в темноте, потому что Фома иногда отправлялся на разведку в непроницаемые для взгляда боковые воздуховоды, оставляя спутникам фонари и особые очки, но при этом всякий раз спокойно возвращался. Как-то раз он притащил человеческий череп с прилипшим клоком длинных волос, покрытых слизью.

— Нам следует быть осторожнее, — сказал Рик. — Где-то здесь могут быть ночные ползуны. Они боятся света, как огня, но очень быстрые и всегда нападают стаей, если вокруг жертвы темнота.

Майя после этого сообщения долго двигалась молча с включенным на полную мощность фонарем. Видимо, настолько сильны были впечатления от находки Фомы и рассказа Рика.

Они лезли все выше. Конструктивно колодец никак не менялся, но на стенах все чаще стали попадаться потеки слизи, которая подрагивала от ветра и налипала на одежду водянистыми комками. А еще источала запах — едкий, сладковато-пряный, вызывавший головокружение.

— Пятьсот шестидесятый…

Ритмичный стук ботинок о ребристые выступы и щелчки страховочных карабинов не прекращались.

— Пятьсот семидесятый, — считала Майя.

Руки хватались за скользкие от слизи скобы, ноги съезжали вбок, но спутники упрямо продвигались, оставляя позади этажи.

— Пятьсот восьмидесятый…

— Почти прошли сектор! — заметил Рик. — Он обитаем?

— Думаю, отчасти, — предположила Майя. — Судя по звукам из труб, по комнатам ютятся какие-то безумные дикари. Наверное, сектор давно брошен разумными людьми.

— Ясно, — Рик кивнул. — Скоро пятьсот девяностый этаж. Доберемся до него и сделаем привал. А там и до шестисотого рукой подать.

— Да…

Но вскоре им все-таки пришлось немного задержаться, повиснув на тросах в колодце, и нацепить дыхательные маски — вонь от слизи стала нестерпимой и ела глаза. Добравшись до очередного рубежа, Майя сдвинула маску на лоб и закашлялась. Потом сказала:

— Здесь можно задохнуться…

— Еще немного, — Рик решил не снимать маску, и голос звучал приглушенно. — Осталась самая малость.

— У меня все двоится перед глазами. Нужно отдохнуть и поспать.

Майя легла в воздуховоде на бок. Рик мельком глянул на нее и чуть не вскрикнул. Позабыв об усталости, как можно мягче, но настойчиво попросил:

— Майя, пожалуйста, не шевелись.

— В чем дело? — Она зевнула и подтянула ноги к животу, устраиваясь поудобнее.

Фома заметил, в чем заключается беспокойство Рика, и тихо

свистнул.

— Мне как-то неудобно… — Майя неуверенным движением потянулась к шее, но рука остановилась на полпути и безвольно упала на пол.

Рик смотрел на тварь, присосавшуюся к шее девушки, и соображал. Большой, размером с кулак, зеленовато-белый полип медленно набухал от крови, которую высасывал из артерии. Его нельзя было отрывать — тогда в шее остался бы хоботок с каплями смертельного яда. Фома поднес к пульсирующему тельцу зажигалку, высек огонь. Полип мгновенно отвалился. Рик поборол искушение размазать тварь по полу. Сделай он это — все забрызгал бы кровью, на запах которой сползлись бы твари пострашнее. Он скинул полипа в шахту и осмотрел Майю в поисках других паразитов. Ничего. Попросил Фому осмотреть себя. Чисто. Тогда стал внимательно разглядывать стены колодца, медленно обводя фонарем и приметил чуть выше от стоянки гнезда полипов — пульсирующие гирлянды пупырчатых шаров с жадно вытянутыми хоботками-присосками.

Брр, Рик передернул плечами.

— Лезем дальше, — сказал Фоме.

Они кое-как растормошили Майю, пришлось пожертвовать водой из фляги и плеснуть ей в лицо, но все равно. Полусонная, ослабевшая от потери крови, Майя послушалась и полезла вверх. Фома страховал ее снизу, а Рик — сверху, не забывая протыкать гнезда паразитов кинжалом. Каждый раз, как они продвигались мимо боковых воздуховодов, из тех доносился громкий рокочущий звук — что бы это ни было, Рик не желал искать его источник.

Наконец они достигли очередного технического этажа между секторами. Выше находился сектор Ню. Они преодолели рубеж в шестьсот этажей. Вывалившись из шахты в воздуховод, Рик и Майя сняли маски и долго лежали без движения, вдыхая воздух без запаха слизи. Фома же просто ждал, сидя на краю.

Рику захотелось пить, но он решил: перетерпит. Достал флягу и заставил Майю открыть рот, влив ей двойную дозу. Затем кое-как вытер с ее шеи и плеч налипшую слизь и оглянулся на Фому, но тот исчез. Наверно, как всегда отправился на разведку.

Пыли и мусора здесь было гораздо меньше, чем в воздуховодах этажами ниже. Рик медленно массировал задубевшие от подъема мышцы ног и с растущим беспокойством разглядывал не примеченные до того детали: корявые символы на стенах, намалеванные блеклой краской, висящие под потолком на нитках комки, слепленные из мусора, выложенные на полу неровные круги из трупиков насекомых, косточек и камешков. И

главное — следы. Множество следов.

Отсутствие прола уже начало беспокоить. Рик поднялся на ноги и стал просвечивать тьму вокруг фонариком. Он хотел позвать Фому, но тут чья-то рука зажала ему рот. Рик обернулся, намереваясь выхватить кинжал — прол стоял рядом и прикладывал к месту рта на своей маске палец. Потом указал на фонарь.

— Что ты хочешь сказать?

Фома резко взмахнул руками и вдруг вырвал у Рика фонарь, потушил его и загасил фонарь Майи. Они очутились в кромешной тьме. Рик понял, что сейчас лучше не открывать рта и притихнуть. Невидимый Фома надел ему на глаза очки с особыми фильтрами и проделал то же самое с Майей.

— Фома, что ты де…, — начала она.

— Тс-с-с! — прошептал Рик. — Тихо!

Он почувствовал опасность. А вскоре до ноздрей добрался и запах. Животный, плотный запах грязной больной плоти. Сквозь фильтр очков мир превратился в зеленовато-серый сгусток теней.

Фома подошел к одному настенному рисунку, потер рукой, пачкая ладонь в краске, и вернулся. Рик не стал сопротивляться, когда прол обмазал этой густой вонючей жижей его щеки и лоб, затем проделал то же самое с Майей. Время разговоров закончилось. Девушка, почуявшая неладное, тоже выпрямилась и с тревогой озиралась по сторонам.

А потом они услышали шорох.

К ним медленно подкрадывались, и мелкий мусор тихо шуршал под чужими ладонями и ступнями. Существа выступили из зеленой тьмы, как призраки — белые, худые, скрюченные. Несмотря на явную схожесть с людьми по строению тел, они утратили нормальные разумные поведенческие реакции. Приближались медленно, словно скользя по поверхности, припадая на руки, согнувшись в напряженных позах. Их иссеченные морщинами и порезами лица походили на устрашающие маски голодной смерти, с запавшими щеками, с влажными зазубренными расщелинами ртов и блестящими глазами. С обтянутых кожей черепов свисали патлы волос, но тела были безволосые и нагие, конечности — длиннее, чем у нормального человека, и у некоторых суставы выгибались в обратную сторону. Существа двигались необычайно плавно и гибко, как гусеницы, и при этом тихо, хотя пальцы у многих оканчивались длинными когтями. Рик заметил у нескольких в руках примитивные костяные кинжалы и медленно потянулся к рукоятке своего на поясе.

Существ было много. С дюжину. И они явно умеют

действовать слаженной группой, втроем против них не выстоять.

По мере их приближения, стал слышен густой запах не мытых тел. Рик, Майя и Фома замерли посреди воздуховода и наблюдали, как приближается стая ночных ползунов. Вот они уже на расстоянии нескольких шагов и принюхиваются. В глотках у некоторых заклокотало, но стая продолжала движение.

Рик еле сдержался, чтобы не выбросить вперед руку с кинжалом, когда морда одного ползуна придвинулась почти вплотную. Существо мазнуло по нему внимательным взглядом и вновь уставилось в темноту. То же самое делали остальные, проскальзывая мимо. Один понюхал щеку Майи и даже лизнул ее в месте, где Фома оставил отметину краской. Другой пошарил рукой по стене, оглянулся, посмотрел на Фому и заспешил за своими сородичами.

Прошла долгая минута, прежде чем Рик сумел выдохнуть и разжать рукоять кинжала на поясе. Майя безмолвно опустилась на пол, ее трясло. Фома сделал успокаивающий жест, намекая, что ползуны ушли и нужно отправляться в путь.

— Ты прав, дружище, — прошептал Рик и жадно глотнул из фляги. — Нам явно повезло. Надо убираться отсюда.

Он передал флягу Майе и попросил собраться с силами, которые сейчас понадобятся на подъеме.

— У этих тварей отменный слух, — шептал ей в ухо Рик. — Но я надеюсь, что к тому времени, как они вернутся, мы будем высоко.

— Попроси об этом своего бога Машины, — серьезно сказала Майя.

— Ты в порядке? — Рик приготовил карабины и трос.

— Хуже быть не может.

— Я бы не стал делать таких заявлений. Сама понимаешь…

— Я понимаю только, что нам пора уже выбираться из этого колодца!

— На ближайшем перекрестке, — заверил ее Рик.

Спустя некоторое время они преодолели десяток этажей сектора и ползком пробрались через боковой воздуховод к ближайшей вентиляционной решетке. Рик долго и внимательно осматривал сквозь эту решетку коридор, нацепив очки с особыми фильтрами, потом сообщил, что ничего подозрительного не наблюдает. Майя тут же приказала Фоме выбить решетку.

Миг, и вся троица спрыгнула на пол.

14

На деле оказалось, они попали не в коридор, а в весьма длинную и просторную, и вдобавок необычную комнату. Таких Рик никогда не видел. Стандартная жилая комната выглядела иначе. Комната «с чудесами», как их называл глава Патруля Ивон, тоже не подпадала под ее описание. Сравнивать было не с чем.

Первым делом спутники убедились, что им ничего не угрожает. Затем попытались включить освещение, и это удалось: Майя тронула маленький тумблер возле входной двери, и под потолком стали медленно разгораться овальные лампы.

— Есть энергия! — тихим шепотом воскликнула Майя.

Комната выглядела брошенной. Большую часть пространства занимали ряды кресел, повернутые в сторону стены, на которой виднелся большой, сильно запыленный светлый прямоугольник. Рик опустился в кресло и понял, что давно не ощущал такой усталости. Необычайно мягкие спинка и сиденье приняли его в объятия, руки сами легли на подлокотники. Еще секунду Рик отрешенно наблюдал, как Фома возвращает на место вентиляционную решетку, а потом сознание провалилось в сон.

Сон был кратким и сумбурным. Снился дом, весна так и не наступила. Рику надлежало доставить ценное послание якобы в другой, дружественный сектор, который обозначил свое присутствие и взывал о помощи. И вот, сквозь холод и сумрак, Рик отправился в далекий путь, но самое необычное заключалось в маршруте. Цель путешествия находилась за пределами Пространства. Рик стоял возле барьера Омикрона, и вся Коммуна следила за ним. В руках провожавшей его Авроры горел последний источник света — коптящая масляная лампа. И вот Рик вступает за пределы сектора, и нечеловеческий холод тут же сковывает тело. А впереди еще дни пути, ночевки без крыши над головой, препятствия, чудовища… Рик в последний раз обернулся, чтобы хорошенько запомнить лицо сестры и унести с собой в памяти, и тут понял, что это лицо принадлежит Майе.

— Очнись, — говорит она.

— В чем дело? — Рик моргал, не соображая.

— Мы немного разобрались в обстановке. — Майя выглядела спокойной и довольной. — Знаешь, что это за место?

— Откуда, — проворчал он, наконец сообразив, где находится, и что его вырвали из сна.

— Эй, не злись, — Майя глянула на него с укором. — Я натерпелась не меньше твоего и тоже хочу отдохнуть, но сначала должна рассказать. Знаешь, что это за белая штука?

Она указала на стену с прямоугольником, и Рик отрицательно качнул головой. Тогда Майя торжественно объявила:

— На ней появляются живые картины.

— Пожрать бы чего, — Рика не впечатлило сообщение насчет картин, он сладко потянулся, стряхивая остатки сна.

Майя дала ему флягу с водой и брикет в прозрачной упаковке с желтой массой внутри. Рик на стал выяснять, откуда взялся брикет, сорвал упаковку, попробовал на зуб концентрат — оказалось вкусно. Он стал жевать, даже не потрудившись выяснить, что это, а Майя торопливо рассказывала. Оказывается, на белом прямоугольнике древние смотрели ожившие картинки. В соседней комнате находилось особое проекционное оборудование и стеллажи, снизу доверху заполненные дисками с такими картинками. Можно выбирать любой диск, вставлять в специальное устройство и смотреть. Она повертела перед Риком конверт. Рик старательно, по слогам прочел название: «Индейцы Амазонки». Майя дала ему еще парочку. Он прочел: «Пустыня Сахара», «Альпы круглый год» и вопросительно посмотрел на девушку. Майя, счастливая как ребенок, пожала плечами:

— Понятия не имею, что там!

Рядом в кресле спокойно сидел Фома и, как обычно, не обращал на них внимания. Доев брикет, Рик прошел за Майей в хранилище дисков и стал читать названия, которые не говорили ему ничего. Только один раз вроде бы стал ясен смысл — на конверте была надпись «История Олимпийских игр». Кажется, про какие-то соревнования.

— Давай проверим вот это, — предложил он.

Майя кивнула, вынула из конверта диск и вставила его в продолговатую машину. Они снова вышли в зал. Пыльный квадрат осветился, на нем появилась надпись.

И потом квадрат ожил!

Рик невольно вздрогнул; перед ними словно разверзлось большое окно — такими четкими оказались картинка и звуки, лившиеся отовсюду. Они видели огромное пространство, что-то вроде овального зала, окруженного рядами скамей, усыпанных огромным количеством гулко шумящих людей. По дорожкам на полу зала друг за другом бежали полуголые соперники. Вдруг поверх шума зазвучал приятный мужской голос:

— История Олимпийских игр начинается с древнегреческого мифа об Олимпе и соревнованиях, которые жители Афин устраивали в честь богов своего пантеона…

Рик с Майей смотрели, не шелохнувшись, пока прямоугольник на стене не потемнел и не появилась надпись

«Конец». Фома при этом громко пару раз хлопнул в ладоши.

— Ты что-нибудь поняла? — медленно произнес Рик.

Майя, вжавшаяся в кресло, с трудом перевела на него взгляд. В глаза у нее застыли восторг и восхищение.

— Это ценнейшая находка, — наконец нашлась она. — Это клад. Мы наткнулись на сокровищницу!

— Я говорю конкретно про эту картину.

— Кажется, да. Похоже на какой-то ритуал или испытание. Проверка возможностей человека.

— Ты видела их лица? — спрашивал Рик. — Они были, как живые… Они были живыми! Настоящая техническая магия.

Они посмотрели еще пару картин — про огромный аквариум, который назывался «океан», и путешествия людей среди немыслимой толщи воды, и про большую ферму или джунгли, где росли деревья высотой в десять, пятнадцать и даже выше уровней. Рик специально подходил поближе к экрану и следил за движущейся картинкой, трогал поверхность, бегал по залу, пытаясь сменить угол обзора, щупал стены, но не добился в своих исследованиях особых успехов.

— Во всех этих картинах не видно потолка. Где потолок? — недоумевал он, когда Майя выключила проекционную машину. — Где у них там были стены? Вот так загадка.

— Ну, там же была такая большая круглая и очень яркая лампа, — предположила Майя. — Значит, должен быть и потолок.

— Верно, — согласился Рик. — Ну что? Отправимся дальше наверх?

— Думаю, что несколько конвертов надо взять с собой.

— Я знал, что ты не сможешь просто так уйти отсюда, — улыбнулся он.

Все трое вышли в коридор и стали осматривать пространство сектора. Здесь были высокие потолки и в основном прозрачные стены. Пространство напоминало одну большую сложную галерею, с балконами, лестницами, переходами и множеством прочих комнат-пристроек. Повсюду виднелись колонны и арки, украшенные выпуклыми рисунками. На полу виднелась мозаика. Но на всем лежала печать запустения и хаоса, в разных местах коридора валялись сломанные части мебели или каких-то машин неизвестного назначения. Часть конструкций в некоторых комнатах была покорежена или оплавлена огнем.

Они шли мимо разбитых окон в просторном зале, куч мусора, заросших паутиной скамеек и столиков. Зал напоминал одновременно обеденный и комнату собраний в Коммуне Рика. Он представил себе, как древние люди ходили здесь, занятые своими делами, обсуждали различные вопросы, решали

проблемы, радовались или грустили, любили или ненавидели друг друга. Здесь когда-то кипела настоящая жизнь, но теперь поселилась пустота.

На парапете впереди восседала крупная крыса. Увидев их, она подняла мордочку и принюхалась, даже не думая убегать.

— Они здесь хозяева, — сказала Майя, кивнув на грызуна.

В стороне на парапете появилась другая крыса, а чуть дальше сразу две. Хвостатые существа внимательно разглядывали пришельцев красными бусинами глаз.

— Какие большие, — Рик присвистнул.

— И смелые. — Майя на всякий случай проверила оружие.

Троица следовала по широкому коридору к Хорде, с любопытством разглядывая окружающую обстановку. Несмотря на кажущееся запустение, их преследовало чувство чужого присутствия, чьего-то неотступного взгляда. Рик постоянно оглядывался на верхние балконы, но не замечал там ничего, кроме свисающих лохмотьев истлевших тканей и искореженных конструкций. Коридор перешел в широкий мост, заканчивающийся лестницей с размашистым пролетом. Они взошли по ней и взгляду открылась широкая арка, точно по центру которой виднелась мерцающая Хорда. Все трое замерли, не смея двинуться с места. И не только потому, что цвет Хорды с малиново-оранжевого сменился на ярко-желтый.

Под аркой стоял человек.

Это не был дикарь, мутант или кто-либо еще из встречавшихся им на пути существ. Весьма пожилой высокий мужчина с аккуратно подстриженной бородой, волосы побиты сединой, но держится прямо и глядит сверху вниз с заметным превосходством. Чем-то его взгляд напомнил Рику взгляд Креза, так смотрят люди, привыкшие отдавать приказы, люди, которые держат власть. Из одежды лишь светлая накидка, скрывающая ноги до лодыжек. Незнакомец сжимал в руках оружие, достаточно массивное и устрашающее на вид.

— Положите бласт на землю, — сказал он Майе спокойным голосом, словно был давно с ней знаком. И тут же обратился к Рику: — Уберите ваш кинжал. Он не причинит мне вреда.

Рик с Майей подчинились, сложив оружие на пол.

— Спасибо за понимание. Можете подойти.

Незнакомец опустил свою устрашающую пушку. Они приблизились, и Рик не поверил своим глазам: на шее незнакомца была татуировка — знак Омикрона. Рик всмотрелся в ничем не приметное лицо и…

— Смотритель Дрокка! — выдохнул он.

— Как поживает Коммуна? — отозвался бывший Смотритель.

— У нас проблемы с божественным… у нас перебои с энергией.

— Значит, все-таки произошло, — грустно сказал Дрокка, который много лет назад был вынужден удалиться в изгнание.

Его считали погибшим, как и всех, кто ушел в Пространство до него, но вот он стоял перед Риком, живой и здоровый, хоть и состаренный временем.

— Простите, мы не назвались, — учтиво заговорила Майя. — Это Рик из Омикрона. Я, Майя, из сектора Каппа.

— Наверное, вы проголодались? — улыбнувшись, поинтересовался Дрокка. — Если желаете, могу пригласить в мою скромную обитель на чашку чая.

— О, — Майя с почтением приложила руку к груди, — мы вам очень признательны.

Рик с завистью посмотрел на нее: и как у Майи получается так красиво говорить и располагать собеседника жестами?

Дрокка повел их по одной из боковых лестниц за аркой. Они поднялись на три уровня и вступили на овальную площадку, подпиравшую скругленную стену одним боком, где виднелись входы в комнаты. С другой стороны площадки открывался вид на Хорду. В центре площадки стоял большой давно высохший аквариум с мутными стеклами.

Бывший Смотритель провел их к одной из дверей, набрал на пульте код доступа и впустил внутрь. Не прошло и пяти минут, как они сидели за столом и грели в ладонях по кружке с горячим ароматным напитком и осматривались по сторонам, не скрывая любопытства. Самым примечательным была прозрачная стена, выходившая прямо на колодец Хорды. Дрокка подошел к стеклу и кивнул на стержень Хорды, значительно посветлевший с последнего момента. Ось Пространства разогревалась, как металл, доведенный до высокой температуры.

— Готов спорить на свою будущую лысину, это ваших рук дело, — сказал Дрокка.

Рик смущенно взглянул на него.

— Сам факт вашего присутствия здесь говорит о многом. — Дрокка скрестил руки на груди. — И не надо говорить мне, что вас изгнали.

— Нет. Мы беглецы и преступники, — сообщила Майя.

— Серьезно? Даже так… — бывший Смотритель взглянул на обоих с укором, затем некоторое время с интересом рассматривал прола. И наконец произнес: — Что же вы натворили?

Рик начал рассказывать о встрече с Майей и побеге, приключениях и конечной цели путешествия. Дрокка поглаживал бородку, иногда косясь на Хорду за стеклом. Когда Рик дошел до

описания зала с коллекцией живых картин, Дрокка сказал:

— Достаточно.

И замолчал, размышляя над чем-то.

— Как вы смогли выжить здесь? — не удержался от вопроса Рик.

— Очень просто. — Дрокка пожал плечами, словно речь шла о привычных вещах. — Пространство дает человеку все необходимое для жизни. Оно и создавалось для этих целей. Нужно всего лишь знать, где что находится. Я живу здесь многие годы и ждал кого-то вроде вас. Людей, которые достаточно храбры, чтобы преодолеть барьеры и выжить в коридорах Термополиса. Людей, которые однажды придут ко мне и начнут задавать вопросы.

— И у вас есть на них ответы?

— К сожалению, не на все, — покачал головой Дрокка. — Вы поднимаетесь наверх. Сам я слишком стар, чтобы составить вам компанию, но постараюсь помочь, чем смогу.

— Спасибо и на этом, — сказала Майя.

— Пустяки. Ваш приятель не умеет разговаривать? — он кивнул на Фому.

— Не умеет. Он только слушает и выполняет приказы.

— Любопытно. Никогда не видел таких.

— Он из нижних секторов.

— Понятно. Значит, вы говорите, что должны попасть в сектор Гамма.

— Все верно, — подтвердила Майя.

— Но это же немыслимо высоко! Вы себе и представить не можете, насколько это высоко.

— О нет, — вмешался Рик, — еще как можем. У нас ведь есть карта мира. Покажи ему, Майя.

Девушка развернула схему Термополиса. Старый Смотритель созерцал ее, обходя стол по кругу, и на его скулах от напряжения вздувались желваки.

— Ну что же, — заключил он. — Одну такую копию я видел как-то, давно, во время пограничной войны между секторами. Тогда бумага считалась отличным топливом для розжига костров, и никто не смотрел на закорючки, покрывавшие листы. Но каков спрос с глупцов? И вот вы раздобыли один из последних экземпляров, чтобы попасть в центр управления и запустить генераторы.

— Да, — выдали Рик с Майей хором.

— Как вы это сделаете?

— Будем ориентироваться по ситуации, — ответил Рик.

— То есть вы не знаете, как запустить генераторы.

— Нет.

— У вас есть коды доступа, пароли?

— Я знаю несколько, но не знаю, подойдут ли они наверху, — призналась Майя. — Придется проверить все.

Дрокка принялся неспешно ходить взад-вперед по комнате. Спустя пару минут остановился. Заявил:

— Ваша затея обречена на провал.

— Мы не отступимся, — заявил Рик.

— Я и не заставляю вас поворачивать. Вы просто расшибетесь о стену. Вот и все. — Старый Смотритель выдержал паузу. — Поэтому, прежде чем соваться в центр управления, вы должны попасть вот сюда.

И он вонзил палец в один из секторов первого эона.

— Дельта, — прочел по слогам Рик. — Лабо-ра-то-рии. Архив. Биб-ли-о-тека. Базы дан-ных.

— Там содержится вся ценная и необходимая вам информация. Все знания, какими располагали древние, когда создавали этот мир. Их науки, их искусство, поэзия, история и сведения о культуре. Если вы хотите понять, что такое Термополис, ваша дорога лежит именно туда. И откроются вам бездны мысли. При условии, конечно, что фонды уцелели.

— А вы не были наверху?

— Я пробовал, — сказал Дрокка, — несколько раз. Но с тех пор, как чуть не лишился руки, решил больше не рисковать.

И он показал изувеченную кисть без двух пальцев — мизинца и безымянного.

— Чудовища или мутанты? — уточнил Рик.

— Нет. Люди.

— Какие они? — поинтересовалась Майя.

— Верхние жители? Я… я не знаю. Даже не видел их. Штука в том, что они замкнули контур первого эона системой безопасности. Эта система уничтожает все, что оказывается поблизости и проявляет хоть какие-то признаки жизни. Наверху создали неприступную цитадель, и что там творится, я не знаю.

— Ну дела!.. — Рик нахмурился, раздумывая над услышанным.

— Вы дали дельный совет, уважаемый Смотритель, — сказала Майя. — Ваша помощь неоценима.

— Жаль, не могу помочь вам в путешествии, слишком стар, — Дрокка развел руками. — Жаль, шансы на успех у вас ничтожно малы, ведь кроме аварийных систем, в секторах ничего не работает. Автоматика отказывает в доступе, когда я пытаюсь активировать центральные терминалы. Термополис был задуман как единая система, как живой цельный организм, где каждый эон

и сектор связаны между собой и выполняют какую-то функцию. А по отдельности секторы не стоят ничего. Как управлять ими, знали древние, но знание было утеряно. Поэтому сейчас Пространство — это гигантский склеп. Мертвое место, которое оставалось брошенным долгие годы. И поэтому от моих слов не так-то много пользы. Как вы сможете обойти систему защиты? Никак. Знания о том, как взломать скорлупу, содержатся внутри скорлупы. Это замкнутый круг.

— Нужно попробовать, — решительно заявил Рик. — Нельзя просто так отступать.

— Твоя мотивация похвальна, — согласился Дрокка. — Но одной решимости мало. Поймите это. Или, — он прищурился, — у вас что-то есть с собой, кроме схемы? Что-то особенное? Какой-нибудь пароль, ключ, что-нибудь способное преодолеть защиту?

— Нет, — сказала Майя. — Кроме прола, оружия и бумаг у нас нет ничего ценного.

Дрокка смотрел на них так внимательно, словно заметил что-то известное только ему, и потому задал наводящие вопросы. Он что-то искал, напряженно вглядываясь в их лица. Он думал, мысль лихорадочно отсвечивала в его больших умных глазах. И при этом его явно терзали сомнения, он будто знал истину и одновременно ошибался в суждениях. Наконец Дрокка сдвинулся с места, обошел сначала Майю, потом Рика, осматривая их с ног до головы. Фому не удостоил и мимолетным взглядом.

— Вам что-нибудь известно о протоколе «Омега»? — вдруг спросил Рик.

— Омега? — выдохнул Дрокка, вытаращив глаза, словно ему только что треснули исподтишка по спине. — Об этом есть несколько слов в клятве Смотрителя Коммуны. Но смысл никому не известен.

— Тогда, может знаете что-то о программе «Хронос» или программах «Гея» и «Уран»?

Дрокка становился все более беспокойным. Теперь он чуть ли не бегал по комнате.

— Я ничего об этом не знаю. Нет! А что?

Рик внимательно следил за бывшим Смотрителем, все больше осознавая, что этим выдающимся человеком, некогда главой Коммуны, овладел самый обычный страх. Дрокка боится. Вот только чего? А может быть — кого?

— Вы говорите, что ничего не взяли с собой, — произнес Дрокка. — Но тогда как смогли запустить ускоритель частиц и оживить Хорду? Каким образом? Или это совпадение?

Рик объяснил, что просто приложил руку к экрану, и машина послушалась его приказов.

— Без кода доступа?

— Нет, код доступа был, — возразила Майя. — Машина назвала это генетическим кодом.

— Генетический код? Что это?

Майя, как смогла, растолковала ему основные положения древней науки.

— Ну конечно же… — прошептал Дрокка, резко опустившись на стул. — Но почему…

Он уставился на Рика:

— Ты. Погоди-ка. Дай-ка я вспомню тебя.

— Что именно вы хотите вспомнить? — Рик изо всех сил желал помочь в поисках ответа.

— Не спеши, — велел Дрокка. — Дай я просто посижу немного и посмотрю на тебя. Ответ близко. Нужно просто отвлечься.

— Тогда расскажите нам все, что знаете, — предложила Майя. — Все, что может принести нам пользу, и, может быть, вы сможете найти ответ.

— Верно.

Старый Смотритель немного успокоился и, чтобы окончательно собраться с мыслями, заварил им еще по кружке горячего чая. Разглядывая край стола, он стал излагать свою историю жизни — все, что сохранилось в стариковской памяти.

Жизнь Дрокки не отличалась примечательными фактами, кроме одного. Именно ему удалось раздобыть при переходе на новый уровень жизни несколько упаковок семян, дело было на охоте во внешнем пространстве. Когда семена прорастили, оказалось, что это бобы — неприхотливое и питательное растение, прекрасно дополняющее рацион. Комната, в которой Дрокка нашел семена, чуть не стала его могилой — древняя машина почему-то пыталась его убить раскаленным лучом. Будущего Смотрителя спасло врожденное чувство самосохранения, удалось найти безопасное место, куда не доставал луч, и выбраться из смертельной ловушки. Так он перешел на новый уровень в лучшие условия жизни.

Дрокку всегда беспокоил вопрос добычи пропитания. Он постоянно думал над тем, как увеличить цикл жизни посевов и снимать с них не один, а два урожая. Экспериментировал с картофелем, пшеницей, морковью и другими овощами. Он понял, что растениям нужны не только вода и хорошая почва, но и специальные удобрения, которые решено было добывать из фосфоресцирующих грибов. Ядовитые сами по себе, эти грибы в высушенном и измельченном виде отлично усваивались корневой системой.

В испытании для перехода в следующий круг жизни нужно было собрать как можно больше воды. Дрокка возглавил команду и предложил самый эффективный способ сбора — выпаривание плесени, грибов и слизи. Никто не хотел трогать эту ядовитую мерзость, липнувшую к стенам и потолку, но Дрокка смело сгребал ошметки и засовывал в пакеты, чтобы под огнем получить литры воды, скопившиеся на заранее подставленной пленке в виде конденсата, который затем фильтровали, сливая в емкости.

Коммуна получила новый способ добычи воды. Дрокку заметил старик-Смотритель. Пригласил к себе как наиболее выдающегося из взрослых братьев Коммуны и без лишних вступлений предложил ему свой пост. Если бы Дрокка знал, чем обернется согласие, то, разумеется, не дал бы его.

Он был посвящен в таинство Комитета Коммуны.

— Никакого бога Машины нет, — проговорил он, делая упор на каждом слове.

Майя и Рик слушали.

— Его нет, — снова повторил Дрокка.

— Я уже знаю, — Рик грустно улыбнулся. — Майя помогла понять и все объяснила.

— Гм, что ж, — пожал плечами бывший Смотритель и продолжил: — Но это не все. Я узнал, что Пространство не бесконечно, ограничено стенами, отделяющими нас от внешней среды. И за границами мира вовсе не черная пустота, а другой мир, не похожий на наш. Мой предшественник также сказал мне, что на самом деле наш мир — это огромная башня, в которой на разных уровнях живут всякие народы, но они разделены между собой в целях безопасности, и в интересах безопасности нельзя посвящать народ Коммуны в эту истину, иначе начнутся паника, волнения и мятежи. Поначалу я не понимал замысла Комитета, но постепенно, по прошествии многих лет, я почти принял их догму. Итак, я дал клятву и стал новым Смотрителем. Прежний, согласно обычаю, должен был уйти в Пространство, и он сделал это с достоинством. Этот человек глубоко верил в идеалы Коммуны и существовавшего порядка вещей. Изгнанию он предпочел полет в пропасть. И я заступил на пост, пока не истек мой срок.

— Это возмутительно, — сказала Майя. — Держать людей в неведении — насколько нужно презирать их!

— Не презирать, а любить и заботиться, — поправил Дрокка.

— О свиньях мы тоже заботимся, — возразила Майя, — но совсем из других соображений!

— Вы закончили рассказ? — уточнил Рик.

— Нет, это не все. — Дрокка покряхтел, меняя позу на

стуле. — Кроме Комитета, есть совет при Смотрителе, который состоит из трех жрецов — маленьких незаметных людей. Вот кто на самом деле управляет Коммуной. Эти люди чуть не заставили меня по-настоящему поверить в своего чертова бога.

Он понизил голос, словно их могли подслушивать:

— Они привели меня в свой храм — ты знаешь, где он находится, Рик, — и показали внутреннее устройство. Все эти кнопочки и экранчики, которые обозвали большими и малыми алтарями бога Машины. Они научили меня чтению и счету, не сразу, но научили. Самым же большим потрясением для меня было то первое посещение храма. Один из жрецов подошел к панели управления, нажал на какую-то кнопку, и черный экран прямо передо мной засветился. Потом на экране возникло лицо. Сначала я не понимал, что происходит. А потом человеческая голова на экране сказала: «Приятно познакомиться, Смотритель Дрокка». Человеческая голова общалась со мной из машины! Я чуть не потерял сознание, я просто не мог вообразить себе подобное. Позже мне объяснили, что это такой способ связи с теми, кто по-настоящему управляет Термополисом.

— Подождите, — перебила Майя. — Вы общались с ними?

— Регулярно докладывал им о делах Коммуны.

— Как они выглядели? — уточнил Рик.

— Как обычные люди. Их всегда окружал свет.

Рик и Майя переглянулись.

— Рядом всегда находился жрец и следил за мной, — продолжил Дрокка. — Поначалу я чуть с ума не сошел, но со временем привык и втянулся. — Он на миг замолчал, словно раздумывая, стоит ли поделиться чем-то важным, и все-таки решился: — Самым неприятным было следить за численностью Коммуны. Сектор располагал ограниченными ресурсами, поэтому их следовало распределять равномерно. Число людей должно быть постоянным. Если рождалось слишком много младенцев, надо было убирать больше стариков, чтобы пищи и воды хватало на всех, иначе начнется голод.

Майя вскочила с места от душившего ее гнева:

— И после этого вы говорите о любви и заботе? Я просто не могу в это поверить!

— Я понимаю тебя, но иного выбора у нас не было.

— Ничего себе! — удивился Рик. — Кругом столько незанятого пространства, а у вас не было выбора!

— Не было! — Дрокка с грохотом стукнул кулаком по столу. — Они запретили. Они сказали, что, если поколение Коммуны разрастется и начнет захватывать соседние секторы, начнется хаос, бесконечные войны, которые разрушат

архитектуру Пространства, и под угрозой окажется весь Термополис. Так они говорили, и я верил им. Они разрешали изредка выбираться небольшими отрядами и нападать на разрозненные племена снаружи, но скорее для разрядки, чем из реальной нужды.

— Кажется, я понял, для чего устраивают все эти игры с переходом на новый уровень, — сказал Рик.

— Да. А потом подошел мой срок. Я не смог шагнуть в пропасть — испугался. Вместо этого выбрал изгнание, где должен был погибнуть от ядовитых тварей или истощения, но судьба распорядилась иначе. Потом я поднялся сюда и с тех пор обитаю на этом уровне.

Дрокка замолчал и стал жадно пить воду из большой бутылки. Фома тихо свистнул.

— Система связи работает, — озвучила Майя главное.

— И ее контролирует тот, кто знает всю правду, — подвел итог Рик.

— Вы сможете организовать новый сеанс из местного терминала? — поинтересовалась Майя.

В ответ Дрокка невесело рассмеялся.

— Все контролировали эти проклятые жрецы! — произнес он. — Я не трогал ни одной кнопки за эти годы.

— Но неужели вы не запомнили комбинации и другие подробности?

— Конечно, запомнил! И даже пытался, будучи Смотрителем, запустить терминал самостоятельно, когда появилась возможность. Но рядом вдруг оказался жрец и остерег меня от этого под угрозой смерти. Они каким-то образом опережали меня на шаг. Они словно читали мои мысли, эти демоны.

— Ладно, но сейчас-то их нет рядом, — улыбнулась Майя.

Дрокка замер; его лицо исказилось, в глазах появился нездоровый блеск.

— А вы точно в этом уверены? — спросил он. — Я — нет.

Рику стало не по себе. Его ощущения подтверждались, страхи обретали плоть и кровь. Похоже, заключенный многие годы в одиночестве старый Смотритель постепенно терял рассудок. А может быть, в его словах есть доля правды? Ведь ему самому иногда казалось, что кто-то неустанно следит за ними.

— Это звучит слишком… — начал Рик.

— Как? — воскликнул Дрокка и тут же продолжил: — Пойми, парень, в этом мире, в этих стенах возможно все. Я понял это давным-давно, когда осознал, что не знаю и сотой части всех чудес, которыми напичкан этот огромный лабиринт этажей и лестниц. Здесь есть безопасные места, вроде моей берлоги, но все

остальное — голодная бездна, готовая сожрать вас в любой момент.

В комнате повисла гнетущая тишина. Вдруг Смотритель резко поднялся.

— Пойдемте, — он подобрал с соседнего стула свое оружие, — покажу вам кое-что интересное.

Они последовали за ним по зигзагам переходов и лестниц, в итоге вышли в просторный коридор. Этот сектор не отличался симметрией и схожестью с нижними, он весь был как нагромождение стеклянных пузырей и трубок, слепленных между собой в произвольном порядке. Рик быстро потерял ориентиры. Крысы с громким писком разбегались от Смотрителя. Видно, боялись, знали, кто идет, похоже, Дрокка перебил много их сородичей.

Затем они прошли через вереницу подъемов, спусков, галерей и комнат самых разнообразных форм и размеров. Ничем не примечательные залы чередовались с разноцветными комнатами, снизу доверху заставленными пестрыми машинами, столами с когда-то зеленым сукном, длинными столами, соединенными вместе, столами с дырками, шарами, другими фигурами посередине, а также столами, расчерченными в квадраты с цифрами. Они шли мимо кабинок, отделенных от внешнего мира занавесками с изображениями смеющихся женщин и мужчин, и каких-то разноцветных существ. Мимо миниатюрных сооружений и фигурок людей, объединенных в одно большое горизонтальное пространство, — такими моделями был наполнен один большой зал. Мимо залов с длинными дорожками, на которых лежали тут и там большие шары с дырками, а неподалеку валялись статуэтки, формой напоминающие бутылки.

Когда Дрокка ввел их в очередной зал, Рик с Майей замерли, не дыша — зал был полон людей. Но потом, приглядевшись, они поняли, что это упрощенные копии человеческих фигур, на которые были навешаны истлевшие тряпки. Спутники проходили мимо рядов витрин с выставленными на них драгоценностями, древней обувью и сумками, одеждой и головными уборами, целыми эскадронами бутылок и колбочек, коробочек и баночек, содержимое которых либо давно высохло, либо испортилось.

Они лавировали между столов, диванов, бассейнов, скульптур, вывесок, которые тянулись, казалось, бесконечно и в самых разных сочетаниях. От обилия предметов этого сектора у Рика все перемешалось в голове. Он видел перед собой картинки, фигурки и даже скелеты неизвестных чудовищ, неведомо когда обитавших в Пространстве. Он наблюдал целые участки земли и камней, огражденные низкими парапетами и представлявшие

собой некие ансамбли: впадины и нагромождения, серые камни, рыжие камни, черные булыжники, целые россыпи мелких камешков и куски словно бы застывшего бурого сиропа с белыми прожилками.

Один раз они увидели чучело за стеклом — это был человек, с копьем и в шкурах неведомого зверя, весь смуглый и полуобнаженный, с большой челюстью и покатым лбом. Больше всего поражали глаза, в которые неизвестный создатель смог вложить и звериное и разумное начала. Дальше по коридору таких кукол стояло много; большинство частично истлели и развалились, но иногда попадались отлично сохранившиеся каменные изваяния, изображавшие людей, зверей и их гибриды в жутких сочетаниях и невообразимых антуражах, отчего хотелось задержаться подольше и внимательно рассмотреть все подробности. Там были куклы людей в металлической одежде, в рыбьей чешуе, с огромными длинными кинжалами, с древними аналогами бласта, в широкополых шляпах, в конусовидных и круглых шлемах, со знаменами, на четырехколесных машинах, верхом на четырехногих животных с хвостами, в длиннополых одеждах, с тросточками, со стеклами на глазах, с загадочными коробочками в руках. Были женщины в одеждах самой разной длины и фасона, были дети, были их ручные животные.

Потом они попали в ряды древней техники, двигаясь от простых орудий труда к сложным механизмам неизвестного происхождения и причудливых форм.

Например, там была двойная трубка со стеклами. Или шар на подставке. Была целая коробка, начиненная мелкими штуковинами, окошками, табличками и стрелками. Были предметы маленькие, вроде иголок, и большие, напоминавшие циферблаты часов, короткие и продолговатые, понятные по назначению уже из самого своего внешнего вида и сложные, составленные из многих деталей. Рика поразила небольшая машина, имевшая вид ящика и состоявшая из сотни мелких деталей, выведенных наружу и заканчивавшихся небольшим уплотнением — наверное, для того чтобы прикладывать пальцы. Внутренности этого устройства напоминали скелет самой костлявой в мире рыбы: спицы, пружины, шестеренки, колесики соединялись внутри в непостижимом порядке. А другое устройство представляло собой просто шарик, подвешенный над расчерченным кругом на ниточке. Шарик висел без движения.

— Мы проходим зону музеев, — пояснил Дрокка. — Музеи — это вроде хранилища предметов из прошлого.

— Для чего их хранить?

— Чтобы помнить, — сказала Майя. — Это очень важно.

— Все верно, — сказал Смотритель и одобрительно взглянул на девушку. — Древние приходили в музеи и запоминали, как выглядели их предшественники, еще более древние люди.

— Мне и в голову не приходило, что кто-то мог жить до них, — признался Рик.

— У нас, людей, долгая история.

Наконец путешествие закончилось. Дрокка привел их к очередной площадке, возле которой обнаружилась дверь со знакомым значком.

— Терминал, — узнала Майя. — Такие есть в каждом секторе.

— Да, но я хотел показать вам не это. — Смотритель круто развернулся на пятках и сделал с десяток шагов в сторону, встав возле выпуклости у стены, похожей на вертикальную шахту вентиляции, только гораздо шире в размерах. — Пока эти поганцы наблюдали за мной, я ненавязчиво поглядывал за ними. И знаете, что мне удалось установить? Каждый раз, когда жрец заходил вот в такую комнату, он исчезал бесследно. Отсюда я сделал вывод, что они каким-то образом попадают в место, где находились те люди из экранов машины. Посмотрите. Может быть, вы что-то знаете об этом?

— Это лифт, Смотритель, — сказала Майя. — Подъемник.

Дрокка понял, но не сразу:

— А, машина, которая движется вверх и вниз?

— Она самая, — подтвердил Рик. — Жрецы пользовались лифтом, и в этом нет ничего удивительного. Вопрос в другом. Если лифты в секторе Омикрона были заблокированы давным-давно, как работал их лифт?

— Как и передатчик, — сказала Майя. — Они управляются с техникой так же легко, как ты владеешь кинжалом.

— Да. — Смотритель облизнул губы. — Вот я и подумал, когда вы сказали про генетический код. Может, это сработает? Попробуй.

— Не проблема, — откликнулся Рик. — Но прежде я хочу знать, почему это сработает со мной и не работает с вами? Вы же Смотритель.

— Я человек Омикрона, а ты — нет! — выдохнул Дрокка.

— Что это значит? Я родился и вырос в Коммуне… — начал было Рик — и вспомнил слова Киото.

Дрокка угадал ход его мысли:

— О чем бы ты сейчас ни думал, ты уже понял, что неправ.

— Что вы знаете? Говорите. — Рик сделал шаг навстречу Дрокке, сверля его требовательным взглядом. — Ну!

— Спокойно. — Дрокка наморщил лоб. — Это связано с твоей матерью.

— Она была родом не из сектора. И что из этого следует?

— А то, что она отличалась от народа Омикрона биологически. Она была чужой, и когда ее привезли сюда, она уже была беременна. Тобой!

— Из какого сектора ее пригнали?

— Это знает только Крез. Он был главарем карательной армии. Он говорил, что лично выбрал ее из других дикарок и… — Дрокка осекся.

— Говори! — Рик схватил его за ворот.

— Отпусти меня, парень! Успокойся!

— Говори, что ты хотел сказать? Ну же! Говори, а не то я выпущу тебе кишки прямо здесь! — Рик быстрым движением приставил к животу старика клинок.

— Она была наложницей Креза! — вскричал Дрокка.

Рик отступил. Его лицо побледнело. Он отвернулся и отошел к краю площадки. Майя заговорила со стариком о генетике, пытаясь разрядить обстановку. Фома спокойно стоял рядом и глазел по сторонам с безучастным видом. Рик собрался с мыслями и вернулся обратно к лифту. Когда подошел, Дрокка пытался донести до Майи свои соображения:

— В самых общих чертах из разговоров жрецов мне удалось установить, что люди обладают разными видами этого кода. Несложная техника требует обычные пароли или комбинации, их сможет набрать даже ребенок. Опасные или слишком сложные машины работают по коду с руки. Я видел, как жрецы прикладывали пальцы к панелям, и машина слушалась их, потому что они обладали этим кодом. Если машина послушалась его, — патриарх кивнул на Рика, — значит, его мать была родом из какого-то верхнего сектора. Может, это люди высшей касты, прямые потомки древних? Кто их знает.

— Хватит болтовни, — оборвал Рик и подошел к панели вызова лифта.

Черный квадрат казался нарисованным на стене. Рик надавил рукой на панель. Не последовало никакой реакции.

— Вот и все, — сказал он. — Можно возвращаться.

— Подожди, — Майя одернула его за рукав. — Ты всегда торопишься.

— А чего тут ждать? Машина не отвечает.

— Потому что ее надо включить.

Она взялась за тумблер на панели управления лифтом и перевела его из нижнего положения в верхнее.

С заминкой в секунду из панели донеслось тихое гудение. Рик повторил попытку. На этот раз на черном фоне замерцал зеленый огонек. Они ждали, затаив дыхание. Появились цифры,

начавшие отсчет с семьсот сорокового этажа.

— Наш этаж — шестьсот сороковой, — подсказала Майя, и они стали следить, как на панели идет обратный отсчет. К их удивлению, лифт приехал очень быстро.

— Мы можем убежать, пока не поздно, — сказала Майя.

— Ни за что, — отрезал Рик. — Готовься стрелять.

Но необходимости в стрельбе не было. Лифт открылся — светлая чистая кабина была пуста. Из нее приятно дохнуло свежестью. Запах был новый и непривычный.

— Похоже, здесь наши пути расходятся, — сказал Дрокка и отдал Рику свое оружие — тяжелый и громоздкий агрегат. — Осторожнее с ним, эта штука довольно мощная. Заряда хватит на сотню-другую выстрелов.

— Спасибо, Смотритель. А как же вы?

— Обойдусь. Здесь есть комнаты, где этого добра навалом.

Майя с Фомой шагнули в кабину, Рик задержался еще на секунду, чтобы сказать:

— Простите мне мою горячность и… подозрения в отношении вас.

— Не стоит. Я бы на твоем месте поступил так же. Мало того, что ты рос без отца, а еще и с мамой такое случилось. Будьте осторожны. Желаю удачи!

Мгновение спустя створки лифта закрылись, отсекая троицу от старика, и кабина устремился вверх с такой скоростью, что им невольно пришлось взяться за поручни на стенах.

— Поднимаемся на семьсот сороковой! — воскликнула Майя.

— Почему не выше? — уточнил Рик.

— Выше просто не получится. Этот лифт рассчитан на один эон. Вот здесь надпись, — и она указала на табличку под кнопками.

Стенки были полупрозрачными, и они видели сквозь матово-серую завесу уносящиеся вниз огоньки ламп. Через считанные секунды раздался мелодичный звон. Табло сбоку осветилось надписью: «Этаж 740». Лифт прибыл в пункт назначения и открыл створки. Они вышли в коридор, держа оружие наготове. Рик уже научился ориентироваться по знакам на стенах и сказал:

— Сектор «Лямбда».

Майя, проводившая за изучением схемы долгие часы, с ходу добавила:

— Жилой сектор. Весь эон предназначен для проживания. Это ядро Термополиса.

— Причем пустое, — добавил Рик, озираясь по сторонам.

То же запустение и разруха, что и внизу. Единственным отличием были, пожалуй, цепочки аварийных ламп, мерцавших

под потолком. И относительная чистота. Плесени почти не было видно, лишь кое-где темнели потеки, там, где прохудился водопровод. Фома понюхал воздух и сделал движение, словно хочет его потрогать. Черные пальцы медленно шевелились в пространстве. А потом сложились в знак «Тихо!».

Они уже научились понимать прола и послушно умолкли. Фома пошел вперед, не издавая вообще никаких звуков — призрак в оранжевом комбинезоне. Они приблизились к перекрестку с большим дуговым коридором и выглянули из-за угла. На небольшой площадке, выводившей к пандусу, откуда обычно открывался вид на расселину между сегментами, стоял незнакомец в белом комбинезоне и шлеме с забралом из темного стекла. В руках он держал светящийся экраном планшет, склонившись к электронной панели, вмонтированной в стену, явно сверялся с надписями на ней. Незнакомец тихо и неразборчиво что-то напевал. Закончив с планшетом, нажал на панели кнопку — в стене открылись двери лифта. Шаг — и незнакомец исчез.

Фома сделал знак, что все в порядке. Спутники вышли из укрытия. Оказалось, на площадке имелись входы сразу в несколько различных лифтов. Рик подошел к панели, чтобы изучить ее подробнее. Майя читала таблички возле каждого лифта. Вдруг панель перед Риком осветилась, и на экране возникло незнакомое лицо.

— Джонсон? — раздался слегка искаженный голос прямо из панели.

Рик бросился на пол и отполз к стене.

— Эй, Джонсон, бросай шутить! — снова донеслось из панели.

Майя с Фомой тоже присели и прижались к стене рядом.

— Рушди? Романов? А, чтоб вас!

И экран погас.

Рик шумно выдохнул.

— Становится все веселее, — подала голос Майя.

— Что будем делать?

— Будь здесь Ахмед, он бы помог нам разобраться во всех этих коммуникациях.

— Но его здесь нет, — с сожалением заметил Рик, — поэтому мы должны решить, как действовать. Что написано на табличках?

— Один лифт работает только по сектору, другой перевозит по эону, а вон тот, широкий, — Майя указала перед собой, — движется между эонами.

— Прекрасно. Пойду приложу руку.

Рик хотел встать, но Майя одернула его:

— Подожди! Ты снова торопишься, вместо того, чтобы хорошенько подумать.

Рик засопел от нетерпения.

— Если они управляют техникой, то наверняка заметят, что лифтом кто-то воспользовался, — продолжила рассуждения Майя. — Кто-то, кого они не знают.

Фома быстро закивал.

— Ты права, — признал Рик. — Я об этом не подумал.

— Извинения приняты. Будем считать, я спасла твою жизнь. — Она весело подмигнула. — Даже сейчас есть риск, что они нас видят, не знаю, правда, как.

От этих слов стало неуютно. Но деваться было некуда.

— Тогда что же? Пойдем к центру, а оттуда по лестнице до самого верха эона? — предложил Рик.

— Идея мне не по душе. Там могут быть ловушки.

— А еще твои приятели из Каппы, — Рик озадаченно почесал затылок. — Они наверно решили, что ваш отряд погиб, и выслали новый.

— И это тоже, — согласилась Майя.

Пока они решали, что делать, проходило время. Потом панель на одном из лифтов осветилась надписями, и начался отсчет. Фома удивительно ловко и высоко прыгнул, прилепившись к потолку, и притаился там, словно огромный паук. Рик быстро сообразил, как поступить, прошептал Майе план и сместился за выступ возле створок лифта. Когда все было готово и створки разъехались, неведомого пришельца ждала Майя с поднятыми руками. Затея висела на волоске, Рик мог только видеть лицо спутницы из укрытия.

— Кто ты? — раздался испуганный возглас из кабины.

— Я потерялась, — сообщила Майя, чуть не плача. — Возьмите меня с собой.

— Что ты здесь делаешь? Как сюда попала? — продолжались расспросы.

— Мне трудно сказать… — она натурально пустила слезу и начала всхлипывать. — Пожалуйста, прошу вас…

Мужчина в белом вышел из лифта, и Рик обрушил ему на голову массивный приклад оружия, полученного в подарок от Дрокки. Спустя мгновение все трое склонились над телом, с любопытством разглядывая незнакомца: белый комбинезон из толстой, будто надутой ткани, на лице дыхательная маска и очки, очень напоминающие формой окуляры прола.

— Ну и что теперь делать? — спросила Майя. — Скинем его в пропасть?

— Мы могли бы подождать, пока он очухается, и хорошенько

допросить, — Рик распрямился, — но времени мало. Смотри!

Он указал на лифт: створки бы непременно закрылись, но Фома шагнул в проем и сумел придержать их. Майя с Риком прошмыгнули в кабину и тут же бросились осматривать панель управления.

— Вот и все! — сказал Рик. — Пути назад отрезаны. Как только тот белый придет в себя, он поднимет тревогу. Скорее жми на кнопку!

— Какой этаж? — Майя подняла на него растерянное лицо. — Здесь можно набрать любой!

Большой экран мерцал надписью, предлагая поездку на этажи с первого по одна тысяча двести пятидесятый. Спутники замерли на мгновение, осознавая открывшиеся возможности. Они могли бы отправиться на самый первый этаж или совершить путешествие на крышу мира. Могли бы осмотреть этажи любого эона Термополиса. Но какой выбрать?

— Можно отправиться прямиком в центр управления, — наконец сообщила Майя.

— Нет, — Рик качнул головой. — Сектор «Дельта». Жми!

И Майя надавила нужную комбинацию кнопок.

15

Этажи скользили за стеклом так быстро, что невозможно сосчитать. Придавленные ускорением, вцепившись в широкие поручни, спутники мчались внутри кабины вверх. Десятки этажей оставались внизу, но все это было неважно, Рика с Майей волновал лишь вопрос: как преодолеть защиту первого эона?

За какую-то минуту они пролетели секторы третьего эона и оказались в необитаемом пространстве, которое почему-то сияло зеленым. Рик попытался ухватить взглядом любую примечательную деталь, но кабина уже пересекла очередную границу между сегментами и — сектор Каппа обрушился на них морем огней, промчавшись мимо как цельное, раскаленное до бела, газовое облако. И тут же свет сменила тьма — сектор Йота явил взгляду свое холодное безжизненное пространство.

Рик с Майей взволнованно переглянулись и снова уставились в окно, за которым уже проносились сегменты сектора Тета. И снова кругом непроглядный мрак. Даже спокойный всегда с виду Фома, напряженно повел головой. Рик было собрался заговорить, когда внезапный свет снаружи заставил вздрогнуть и облегченно выдохнуть: сектор Эта встретил их огромными просторными залами, наполненными людьми и необычными машинами. Затем кабина пересекла сектор Дзета, где жизнь теплилась лишь на последних этажах. Только Рик так и не понял, кто там был — люди или жалкое подобие разумных, сохранивших человеческий обличий, во всяком случае за стеклом промелькнула ожесточенная схватка между обитателями сектора. Десятки людей, не щадя, убивали друг друга…

Майя отвернулась. Рик последовал ее примеру, и оба замерли в напряжении, глядя на огромную расселину по другую сторону кабины. Уровни новой далекой секции были практически мертвы. Кое-где горели и мигали огоньки, словно маяки в ночи пространства, освещая длинный пологий выступ.

Рик подался вперед, когда кабина поднялась над выступом. Похоже, на краю стоял человек. Что он замышлял, Рик понять не успел — кабина умчалась прочь.

Они неслись вверх, пронзая пространство, словно заряд из бласта. Лифт уже скользил между первым и вторым эонами, вдали светился белым раскаленный стержень Хорды, потолок первого эона падал на них как ударный молот огромного пресса на наковальню. Мысленным усилием Рик заставил себя стоять прямо. Потолок все приближался, на нем стали хорошо заметны выпуклые металлические сегменты, широкие вентиляционные

решетки и люки, и когда кабина влетела в черный проем, продолжившийся шахтой, голова Рика очистилась от мыслей.

Он зажмурился. А потом открыл глаза.

Лифт продолжал движение. Защита пропустила их!

Пространство купалось в потоках света, который, казалось, льется отовсюду.

— Сектор Эпсилон! — взволнованно крикнула Майя.

Они преодолели тысячный этаж и летели вверх мимо уровней, наводненных людьми. И вот тут стало заметно, что кабина замедляет ход. Мимо проплывали этажи, сверкающие разноцветными огнями. Рик с Майей прилипли к стеклу — зал, через который они поднимались, был наполнен людьми. Пестро одетые мужчины и женщины, они танцевали, пили, ели и веселились под гулкие зажигательные песенные ритмы, проникавшие сквозь толстое стекло кабины. Рик никогда не видел таких счастливых лиц. В глазах каждого жителя, будь то юнец или старик, отражалось довольство, покой и сытость, на щеках — заметный здоровый румянец, все без исключения выглядели сильными, крепкими, здоровыми! Люди сидели или лежали на мягких удобных стульях и диванах, столы ломились от яств, вдоль стен виднелись длинные полки и шкафы, заставленные различными предметами…

Зал сменился новым уровнем, где в комнате за длинным столом шумело примерно два десятка жителей, они поднимали и сдвигали перед собой бокалы с золотистым напитком. Один мужчина что-то восторженно при этом говорил…

Кабина плавно скользила дальше. На другом уровне, стоя за высокой тумбой на возвышении перед залом слушателей произносил речь полноватый старик в яркой пестрой куртке. Слушатели занимали места за отдельными столиками по четыре-пять человек. Здесь, как и в предыдущих залах, они также вкусно пили, ели. Многие радостно хлопали старику и поднимали в приветствиях бокалы…

На третьем уровне разрозненные группки людей были явно увлечены различными играми, они смеялись и спорили…

На следующем уровне танцевали в прорезаемом вспышками разноцветных огней сумраке.

Потом был зал, залитый голубым свечением, с плещущимися в большом аквариуме и лежащими под яркими лампами людьми. Их разморенные негой и теплом тела лениво шевелились в парном тумане.

Дальше был зал, где под мягким светом шарообразных ламп люди, сидящие за столами, что-то внимательно изучали, некоторые беседовали между собой, делали записи или рисовали.

Была комната, где маленький мальчик складывал из разноцветных кубиков башню. Мальчик отвлекся и с любопытством посмотрел в сторону кабины лифта.

Были комнаты, где одних мужчин и женщин стригли, мыли и одевали другие мужчины и женщины; где те и другие сражались с железными человекоподобными по строению машинами, стреляя из бластов, видимо, тренируя реакцию и повышая выносливость; где смотрели движущиеся картины или целые представления…

Все эти уровни и комнаты проплывали перед Риком и Майей, заставляя биться сердца в бешеном ритме, предвосхищая встречу с еще более необычным и неизведанным. Молодые люди, зачарованные увиденным, не сразу поняли, что лифт остановился. Металлический бездушный голос объявил: «Проводится дезинфекция». Кабину обдало паром с едким неприятным запахом, но Рик с Майей не успели испугаться, газ быстро откачали насосы, и створки лифта разошлись в стороны.

Рик помедлил, глядя на Майю. Оба обернулись — Фомы и след простыл. Куда делся прол, выяснять не стали, поспешили выйти на просторный балкон. Рик все-таки не удержался, бросил взгляд в кабину, заметив, как в потолке сдвинулась и плотно прилегла крышка люка. Похоже, Фома по каким-то своим соображениям решил покинуть их компанию. Но почему?

— Рик, ну где ты там? — Майя призывно махала ему рукой, стоя у ограждения.

С боков виднелись входы в дуговые коридоры, впереди — огромный зал, в котором находилось несколько сотен человек. Одни общались, развалившись в безразмерных креслах, другие прохаживались с напитками, третьи созерцали каменных истуканов на подиумах или картины на стенах. Играла музыка — тонкими, мелодичными переливами, каких Рику никогда не доводилось слышать прежде. Здесь было тепло, но не жарко, здесь кожу на лице приятно ласкали прохладные, но не ледяные потоки воздуха. Это было царство красоты, гармонии и умиротворенности.

Рик и Майя стояли, не шевелясь и глупо улыбаясь, пока внимание не привлек шорох шагов в стороне. В одном из дуговых коридоров появилась группа людей в золотисто-белых одеждах. Группу сопровождали вооруженные охранники в алом. Выйдя на балкон, вперед выступил высокий лысый мужчина с вытянутым лицом и большими серыми глазами.

— Добро пожаловать, — сказал он.

Все выглядело так, будто Рика с Майей здесь ждали и знали об их прибытии заранее. Может, Дрокка был прав и умолчал о чем-то? Рик нервно сглотнул. Его волновало исчезновение Фомы,

ему не нравились вооруженные охранники в алом, он не знал, чего ждать от незнакомцев, как их примут, что говорить…

Немного оправившись от неожиданного приветствия, он внезапно понял, как сейчас выглядит в глазах этих людей: в грязном комбинезоне, пропитанном запахами нечистот и слизи, нечесаный и небритый, с диким, затравленным взглядом, словно животное. С устрашающим бластом наперевес…

— Мы… — заговорил Рик и стушевался, сделал вид, что закашлялся.

— Вы проделали трудный путь, — вновь заговорил лысый с уважением. — Поэтому вам надо отдохнуть и привести себя в порядок. — И, не терпящим возражений тоном, добавил: — Прошу, следуйте за мной.

Их провели прямо в зал. Они шли, оглядываясь по сторонам, и все эти лучезарные люди в золотистых одеждах с любопытством рассматривали их. Рику стало неприятно, не потому что на них смотрели, как на недалеких дикарей или варваров, все дело в том, что во взглядах чужаков читалось сочувствие. Искреннее сочувствие, и это почему-то злило и настораживало.

Они покинули зал и по разрисованной красивыми жизненными сценами галерее перешли в комнату, уставленную круглыми столами с белоснежными скатертями, где ждали другие люди с участливыми взглядами.

— Садитесь, — сказал лысый и сделал знак обслуге, которая тут же поднесла блюда с дымящейся и вкусно пахнущей похлебкой.

На тарелках в придачу перед ними поставили неизвестные, но аппетитные на вид фрукты. Рик смотрел и едва сдерживался, чтобы не наброситься на еду. Судя по лицу Майи, с ней творилось то же самое.

— Чего же вы ждете? — озадаченно сказал лысый. — Пожалуйста, угощайтесь. Мы не будем вам мешать.

И все молча удалились, оставив их одних в большой комнате.

— Великая Ось, — вырвалось у Майи, и ее руки метнулись к сочному красному плоду, зубы впились в сладкую мякоть, откуда брызнул сок.

Рик не заставил себя ждать, накинулся на похлебку, при этом надкусил и попробовал каждый фрукт, оставленный на тарелке рядом. Они ели и пили, улыбаясь друг другу, забыв обо всем. Похлебка и фрукты были просто восхитительны. Наконец, подчистив все тарелки, оба блаженно откинулись на спинки стульев и рассмеялись.

— Я не могу встать, — простонала Майя, закатив глаза от удовольствия. — И не хочу.

Навалилась сонливость. Рядом неслышно оказалась прислуга, которая заменила опустевшие тарелки на столе горячими напитками и сладостями. Рик с Майей, не раздумывая, умяли каждый свою порцию, после чего их пригласили пройти в соседние комнаты, где были застелены мягкие чистые постели, и сообщили, что это теперь их личные апартаменты. Рик поблагодарил прислугу и для начала исследовал комнату. На прикроватной тумбочке он обнаружил мыло и чистое полотенце, тут же имелся отгороженный занавеской закуток, где располагалась раковина и тесная душевая кабина. Рядом на стуле висела новая одежда.

Постучавшись и спросив разрешения, в комнату вошла миловидная женщина и попросила Рика отдать ей грязный комбинезон, чтобы постирать. Следом явился низкорослый мужчина и предложил примерить одежду, после чего снял с Рика мерки и пообещал подогнать одежду по размеру.

— Этот вам сейчас на время, — сказал мужчина. — Потом сошьем нормальный костюм.

Рик смотрел на себя в зеркало. Его новый белый костюм состоял из брюк, рубахи и накидки, хитро крепившейся золоченой запонкой на плече. Заметив в отражении свой бласт, брошенный у кровати, Рик оглянулся: бласт показался уродливым черным обломком, дубиной дикаря, неуместной в этих стенах. Расставаться с оружием не хотелось, да никто вроде и не просил, и Рик сдвинул его под кровать.

Потом пришел мужчина с ножницами и расческой, представился парикмахером и подстриг Рика ровно так, как попросил Рик; красиво и аккуратно уложил прическу и надушил каким-то благовонием.

Рик не утерпел и решил наведаться к Майе в соседнюю комнату. Она тоже даром времени не теряла, оказалось, за ней тоже ухаживала прислуга. Зайдя в комнату к Майе, Рик не узнал спутницу: белое платье подчеркивало фигуру, пышные золотисто-рыжие волосы были собраны в пучок на затылке, на шее блестело золотом ожерелье, на кистях — браслеты, украшенные мутными синими камешками.

Молодые люди удивленно разглядывали друг друга, не в силах ничего сказать.

— Ты выглядишь… — наконец выдавил Рик. — Очень красиво.

И смущенно покраснел.

— Спасибо, ты тоже. — Майя с интересом смотрела на него. Ее глаза блестели от радости и восторга. — Тебе идет.

— Все в порядке?

— Вроде бы да.

Они замолчали. В дверном проеме возник уже знакомый Рику мужчина из обслуги, сказал:

— Вы готовы?

Оба кивнули, и мужчина продолжил:

— Тогда пойдемте со мной к Председателю.

Рик попытался расспросить провожатого, кто такой Председатель и о чем будет с ними говорить, но всякий раз получал стандартный ответ: «Вам все объяснят со временем».

Провожатый привел их на балкон над расселиной между сегментами сектора, где ожидал встретивший их у лифта лысый мужчина с вытянутым лицом. Но на этот раз он был один и без охраны.

— Вот и вы, друзья мои, — начал он. — Рад снова видеть вас. Меня зовут Париж.

Рик и Майя по очереди представились.

— Очень приятно, — отозвался Париж. — Вы сразу мне понравились, с первого взгляда. В вас чувствуется сила. Впрочем, только такие люди и смогли бы добраться сюда.

— Мы не на прогулку вышли, — заявил Рик. — И вы это прекрасно знаете. Спасибо за еду и отдых, за всю эту красоту, — он щелкнул себя по манжете, — но нам нужно решить важную проблему.

— Вы совершенно правы, Рик из Омикрона. Или, может, Рик Омикрон? Мне было бы удобнее так вас называть. А вас, милая девушка, соответственно — Майя Каппа.

Рик кивнул.

— Как хотите, — пожала плечами Майя. — Мне все равно.

— Отлично, — продолжил Париж. — Я готов оказать вам любую помощь.

Он развел руками, демонстрируя добрые намерения.

— Нам нужно в архив, — потребовал Рик. — Сейчас же.

— Хорошо. Как скажете. — Париж улыбнулся и повел их по балкону к Хорде.

Рик пришел в замешательство — все получилось слишком просто. Он не сводил глаз с Парижа, который стал рассказывать им устройство первого эона и сектора Эпсилон.

Первый эон, как и другие четыре, состоит из пяти секторов: Альфа, Бета, Гамма, Дельта и Эпсилон. На самом верху располагается ангар и посадочные площадки для летательных аппаратов, обсерватория, смотровая площадка, а также техника для связи с внешним миром, которая пока не работает. В секторе Бета древние зодчие установили энергетические генераторы для получения солнечной и ветровой энергии. Эти комплексы

настолько мощные, что обеспечивают энергией весь эон. Там же есть накопители влаги. Третий сектор — это центр управления Термополисом. Туда поступают все данные со всех эонов и других секторов. Операторы постоянно отслеживают состояние внешней оболочки, теплосетей, водоснабжения и прочие жизненно важные показатели. В четвертом секторе, куда Председатель вел сейчас Рика и Майю, помещаются научные лаборатории для исследований, архивы и базы технических данных. Кроме того — библиотека и медиатека, содержащая в себе миллионы единиц информации, созданной древними людьми. Ученые Эпсилона годами работают в архивах, изучая каждую крупицу информации. Наконец, сам Эпсилон — функционально предназначен для проживания и отдыха.

Пока Париж рассказывал, они достигли перехода, выводившего к колодцу Хорды, подошли к лестнице, ступени которой сами двигались вверх. Рик скрыл удивление и взошел на лестницу вслед за Парижем и Майей.

— Эскалатор, — так назвал самодвижущуюся лестницу Париж, — доставит нас в архив за несколько минут.

— Где вы берете пищу? — поинтересовалась Майя.

— О, у нас для этого имеется все необходимое! — улыбнулся ей Париж. — Я с удовольствием проведу вас по каждому этажу всех четырех сегментов и покажу, как живет наш сектор. А потом, если пожелаете, мы будем подниматься с этажа на этаж, пока не достигнем крыши.

Рик смотрел на этого лысого мужчину и не знал, как себя вести. Париж искренне радовался им, словно давно ждал в гости и ему не терпелось похвастаться здешними достопримечательностями. Стоило взглянуть на какую-нибудь конструкцию или уровень, как Париж перехватывал взгляд и принимался увлеченно рассказывать о назначении вещей, пока внимание гостей не переключалось на что-то другое. Пару раз Рик пересекался взглядами с Майей, но понять ее реакцию на происходящее так и не смог.

Эскалатор змеился вверх по внутренней стене колодца Хорды. Рик глянул вниз, в пропасть, окутанную тьмой. Снизу еле слышно доносился гул. Хорда убегала в пространство белым столбом света, от созерцания которого начинали болеть глаза.

Заметив интерес Рика к Хорде, проницательный Париж сказал:

— Уже три дня, как ось ожила. Операторы отметили активацию внешнего контура — воздухозаборники закрылись, внешняя стена стала нагреваться. Вам что-нибудь известно об этом?

— Хотели бы сами знать, — задумчиво пробурчал Рик.

Париж кивнул:

— В таком случае мы займемся этим вопросом сразу, как только закончим в архиве. Нам многое нужно поведать друг другу.

Здесь Рик был с ним полностью согласен.

Эскалатор поднимал их все выше, и вот уже миновали жилые уровни Эпсилона. На смену экранированным плоскими окнами этажам пришли стены с овальными выпуклостями, разделенными на равные сегменты. Овалы мигали разноцветными огнями, разгораясь и затухая в сложном ритме. Рик глянул вверх: овалы делали внутреннюю поверхность колодца ожившей мозаикой, фрагменты которой постоянно складывались в узоры и цветовые пятна.

— Центральный компьютер, — пояснил Париж. — Мозг Термополиса. Обрабатывает всю поступающую с датчиков извне и внутри информацию, архивирует ее и отдает команды. Все действия автоматики лежат на нем.

Они слышали доносившееся из глубины стен потрескивание. Изредка между двумя соседними овалами пробегала молния.

— Элементы памяти под напряжением. Прикасаться не стоит, иначе превратитесь в угли.

— А если машина сломается? — спросила Майя.

— Лучше об этом не думать, — отозвался Париж. — На весь сектор найдется с десяток человек, которые знают, как устроен компьютер, но даже им потребуется половина жизни, чтобы отыскать поломку и устранить ее.

— Но машина не может работать вечно, — сказал Рик. — Любая машина имеет срок годности.

— Верно. — Париж как-то странно взглянул на него. — Но этот компьютер сделан так, чтобы исправлять самого себя. Он самодостаточен: там, внутри, работают маленькие машины, похожие на насекомых. Древние все предусмотрели. Кстати, потом я покажу вам обзорные окна, выходящие наружу. Хотите посмотреть на внешний мир?

— Это очень любопытно! — поддержала Майя, умолчав о том, что однажды им довелось бывать снаружи.

— Решено!

Эскалатор доставил их в пункт назначения. Париж провел спутников под арку с незнакомым Рику иероглифом, и они оказались в коридоре, стенами которому служили стеллажи высотой в несколько уровней, снизу доверху уставленные продолговатыми предметами, похожими на кирпичи, разных форм и цветов. Париж подошел к ближайшей полке и вынул один

такой кирпич. На деле оказалось, что кирпич можно раскрыть, и внутри находятся сшитые между собой листы бумаги, испещренные мелкими буквами.

— Это книги — устаревший носитель информации, — сказал он. — Древние записывали в них свои знания.

Майя провела пальцем по корешкам и прочитала вслух надпись с одного:

— «Овидий. Наука любви».

Они пошли дальше, разглядывая стеллажи, в которых теснились легионы книг. Казалось, им не будет конца. Стеллажи убегали в пространство по сторонам, и легко можно было затеряться в этом однообразном лабиринте, достаточно шагнуть в сторону и потерять из вида спутников.

Наконец, они вышли на открытое пространство и очутились в зале, заставленном столами со светильниками. В зале висела звенящая тишина, за разными столами Рик насчитал троих незнакомцев. Они склонились за чтением книг, не обращая внимания на пришельцев. Только один на миг поднял голову и вновь углубился в чтение.

Париж, не говоря ни слова направился к широкой лестнице, которая уводила на верхний застекленный уровень, и Рик с Майей, тихо ступая, поспешили за ним.

И снова они очутились в лабиринте стеллажей, только конструкции теперь изменились, стали полукруглыми и чуть меньших размеров; на полках вместо книг громоздились коробочки с дисками, весьма схожие с теми, которые Рик с Майей уже видели в комнате, где просматривали ожившие картины. Но Париж даже не думал останавливаться, миновав галерею, он провел спутников через коридор с вереницей белых дверей по обе стороны от прохода. Двери имели порядковые номера и надписи. Рик прочел с одной стороны: «Астрономия», «Физика твердых тел», «Биохимия», «Бактериология». С другой стороны были надписи: «Социология», «Макроэкономика», «Статистика», «Философия». Одна дверь была приоткрыта, Рик притормозил возле нее — взгляду открылась комната, уставленная рядом кресел с небольшими экранами над подлокотниками. Париж прошел мимо и остановился возле двери с табличкой «История».

— Что вы хотите знать? — поинтересовался он.

Рик и Майя переглянулись и ответили хором:

— Всё!

Париж улыбнулся.

— Примерно такой ответ я и ожидал. Но «всё» за сегодня узнать не получится.

— Мы понимаем, — сказал Рик. — Мы хотим знать, что такое

Термополис. Всю правду.

— Хорошо.

Они зашли в комнату. Париж усадил их в кресла. Рик почему-то подумал, что сейчас они находятся в полной власти этого человека, но показать свои чувства и тем более противиться чему-либо не стал. Париж дал им проглотить по фиолетовой пилюле и пояснил:

— Для улучшения мозговой активности. Это поможет вам хорошо все понять и усвоить. Сейчас я подсоединю к вашим вискам и лбу электроды, а на голову следует надеть шлем с очками, и вы увидите цветную живую картину. Это не больно. Правда, потом может возникнуть легкое головокружение. Смотрите: я набираю на панели «Термополис». Машина выдает список результатов: «Термополис. Технические данные», «Термополис. Демография», «История Термополиса» и многие другие. Нас интересует история. Выбираем. Сейчас фильм загрузится. Вам он может показаться долгим, но это из-за действия стимулятора, той самой пилюли. Я буду рядом. Приятного просмотра.

Париж ушел. Рик взглянул на Майю. Она нервно покусывала губу, раскрасневшись от возбуждения. На большом настенном экране появилась надпись: «Фильм загружен. Наденьте шлем».

И Рик выполнил команду.

16

Человек был велик в своем могуществе. Он трансформировал мир, в котором жил: строил города, менял русла рек, возводил плотины, стесывал горы до основания, насыпал в море острова и осушал водоемы, он наводнял пустыни оазисами и превращал в моря ледяные континенты.

Человек был велик, и все, к чему прикасался, несло на себе его печать. Особенно города, иные из которых стояли тысячи лет с тех пор, как их бросили.

Когда человечество стало глобальной цивилизацией и заселило планету, творения рук человеческих достигли небывалого размаха. Человек забрался на вершины самых высоких гор, опустился в глубочайшие впадины мирового океана, побывал на спутнике Земли и соседней красной планете и наконец вышел за пределы Солнечной системы.

В те времена жил один из самых великих архитекторов, главное творение которого сопоставимо с древними пирамидами Хеопса.

Звали его Архимед Спанидис.

Архимед прослыл настоящим мастером своего дела, потому что умел возводить дома по любым заказам и в любой точке земного шара. Все его творения отличались оригинальностью и прочностью, и невозможно было спутать их ни с одним другим зданием. К строительству он подходил как к творению божества, отдаваясь процессу целиком.

Еще с юности, бродя среди руин афинского Парфенона в родной Греции, он решил бросить вызов вечности — превзойти все существующие достижения в области мировой архитектуры и построить такое здание, чтобы даже после гибели человечества оно осталось незыблемо.

Шли годы. Юноша рос и учился тонкостям архитектурного искусства. И постепенно, по мере накопления знаний и опыта, его план обретал все более четкую картину. Это была уже не мечта, а проект, который из разрозненных зарисовок и расчетов, начал складываться в определенную схему.

Архимед Спанидис всю жизнь шел к достижению своей цели. Его проект получил название Термополис. Вдохновленный древнегреческими легендами об олимпийских богах и культурой жизни полисов, Архимед решил создать рукотворный Олимп — гигантское автономное здание-город, совершенное в своем инженерном исполнении. Это была полая гора, начиненная всем, что необходимо человеку для нормальной жизни. Архимед лично

работал над чертежами, продумывал и просчитывал каждую деталь, каждый элемент будущей постройки, от фундамента до вершины башни.

Когда работа над чертежами завершилась, он отправил заявку на все архитектурные конкурсы, какие проводились в разных странах мира. Он ездил на конференции, симпозиумы, круглые столы и каждый раз представлял публике свой грандиозный проект, без устали доказывая, что он возможен и осуществим.

Но никто не верил архитектору.

В лучшем случае его внимательно слушали, кивали и вежливо отказывали. В худшем — смеялись. Снова и снова он терпел неудачу. Между тем шли годы, Архимед терял драгоценное время, отведенное ему природой, прекрасно понимая, что никто другой никогда не сможет реализовать дело его жизни.

Однажды он сидел дома на веранде и в унынии смотрел на Эгейское море, когда зазвонил телефон. Голос в трубке произнес:

— Я дам вам деньги на постройку Термополиса.

Поначалу Архимед решил, что это розыгрыш, и хотел повесить трубку, но тот же голос уже со стальными нотками добавил:

— Это мое первое и последнее предложение.

Звонившим оказался юный арабский миллиардер, внук шейха Махмуда ибн Аль Сади — Мада Максуд. Юноша унаследовал от богатого деда огромное состояние, но вместо того, чтобы его приумножить, решил распорядиться деньгами по-иному. Когда архитектор и миллиардер встретились, Архимед не смог удержаться и спросил:

— Почему?

Максуд улыбнулся:

— Деньги и состояние сами по себе не стоят ничего, и от них ничего не остается. Человек должен оставить после себя что-то более значимое, чем счета в банках.

— Понимаю вас.

Когда партнеры обговорили стоимость строительства и самые важные вопросы, Максуд сказал:

— У вас будет финансирование. Но я выставляю одно условие.

Архимед был готов к такому повороту. Он знал, что юноша потребует что-нибудь, но достигнутая цель так ослепила его, что он готов был согласиться на любое преступление, на любую жертву ради своего великого проекта. Максуд озвучил условие и добавил:

— Обязательно. Клянитесь!

Архимед, удивленный, поклялся выполнить условие. И он его выполнил.

Вскоре началось строительство. Архимед нанял огромный штат строителей, подрядил сотни фирм, провел переговоры с целой армией специалистов, тщательно выбрал место под стройку и возвел вокруг нее целый город, чтобы разместить там всех рабочих. Конечно, ему хотелось, чтобы проект остался в тайне до самого конца, но строительство такого масштаба очень трудно не заметить. Известия о великой стройке пролетели по всему миру, и к месту возведения Термополиса потянулись журналисты, инвесторы, искатели приключений, религиозные фанатики, политики, мошенники и аферисты всех мастей. Хотя предусмотрительный Максуд выкупил огромный участок земли и оцепил его, как частную собственность, целой гвардией охранников, за ограждение постоянно кто-то прорывался. Впрочем, это не мешало строителям работать над проектом.

Архимед ликовал.

Мечта всей его жизни воплощалась в реальность. Правда, мгновения радости быстро сменились часами раздумий над различными проблемами. Трудности возникли с первых дней строительства. Но как только архитектор решал одну проблему, тут же возникало две новых.

Все началось с закладки фундамента. Архимед понимал, что ни один самый прочный фундамент не вынесет такую колоссальную нагрузку. Нужно что-то принципиально новое. Но времени на исследования не было, поэтому он привез ведущих инженеров планеты, поставил им задачу, и они стали ее решать прямо на месте. Путем проб и ошибок, постепенно, пока велись подготовительные работы, группе архитекторов удалось решить сложную задачу. Были спроектированы четыре крыла, которые, опираясь друг на друга, решили бы проблему распределения тяжести и давления опорных конструкций. Чтобы строение не рухнуло, в фундамент залили тысячи жидких свай особой модификации — они расширялись в объеме и проникали в грунт наподобие корней дерева.

Именно тогда, наблюдая за заливкой свай с борта вертолета, Архимед убедился в давно дремавшей догадке, которая озарила его во всей своей четкости: Термополис нужно не построить, а *вырастить*. Как саженец в саду.

Первый камень заложил Максуд.

Через год он смертельно заболел. Спустя еще полгода борьбы, все-таки покинул этот мир. Ходили слухи, что перед смертью Максуд оставил некое тайное послание, но никто так и не смог его найти. Архимед унаследовал по завещанию все состояние

шейха. Тут же против него подали иски родственники. Разгорелся скандал, который угрожал перерасти чуть ли не в международный политический конфликт. Влиятельные арабы грозили санкциями стране, разрешившей строительство гигакомплекса на своей территории. Сюжеты о стройке и архитекторе не покидали выпусков новостей. Архимеда донимали журналисты. В конце концов, он был вынужден разорвать все контакты с внешним миром и целиком сосредоточиться на строительстве. Связями с внешним миром занимался его брат, греческий адвокат.

Иск, поданный против Спанидиса в международный суд, должен был рассматриваться в течение года. На арабов работал целый штаб юристов, которые вознамерились не только взыскать наследство и издержки, но и привлечь архитектора к ответственности за якобы шантаж молодого шейха. Брат Архимеда блестяще отражал все атаки, опираясь на документы, из которых следовало, что соглашение было заключено по доброй воле. Но государство-резидент под давлением отказалось от протектората и потребовало от Архимеда прекратить стройку.

Положение становилось угрожающим. Притом, что Архимед даже не приступил к постройке первого этажа. И брату пришла в голову любопытная идея:

— Что, если признать твое здание суверенной территорией?

— Но как это избавит нас от проблем? — не понял Архимед.

— Ни одно государство не может ограничивать суверенитет другого. А значит, претензии к нам отпадут: из частного собственника ты превратишься в главу пусть и маленькой, но независимой страны под названием Термополис.

— Но я же не могу быть единственным гражданином этой страны!

— А ты и не будешь. Пора, братец, придумать миссию для твоего проекта.

И, пока подводили коммуникации, рыли котлованы для нулевого, подземного уровня, Архимед принялся обдумывать предназначение своего детища. На следующий день он провел большую пресс-конференцию, где сделал доклад, который вошел в историю.

Архимед говорил о стремительно развивающейся человеческой науке, о прогрессе, совершенстве техники. Архитектор озвучил главные проблемы века — экологические катастрофы, военные конфликты, экономический кризис, перенаселение планеты. Рост человечества повлечет за собой массовый голод и новую мировую войну, предупреждал Архимед. Но выход есть, и он гораздо проще, чем кажется.

Термополис.

Город-здание. Огромный автономный гигакомплекс, способный вместить в себе до двух миллионов человек, то есть население небольшой агломерации. Комплекс, где есть все, что нужно человеку для нормальной полноценной жизни. Если не вдаваться в технические подробности, Термополис поможет решить проблему жилья, занятости, продовольствия, обеспечения одеждой, досуга и множество других вопросов без посторонней помощи. Архимед запустил интерактивную презентацию своего проекта, подробно рассказывая о каждом уровне, каждом секторе этого огромного здания. А под конец заявил:

— Я приглашаю всех, кто хочет обзавестись дешевым жильем со всеми удобствами, приобретать его в Термополисе за скромную цену, которая со временем будет только увеличиваться. Более того, те, кто захочет приобрести в Термополисе место, станут гражданами этого маленького государства, со всеми правами, гарантиями и обязанностями. Вы не будете нуждаться ни в чем.

Никто не выказал особого желания. Единицы чудаков-богатеев подали заявки, но тем все и ограничилось.

Архимед не огорчился — он ожидал такой реакции. И пока длились судебные тяжбы, волокита с документами, бесконечные переговоры, он смог сосредоточиться на работе.

На строительство Термополиса ушло сорок лет.

Первые пять лет проводились самые трудные и технически сложные работы. Завершив конструкцию нулевого уровня, на него уложили подушку фундамента и стали очерчивать контуры будущего здания. Чем шире плоскость, тем ниже давление на основание — этот простой закон был применен и здесь. Согласно генеральному плану, Термополис имел форму усеченного ступенчатого конуса, состоявшего из пяти сегментов — эонов, которые в свою очередь делились на пять секторов. Итого двадцать пять секторов по пятьдесят этажей в каждом, то есть в сумме одна тысяча двести пятьдесят этажей или пять с небольшим километров в высоту.

Рукотворный Эльбрус.

Каждый сектор имел свое предназначение, учтенное в неразрывной связи с другими секторами, и составлял с ними вместе единое целое — гигантский жилой комплекс. Секторы были спроектированы с двойными целями: как элементы всего здания-системы и как мини-автономные системы, способные просуществовать некоторое время в изоляции.

Вторая пятилетка ушла на строительство пятого эона — их отсчет решено было начинать с верха, такова была воля

Архимеда. На этом этапе архитектор подключил ведущих специалистов-энергетиков, связистов, конструкторов и многих других, щедро оплачивая их труд. К месту стройки тянулись целые караваны с сырьем, потому что везти готовые изделия было трудно, дорого и опасно. Город вокруг места возведения оброс заводами и фабриками со своей администрацией, налогами и отрядами безопасности.

Следующие десять лет Архимед возводил четвертый эон. Это был сложнейший этап, поскольку требовалось соединить вместе четыре крыла и корпус здания в неразрывный каркас, который бы не рассыпался от землетрясения и устоял при наводнении. К тому времени башня достигала около километра в высоту и уже привлекала к себе внимание издали, словно одиноко торчащая посреди равнины гора. Смех и издевательства над Архимедом как-то незаметно поутихли. Общества всех стран хотели знать, что происходит на месте стройки. Но Архимед отвернулся от людей и больше не желал давать никаких комментариев, кроме официальных пресс-конференций, которые планировалось устраивать по окончании строительства очередного эона.

И когда пятидесятилетний Спанидис провел вторую конференцию, мир наконец-то понял, что он не шутит. На строительную фирму Архимеда обрушилась лавина заявок о принятии в гражданство Термополиса. Но лимит оказался быстро исчерпан. Количество заявок в сто двадцать раз превысило вместимость комплекса: двести сорок миллионов человек пожелало стать гражданами Термополиса. В итоге, была создана общая база данных. Специально набранная команда отбирала претендентов по засекреченным параметрам, о которых знал круг избранных. Спанидису были нужны не просто люди, а люди определенного происхождения, расы, склада ума, пола, возраста, образования, рода занятий. Предложение стать гражданином города-здания могло поступить к любому жителю Земли, если команда Архимеда считала его подходящим. Любой мог стать обитателем Термополиса — равными шансами обладали бедняки в индийских трущобах и зажиточные обитатели особняков где-нибудь в Швейцарии.

Возведение Термополиса стимулировало развитие инженерной науки. Именно на месте стройки была изобретена масса новаторских приемов соединения каркасов, создан новый строительный материал — металлопласт, применены технологии строительного выращивания, когда каркас не соединялся из отдельных элементов, а наращивался путем холодного плавления материала, что обеспечивало монолитность структуры. Специально для внутренних стен разработали модели блоков —

универсальные, с крепежами, поручнями, отверстиями, как для игрушечного конструктора. Это позволяло собирать блоки в любой последовательности и согласно плану текущего строительства. Аналогично были смоделированы пластины для внешней отделки. Все элементы постройки отвечали стандарту, разработанному в бюро Архимеда, и, кроме инженерных свойств, содержали характерный рисунок символов. Это мог быть круг или треугольник, крест или квадрат — то, что посчитали нужным в бюро.

Химический состав центрального стержня здания оставался в секрете. Некоторые объекты также имели ограниченный допуск, и служба безопасности тщательно проверяла всех, кто трудился там.

Третий эон возводился быстрее четвертого — шесть лет. Секторы собирались долями — из четырех сегментов, которые подтягивались к вертикальному стержню и соединялись между собой надежными балками-перекладинами, образуя огромное внутреннее кольцо вокруг главного стержня толщиной в двести метров. Секторы ложились один на другой и крепились к стержню, а также по периметру, напоминая пирамиду. Пока одна армия строителей наращивала уровни, другая покрывала нижние эоны тремя слоями внешнего контура, обеспечивая полную изоляцию внутреннего пространства от воздействия внешней среды. При строительстве использовались вертолеты, подъемные краны, лебедки, внутренние лифты, а также экзоскелеты — строительные машины, имеющие антропоморфный каркас и управляемые оператором в кабине.

Второй эон возводился четыре года.

Первый, верхний эон, самый малый по объему, строился пять лет.

Термополис обрел свои контуры и стал заметен за десятки километров, напоминая издали гигантский сталагмит. Кто-то сравнивал его с египетскими гробницами, где похоронят заживо тысячи людей, кто-то называл людским термитником, иные — Ноевым ковчегом. Каждый наблюдатель находил в Термополисе что-то свое. Постройку уже никто не считал причудой. Все сходились во мнении, что это — новое чудо третьего тысячелетия.

Заключительные пять лет ушли на внутреннюю отделку, прокладку коммуникаций, лифтов, связи и размещение сложной техники. Строителей сменили инженеры и наладчики, а их — специалисты в еще более сложных областях. Термополис словно губка вбирал в себя частицы человеческой культуры, стремясь суммировать их и повторить в уменьшенной копии. Туда свозились книги, произведения искусства, древние экспонаты,

уникальные предметы, различные виды техники, образцы горных пород, почвы, представители растительного и животного мира — все, чем располагала планета и само человечество.

К моменту завершения строительства Архимеду исполнилось семьдесят два года. Он плохо видел, страдал от артрита и гипертонии. Он чувствовал приближение конца, но еще не обрел покоя, потому что не завершил последние дела, связанные с Термополисом. Когда отгремели все фейерверки в честь открытия здания, когда прошли вечеринки и прочие официальные церемонии, государство Термополис провозгласило себя окончательно состоявшимся и полностью независимым от внешнего мира. Отобранные кандидаты — новые граждане съезжались в башню со всей планеты.

Но строительные работы продолжались. В последних уровнях еще трудились рабочие, и последние партии техники еще поступали в ангары. Термополис ожил: его сердце — генераторы — были запущены, его легкие — система вентиляции — нагнетала по трубам воздух, его глаза, уши и нос — автоматические системы — принимали и обрабатывали поступавшие данные. Но самым главным была его кровь — жители.

Дата смерти Архимеда Спанидиса неизвестна. Спустя год после запуска своего детища он бесследно исчез. Сын великого архитектора рассказывал, что в последние дни его отец был задумчив и часто сидел на балконе, разглядывая звездное небо.

Архитектор осуществил свою мечту.

Мечта стала реальностью не только для него, но и более чем двух миллионов людей, которые обрели новый шанс в жизни. Великий Термополис и сейчас стоит, всем своим видом давая понять, насколько могуществен человек.

17

Когда фильм закончился, в комнату вернулся Париж и повел гостей дальше.

Он любезно объяснял все, что знал, и отвечал на задаваемые вопросы, но Рик возвращался мыслями к архиву, к тому первому мгновению после просмотра фильма, когда не мог понять, где находится, а потом, заметив растерянное лицо Майи, потянулся к ней, как младенец тянется к матери, завидев ее после пробуждения. Девушка тоже протянула к Рику руки, и они неуклюже обнялись, чуть не вывалившись из кресел. Это был забавный и приятный момент, и Рик улыбался воспоминанию, следуя за Парижем по коридору.

Вскоре они подошли к наблюдательному посту центра управления Термополисом.

Большая часть зала, где располагался пост, оказалась заброшена. Людям Эпсилона не хватало специалистов, чтобы уследить за всеми мониторами и терминалами. Операторы занимали едва ли четверть мест в главном зале, все пространство которого состояло из экранов и контрольных панелей.

Посреди зала мерцала трехмерная голограммная модель Термополиса, подсвеченная из центра круглого стола. Сейчас она мерцала синим. Если случится авария, объяснил Париж, это место окрасится красным. Синяя подсветка означает, что комплекс находится в спящем режиме. Но сейчас в схеме стали проступать зеленые линии — ими осветилась Хорда и контуры колодца. Это произошло из-за действий кого-то с нижних секторов — именно там запустили программу «Уран».

— Что это такое? — спросил Рик о программе.

— Нам неизвестно. Эта информация засекречена, и никто из наших жителей не может получить к ней доступ.

— Председатель, скажите, а почему вообще Термополис стал таким, если он задумывался как город-крепость? — заговорила Майя. — Целые секторы погружены в темноту и находятся в запустении. Как это случилось?

— Все произошло из-за чумы. Эпидемия проникла сюда из внешнего мира, и, чтобы предотвратить ее распространение, секторы были автоматически изолированы. А потом кто-то выключил генераторы.

— Что это была за чума? — Рик многозначительно переглянулся с Майей, которая когда-то рассказывала ему о болезни, поразившей жителей Термополиса.

К Парижу подошел помощник и быстро шепнул что-то на ухо.

На долю секунды лицо Председателя накрыла тень, но он быстро взял себя в руки и кивнул.

— Мы не знаем точно, что произошло, потому что после чумы во всем мире начался хаос. Никто не документировал происходящее. Нашим историкам известно: никто не придал эпидемии значения, пока болезнь не охватила человечество, словно пожар. Когда поняли всю серьезность положения, было слишком поздно. Инфекция поражала человеческий мозг и уничтожала нейроны — мозговые клетки, превращая людей в тупых животных. Кто-то умирал сразу, другие мучились от нестерпимой боли. Считалось, что болезнь заразна, но как передается вирус, выяснить не удавалось. По всему миру ввели карантин, но это не помогло. На исследования требовалось время, которого не было. Вскоре больные появились и здесь. Их становилось больше с каждым днем, пока болезнь не начала распространяться по секторам. Тогда Президент Термополиса принял решение — закрыть башню и ввести жесткий карантин по всем секторам. Эпидемия вроде бы приостановилась, но потом вспыхнула с новой силой. Это было страшное время. Обезумевшие больные метались по коридорам, не зная, как унять боль. Они кидались на здоровых, крушили все, что попадалось под руку. Это были животные — дикие, злобные, бешеные звери.

Правительство Термополиса пошло на отчаянные меры — изоляцию секторов. Были перекрыты все пути сообщений. Люди общались между собой по внутренней связи. Долго так продолжаться не могло. Потом вспыхнули мятежи. Секторы выходили из-под контроля. В одних считали, что надо выбираться наружу, другие прекратили общение и отключили связь. Третьи провозглашали собственную независимость и винили во всех бедах соседей.

Париж говорил все это, глядя на голограмму башни над столом. Затем повернулся и закончил рассказ:

— Общество Термополиса распалось на фракции. Всюду царил страх перед чумой. Выжившие долгое время боялись выходить наружу. Каждый сектор выживал как мог. Нам повезло чуть больше — у нас есть энергетические установки и автономный цикл жизнеобеспечения. Наверно, это и спасло нам жизнь.

— Чума отступила? — с напряжением выдохнула Майя.

— Она исчезла. Последний больной умер много столетий назад. И мы молимся, чтобы такого не повторилось. — Париж взглянул на Рика. — Вы хотели осмотреть центр управления. Вот он. Я с радостью отвечу на любой вопрос.

Рик смотрел в зал, мигавший огоньками контрольных

панелей и мониторов. Их путешествие закончилось, здесь и сейчас. Оставалось сделать последний шаг.

— Нам говорили, что сюда невозможно попасть. Что эон надежно защищен.

— Это так.

— Зачем? — уточнил Рик. — Я хочу сказать, к чему отгораживаться от остального мира, если чума давно прошла?

— Может быть затем, чтобы сохранить остатки разумной расы, — сказал Париж. — Система существует и стабильна.

— Но ведь внизу тоже живут люди, и не все из них — чудовища.

— Совершенно верно. И они — тоже часть системы.

— Я не понимаю…

— О боги! — Майя прикрыло рот ладонью.

— Кажется, милая Майя Каппа догадалась раньше тебя, — произнес Париж с грустной улыбкой. — Она — умная девушка.

Возникла пауза, в которой кто-то из операторов отчетливо произнес:

— Сектор Тета. Угроза прорыва магистрального трубопровода, вероятность семьдесят процентов. Автоматика работает в штатном режиме. Техников прошу проконтролировать ситуацию и доложить.

— Не будем им мешать, — предложил Париж и направился к лифту.

Рик с Майей последовали за ним.

— Председатель, я не… — начал было Рик.

— Дорогой Рик Омикрон, — Париж резко обернулся, впервые повысив голос. — За последние сутки вашего пребывания здесь ты ни разу не поинтересовался тем, чем задался бы любой нормальный человек на твоем месте. Милая Майя вежлива, потому что отводит тебе ведущую роль, иначе она бы давно спросила, откуда я знаю ваши имена, почему я собственно зовусь Председателем и где председательствую.

Они вошли в лифт, Париж нажал на кнопку и продолжил:

— Этот вопрос напрямую связан с другим, который так тебя мучает. И если тебе трудно свести воедино все факты, то кое-какая наглядная демонстрация точно должна помочь. Пока мы спускаемся в зал совещаний, отвечу на не заданный вопрос. Я — Председатель Правительства Термополиса, вероятно, последнего государства на Земле. Наше маленькое общество сумело не просто выжить в хаосе забвения, оно сохранило свои знания и культуру предков, чтобы пронести их сквозь темное настоящее в светлое будущее. И в этом заслуга Правительства, которое создало на руинах прошлого новую систему контроля,

позволившую нам сохранить остатки человечества, — он сжал руку в кулак, — вместе.

Лифт быстро доставил их к выходу в просторную комнату — холл, предварявший круглый зал с зеркальными стенами и потолком, и большим овальным столом, за которым сидели люди. Париж не повел Рика с Майей туда; они проследовали по коридору вокруг зала и поднялись на небольшое возвышение, выводившее на балкон. С него можно было хорошо наблюдать за всеми сидящими за столом.

— Рик, Майя, — громко и четко сказал Париж, — присутствующие в зале нас не слышат и не видят.

Рик глянул на лица внизу и напряженно вцепился руками в поручни ограждения.

За столом сидели семеро. Один — во главе, как бы подчеркивая свою значимость среди присутствующих, которые перебрасывались между собой короткими фразами. Он был одет в белое, и, кажется, Рик уже видел его в свите Парижа. Другие участники собрания явно кого-то ждали, коротая время за беседами. Среди присутствующих был очень приземистый толстяк с глазами навыкате и покатыми плечами. По правую сторону от него восседал мужчина в серой хламиде с выцветшими волосами и выражением озабоченности на узком вытянутом, как у Парижа, лице. Следующим за ним оказался худощавый старик в зеленых мешковатых одеждах и с длинной гривой седых волос, он возбужденно жестикулировал и покачивался в кресле. Далее сидела женщина в желтом, облегавшем тело костюме. Она почти не участвовала в беседе. А дальше — Рик не мог не узнать этих людей — развалился в кресле Смотритель Крез, беззаботно болтавший о чем-то с наставником Аркадием.

Рядом охнула Майя. Кажется, она тоже разглядела знакомое лицо.

— Хранитель Виктория, — сказала девушка упавшим голосом. — Она возглавляет Орден.

— Чудесная женщина, — отрекомендовал Париж. — Умная, тактичная, осторожная. Работать с ней одно удовольствие.

Рик и Майя посмотрели на него, ожидая объяснений.

— Раньше их было десять, — продолжил Париж. — Не считая Председателя и нашего секретаря. Но со временем Совет стал сокращаться. Лямбда вымерли, Йота ассимилировались с Дзета, Ню и Кси поубивали друг друга в набегах — мы не смогли решить вопрос вовремя, а после вмешиваться было уже поздно.

Рик с Майей не нашлись, что сказать, им оставалось только слушать.

— Совет собирается по требованию Правительства каждый

раз, когда мы находим ситуацию достаточно серьезной. Признаться, таких случаев за последние годы было крайне мало. Раньше Совет не созывался десятилетиями, но вот уже который день Термополис гудит как растревоженный улей. Сегодня мы будем говорить о восстании Корнеллиуса в секторе Сигма и Тау. Вам что-нибудь известно об этом?

— Мы как раз сбежали оттуда в момент атаки мутантов из пространства между эонами, — сообщила Майя.

— Вам повезло. Говорят, людей там бросают прямо в плавильные печи. У Корнеллиуса много сторонников. Этот человек неуправляем. Вероятно, это по его вине запущен ускоритель частиц. Нам он нужен живым. — Париж растирал свои широкие белые ладони. — Рик Омикрон, теперь ты понимаешь, что все мы объединены?

— Странно, что понадобилось пройти половину Пространства и услышать это лично от вас.

Париж скривился в недовольстве, но все-таки признал:

— Твоя правда. Но иначе нельзя.

— Почему?

— Наивный вопрос. Вы еще слишком молоды, поэтому пока вам трудно понять некоторые вещи.

— Какие? — Рик начал заводиться. — Что людей надо держать в секторах, как свиней в загоне?

Ему захотелось двинуть кулаком в узкое лицо Председателя.

— Слишком грубое сравнение, друг мой, — как ни в чем не бывало с улыбкой ответил Париж. — Люди злобны и глупы. Их нужно держать под контролем, иначе начнется хаос. А чтобы контролировать человека, нужно владеть его мыслями. Мы создали систему порядка. Если бы не система, вы поубивали бы друг друга, перегрызли бы глотки, сражаясь за последние куски мяса. Более того, вы бы разрушили пространство нашего общего дома и превратили бы Термополис в настоящий могильник. Вы слишком одичали в своих секторах и пока не готовы к свободе. Со временем люди Термополиса по-настоящему объединятся в единое общество, и мы заживем, как прежде. Но торопиться нельзя. Мы должны быть осторожными. В сложившейся ситуации риск равносилен смерти. Нам всем нужно терпение и большая мудрость.

— Красивые слова, — Рик пару раз хлопнул в ладоши и резко вытянул руку, указывая на сидящего за столом. — Ту же песню мне пел мерзавец Крез, сидя в теплом кабинете, пока дети и старики с нижних уровней коченели от холода! Что вы на это скажете?

— Согласен, — кивнул Париж. — Креза надо убирать. И

вообще, ваши порядки нуждаются в некоторых реформах. А что, если я предложу тебе пост Смотрителя Коммуны Омикрона?

— Что? — опешил Рик.

— Да-да, — Париж взмахнул рукой. — Мне надо идти, они уже заждались. Подумай над моим предложением, Рик Омикрон. Вы можете побыть здесь и послушать, а потом я вернусь, и мы отправимся обедать. Идет? Отлично!

Париж с довольным видом спустился в коридор, прошел в холл и быстро оказался в зале, где все приветственно поднялись с мест.

Рик повернулся к Майе, с трудом соображая, сказал:

— Мне не послышалось?

— Нет, — она покачал головой. — Все так и было. Он предложил тебе кресло внизу.

— Я не могу в это поверить, — пробормотал Рик. — В голове не укладывается.

— Да, все это… — она запнулась и предложила: — Давай лучше послушаем их.

И они замерли перед ограждением, взявшись за руки. Представители секторов явно испытывали робость в присутствии Парижа. Начали с короткого отчета о делах в каждом секторе. Толстяк оказался представителем сектора Хи, самого нижнего из обитаемых, и отзывался на титул командира. Мужчина в сером представлял сектор Мю, пока закрытый от внешнего мира, и к нему обращались «настоятель». Седовласый старик был королем сектора Дзета. Все они говорили об ограниченных, постепенно подходивших к концу зарядах топлива для секторальных генераторов. В самом лучшем положении оказалась Церковь Мю — у них еще оставалось целых пятнадцать процентов заряда. Хуже всего дело обстояло в Коммуне Омикроне. Крез ерзал в кресле и нервничал сильнее других, хотя беспокоиться полагалось Аркадию, в секторе которого полыхал бунт. Тот вообще прикрыл глаза и словно дремал. Но вот очередь дошла и до него.

Аркадий коротко обрисовал ситуацию, описав поединок Рика и Корнеллиуса и последующие события. Париж слушал, и благостная улыбка не сходила с его лица. Рик понял, что Париж улыбался все время, сколько он его видел, — то широко, то одними уголками рта. И еще — что это на самом деле не улыбка.

Аркадий переключился на инцидент с ускорителем частиц, но Париж поднял руку.

— Пока отложим эту тему, — сказал он. — Когда будет подавлен мятеж?

— Бунтовщики объединились с мутантами. Вместе они

захватили половину Сигмы и низы Тау, зажав нас в клещи… — Аркадий умолк, подыскивая слова.

— Меня это не волнует, — отрезал Париж.

Все замерли, не смея шелохнуться. Из зала словно откачали воздух.

— Мы, — совладал с собой Аркадий, — отобьем у них уровни и вышвырнем наверх. За два дня.

Париж сидел очень прямо. Его рука медленно, как бы лениво, поднялась со стола, и палец нацелился в главу мятежного сектора:

— Если через два дня мятеж не будет подавлен, вы оставите свой пост и отправитесь прямиком на растопку вашего реактора. Вам понятно?

Аркадий кивнул.

— Что вы хотели сказать насчет ускорителя?

Аркадий торопливо изложил все, что произошло сразу после ритуального поединка вплоть до сцены в кабинете, когда Майя пригрозила им оружием. Париж слегка подался вперед.

— Это все, господин Председатель.

Париж заставил Аркадия еще раз повторить все, что касалось фрагмента с креслом в технической комнате позади поста управления, дотошно уточняя каждую деталь и мелочь. Это напоминало допрос. Секретарь в углу равнодушно документировал происходящее. Наконец Париж откинулся на спинку стула и погрузился в раздумья. Члены Совета почтительно ждали.

— Молодой Рик Омикрон запустил программу «Уран». Зачем он это сделал, нам предстоит выяснить. Стержень Термополиса активирован. Внешний контур Термополиса активирован. Все это сделал Рик Омикрон, и все это является частью программы «Уран». — Он по очереди оглядел членов Совета. — Но ничего страшного не произошло. Если бы не мятеж, мы давно выслали бы туда техника с четвертой степенью доступа и вернулись к исходному положению. Ситуация находится под контролем. Все, что нам нужно сделать, это подавить мятеж Корнеллиуса и остановить программу «Уран».

— Господин Председатель, — толстяк из сектора Хи заскрипел креслом, — мы готовы выслать боевые отряды на помощь Сигме и Тау. Если задача должна быть решена, мы не можем потерпеть поражение.

— И как вы объясните своим людям существование верхних соседей?

— У нас есть парочка заготовок на этот счет, — осклабился толстяк.

— Спасибо, командир Джерард. Мы воспользуемся вашей помощью исходя из обстановки. Будьте готовы.

— Всегда!

Все зашевелились, собираясь встать.

— Мы еще не закончили. — Париж остановил присутствующих движением ладони. — Я займу ваше драгоценное время всего на пару минут. Это касается юноши, Рика Омикрона. — Он впился ледяным взглядом в Креза. — Вы не подскажете нам, Смотритель Крез, каким образом человек из третьего эона имеет доступ четвертой степени к технике нижнего эона?

Даже сверху было видно, как затряслась нижняя губа у Смотрителя Коммуны.

— Он сын женщины с верхних уровней. Ее пригнали во время набега на Лямбда, вместе с другими женщинами. Во имя нужд Коммуны я сделал это. — Крез немного подумал и добавил: — Она уже была беременна, потом стало понятно. От кого, не знаю. Она умерла от болезни несколько лет назад.

— Лямбда относится к тому же третьему эону, — сказал Париж. — Значит, женщина не родилась там, а каким-то образом попала в сектор извне. Когда она прибыла в Омикрон?

— Двадцать лет назад.

— Благодарю, Смотритель. Если вы что-нибудь вспомните о ней, неважно, что угодно, тут же сообщите мне. Это в ваших интересах.

— Слушаюсь, господин Председатель! — выпалил Крез и тихо буркнул вдогонку: — Дался вам этот щенок.

Париж остался невозмутим и объявил:

— Все свободны.

Члены Совета торопливо покинули зал заседаний. Париж повернулся к секретарю. Тот что-то искал в своем настольном компьютере.

— Ничего, Председатель. Никаких инцидентов, никакого нарушения периметра. Количество граждан оставалось стабильным. Смерти, рождения — все документировано. Никто не покидал эон в течение года.

— Вы уверены?

— Абсолютно.

На лице Парижа впервые проявилась серьезная озабоченность. Морщины прорезали его обычно гладкий лоб.

— Надо будет побеседовать с самим Риком Омикроном. Вдруг он что-то помнит. — При этих словах он посмотрел вверх, точно туда, где стояли молодые люди.

Рик невольно отпрянул от ограждения и переглянулся с

Майей.

— Чего он добивается?

— Неужели не понял? — воскликнула Майя. — Ему нужно обезопасить себя, чтобы никто не смог в будущем повторно запустить программу «Уран», чем бы она ни была.

— Надо сматываться отсюда. — Рик оглянулся в поисках выхода. — Теперь понятно, отчего он так беспокоится — хочет удержать власть. Ну что ты стоишь?

— Он идет сюда! — Майя высвободила руку из ладони Рика. — Подожди. Дай сообразить. Может быть, он действительно не желает нам зла?

— Это зависит не от нас. Сейчас он добрый, а каким будет завтра? Ты видела его охранников?

Майя кивнула.

— То-то.

— Он бы не стал с нами мягко обращаться и не позволил бы подслушивать, если бы могли отсюда сбежать. За нами по пятам ходила бы охрана. Что-то подсказывает мне, что бежать бесполезно.

— Может, ты и права, но что тогда делать? Ждать, пока нас начнут пытать?

— Он не будет нас пытать, он не такой человек…

— Проклятье! — Рик в сердцах грохнул кулаком по поручням. — Момент упущен.

— Упущен? — спросил в дверях Париж. — Для чего? Для побега? А зачем вам бежать, друзья мои?

Они уставились на него, машинально сделав шаг назад и упершись спинами в ограждение.

— Дорогие Рик и Майя, — Париж взмахнул руками, — я клянусь, что никто никогда не причинит вам вреда, и вы проживете здесь счастливую безоблачную жизнь. Никто вас пальцем не тронет. Вы уже доказали, что имеете полное право остаться в первом эоне. У нас нет рабства, диктатуры, все равны и свободны — в пределах пространства проживания. Вы можете передвигаться по эону куда хотите и выбирать себе любое место. Вы можете быть вместе и основать здесь свой род. Для людей снизу это прекрасная возможность начать все заново. Посмотрите на себя: вы оба молоды, сильны, красивы. Не лишайте себя своего будущего.

— Звучит слишком хорошо, чтобы быть правдой, — сказал Рик. — Я вам не верю.

— Ну, тогда я не знаю, как еще продемонстрировать вам свои добрые намерения. — Париж, казалось, искренне огорчился. — Вам слишком долго лгали, или этот мир оказался слишком

хорош, настолько, что вы до сих пор не можете принять его?

Рик почувствовал на себе взгляд Майи — ищущий, вопрошающий. Исполненный сомнений.

— О, кажется, я понял, в чем проблема, Рик Омикрон, — обрадовался Париж. — Но этот вопрос был решен сразу, как только вы прибыли сюда, пока приводили себя в порядок.

— О чем вы говорите?

— Следуйте за мной.

— Мне надоело бродить за вами по пятам!

— Мы просто пойдем обедать. Вы будете глупцом, лишив себя трапезы. Это нужно прежде всего вам. Но если надумаете — этаж 1045, западное крыло.

Париж развернулся и ушел.

Вот так, запросто, взял и ушел. Кровь стучала у Рика в висках. Хотелось действовать незамедлительно, но как, он не знал.

— Рик, может, мы и правда слишком подозрительны… — начала Майя и смолкла.

Он взглянул на нее так, словно получил пощечину.

— Что ты несешь? — Рик сглотнул. — К нему даже спиной поворачиваться нельзя!

— У него была тысяча возможностей прикончить нас, но он не сделал этого.

— Потому что ему некуда торопиться. Как ты не поймешь, что мы нужны ему! — Рик рубанул воздух ладонью. — Мы живы только потому, что он думает, будто я что-то знаю!

Глаза Майи сузились до двух щелочек:

— Великий спаситель. Видимо, я тебе мешаю в твоей миссии.

— О чем ты?

Он попытался взять ее за руку, но Майя не позволила, отступила.

— Ни о чем. — Она отвернулась и зашагала прочь. — Оставь меня в покое.

— Куда ты? К нему? Как ты не понимаешь, он хочет, чтобы мы повздорили? Он же хочет нас приручить, чтобы мы подчинились местным порядкам и ему. Майя!

Она ничего не ответила и не остановилась. Рик послал ей вслед бессвязное ругательство, которые сменились приступом ярости. Он закружил по балкону, рыча, как загнанный зверь, пару раз саданул кулаком и ногой по ограждению. Затем облокотился на поручни тяжело дыша и постарался успокоиться. Его обставили, обвели вокруг пальца, как мальца. Этот Париж знает о нем все, в то время как он не знает о Председателе ничего.

Рик немного постоял, облокотившись на ограждение, взвешивая факты. Тяжело вздохнул и побрел к лифту. Войдя в

кабину, набрал на панели нужный этаж и спустился вниз. В коридоре уже ожидал знакомый провожатый, который отвел его в большой трапезный зал и приглашающим жестом предложил присоединиться к людям за столом. Их было трое. Парижа и Майю не сложно было узнать, а вот третий пока скрывался от взгляда за спиной Председателя. Париж повернул голову к плечу, сказал:

— Наконец-то, Рик Омикрон! Присоединяйтесь к нам, пока пирог совсем не остыл.

Рик подошел к столу, отодвинул стул, сел и посмотрел на Аврору.

— Привет, — улыбнулась сестра. — Я скучала по тебе!

18

Тревога сменилась настороженным ожиданием. Прошел день с момента заседания Совета Правительства. Был поздний вечер. Рик сидел в своей комнате, а Майя и Аврора вместе с Парижем гуляли все это время по разным этажам и уровням и развлекались. Они даже попытались увлечь Рика с собой, но он уперся и не пожелал присоединиться.

Во всем виноват Председатель Париж. Ведет себя так, будто не замечает. Париж даже не пытался с ним заговорить. Рик понимал, что тактика Председателя искуснее и гораздо тоньше, чем прямые угрозы того же Креза. Тот часто действовал прямолинейно, но в данном случае, как не рассуждай, Париж нашел самое уязвимое место — Аврора. Рик осознавал, что в открытую ему и сестре Париж не угрожает, но стоит пойти против, как сестру сделают заложником. Действовать в подобных обстоятельствах открыто нельзя, нужно думать. Думать. И еще раз — думать!

Но шли минуты, складываясь в часы, и Рик все больше убеждался, что ему нечего противопоставить Парижу. Стоит Председателю только дать повод, как в дело вмешается вооруженная охрана, выстоять против них шансов нет. Бежать! Но куда? Даже если удастся как-то тихо увести сестру, их тут же выследят, остановят лифты, и все, схватят. Бежать — не выход.

Рик потихоньку начинал себя ненавидеть за то, что все чаще думает: подчиниться обстоятельствам и как-нибудь приспособиться в дальнейшем, то есть пойти к Парижу и сдаться на милость победителя. И все ради сестры, таким было главное оправдание.

Если бы рядом была мама, она наверняка нашла бы нужные слова и успокоила его. Рик снял с шеи талисман — крестообразный кусок черного металла, единственная память о маме.

Усевшись на полу посреди комнаты, он вертел талисман в руках. Свет красиво отражался на острых гранях. А ведь у него и Майи даже оружие не отобрали! Под кроватью до сих пор валяется, подаренный Дроккой, массивный бласт, на поясе висит кинжал. Получается, Париж уверен, что Рику хватит мудрости не пустить его в ход.

Самым обидным было то, что они с Майей достигли конечного пункта путешествия. Да, они попали в центр управления, но как-то незаметно стало ясно, что идти туда особо незачем. Хотя…

Запустить генераторы. Они отчаянно хотели запустить генераторы. Вот их цель — запуск генераторов! Но для кого? Для всех людей Термополиса. Рик припомнил, с кем сталкивался за последние дни: хоровод грязных, а порой откровенно уродливых лиц. Нет, не ради них он преодолевал все эти ступени и коридоры.

Ради сестры.

Которая теперь рядом.

А как же Киото? Ахмед? Париж сможет и их вызволить, наверняка, стоит попросить…

Рик замер на миг. Но это означает, что его самого сломают. Означает, что он признает поражение и подчинится чужой воле.

Он яростно крутанул талисман на ладони, уставившись невидящим взглядом в стену. Париж жаждет выяснить, почему какому-то крысенышу из затухающего нижнего сектора, удалось запустить загадочную программу «Уран». Знать бы самому! Мама никогда не откровенничала на подобные темы. На все вопросы об отце она отвечала уклончиво и скорее отворачивалась, пряча слезы.

Рик зашипел от боли, выронив талисман, вдруг распавшийся на две половинки. Одна осталась висеть на цепочке, другую Рик машинально положил на прикроватную тумбочку и уставился на палец, где выступила кровь на порезе.

Майя так и застала его — с пальцем во рту. Секунду назад она казалась радостной.

— Что случилось?

— Ничего. — Рик встал на ноги. — Просто порезался.

— Дай посмотрю.

— Пустяки…

Майя схватила его руку и повела к раковине — промыть ранку.

— Ну, как отдохнули?

— Отлично.

— Есть новости?

— Париж передавал привет. Сожалел, что ты не пошел с нами в акваторий. Он хотел показать нам музей древней живописи и скульптур, но Аврора утомилась, и я отвела ее спать.

— Как она?

— Все хорошо. Она такая милашка, не то что ее брат.

Рик и глазом не повел. Майя стала рассказывать про акваторий, досуговые залы для молодежи и маленьких детей, которые оказались счастливчиками из других нижних секторов: кто-то попал сюда по чистой случайности, кто-то благодаря своим способностям. Оказывается, в Совете есть особые люди,

отслеживающие перспективных кандидатов в граждан Эпсилона. Майя даже нашла в толпе своего давнего знакомого по родному сектору, который считался без вести пропавшим. Думали, он провалился в мусоропровод. Девушка продолжала рассказывать свои впечатления, а Рик мрачно слушал.

Общество Эпсилона устроено весьма демократично. Каждый человек имеет право распоряжаться своими способностями так, как пожелает. Поскольку у них нет проблем с питанием, теплом и светом, люди сектора заняты не выживанием, а более возвышенными вещами, которые позволяют развивать культуру. В Эпсилоне очень ценится история человечества. Так Совет придумал способ сохранить память в случае глобальной катастрофы, если Главный компьютер выйдет из строя, а библиотека с архивами будет уничтожена. Для этого выбраны сто самых умных представителей сектора, которые взяли себе имена по названиям земных городов. Они объединены в некий Фонд — сообщество живой памяти, куда входит сам Париж и такие люди, как Лондон, Нью-Йорк, Москва, Гонконг.

— Представляешь? — восторгу Майи не было предела. — Но и это не все.

Она рассказала, что сектор разделен на условные древние государства, которые существовали когда-то на Земле. Их было много, все разные, со своими культурами и системой ценностей. Ученые из каждого такого участка сектора изучают историю той страны, за которой закреплены. Есть ученые-универсалы, которые пытаются понять устройство мира и строят разные гипотезы. Есть художники, поэты и музыканты.

Особенно Майю поразил уровень культуры Эпсилона: люди вежливы, добры, и с каждым можно говорить часами напролет о самых разных вещах. Правда, их не особенно интересует внешнее пространство. Видно, что их все устраивает и им вполне комфортно в этом уютном мире.

— Да, — сказала Майя, — они как будто топчутся на месте. Ученых не так уж много, по сравнению с большинством. Все любят играть и веселиться.

Майя выглядела счастливой; с блеском в глазах она смеялась над какой-нибудь забавной подробностью и тараторила, не останавливаясь, словно боясь забыть детали этого насыщенного дня. Рик чувствовал исходящий от нее запах пряностей.

Вдруг Майя упала на кровать, потянулась и зевнула:

— Что-то я тоже устала…

Рик присел возле кровати.

— Майя, — позвал он.

— Что? — Она почти спала, прикрыв веки. — Ты не против,

если я останусь у тебя?

— Конечно нет.

— Спасибо. Чуть не забыла: Париж говорил что-то про мятежников. Мол, атаку мутантов отбили и теперь… теснят Корнеллиуса вниз, к реактору… Париж был очень доволен. Он пообещал, что Ахмеду не причинят вреда.

Рик сел на пол, спиной к кровати. Потом почувствовал на плече ее руку.

— Рик. — Она помедлила. — Мне холодно.

Он взял ее за руку. Ладонь была обжигающе горячей. Рик встревоженно вскочил, склонился над ней, потрогал лоб. Нет, вроде все в порядке. Теперь он сидел подле нее и внимательно смотрел в лицо — огненно-рыжие волосы разметало по подушке. Майя широко открыла глаза, ее сонливость как рукой сняло. Ладонь девушки сильно сжала его руку.

— Пообещай мне, — прошептала Майя.

— Что?

— Обещай, что не оставишь меня.

Рик долго смотрел в ее светлые большие глаза.

— Зачем ты просишь меня об этом?

— Мне страшно, — сказала она. — У меня сегодня весь день болит голова. Я попыталась прочесть надпись над залом досуга, но буквы расплылись в пятна. Париж долго рассказывал там что-то, но я не запомнила ни слова. Он говорил нам, а я кивала, но не понимала, о чем речь.

— Ты просто переутомилась под конец дня.

— Я забываю слова. Что происходит?

— Не знаю. Не бойся, это просто от переутомления. Утром встанешь как новенькая.

— Все равно обещай. — Она сжала его руку так сильно, словно повисла над пропастью, и Мать-тьма готова была принять ее в свое чрево.

— Обещаю, — тихо выдохнул Рик.

Майя некоторое время смотрела на него, а потом закрыла глаза. Рик сидел, не смея шелохнуться, пока она не задышала глубоко и ровно. Тогда он осторожно высвободился и на цыпочках вышел в коридор. Спать не хотелось.

Потолочные светильники немного притушили, но в Омикроне даже этот мягкий свет сочли бы непозволительной роскошью. Рик медленно шел по коридору, не думая о направлении. Впереди играла музыка. Переливчатые аккорды вызывали смешанные чувства: грусти и радости одновременно. Он приближался к источнику звука и скоро очутился возле входа в небольшой зал, свет в котором был погашен. Освещалась только сцена. Там, на

табурете, сидел человек и извлекал звуки из огромного ящика на трех ногах. Это было так необычно, что Рик невольно остановился и заслушался.

Музыка лилась, наполненная величественной печалью и возвышенной гордостью, словно долгий сон. Мелодия казалась эхом чьей-то прожитой тысячи лет назад жизни. Это была музыка древних, и она полнилась таким потаенным смыслом, таким глубоким содержанием, хоть и лишенная слов, что Рик восхитился мастерством неизвестного композитора. Музыка что-то делала с ним, меняла внутри, завладевала самыми потаенными уголками души, пробуждая волнение и до необычайности странное, но некогда знакомое чувство. С ним будто говорил кто-то, передавал привет из глубины веков, кто-то знакомый: «Здравствуй! Вот мы и встретились вновь!» Застыв, не дыша, опасаясь нарушить хрупкую гармонию возникшего чувства, Рик смотрел на сцену, где незнакомец исполнял древнюю мелодию, слегка раскачиваясь в такт на табурете перед инструментом.

На сцену лился мягкий серебристый свет ламп, скрытых от взгляда портьерой под потолком, и Рик вдруг подумал, что этот свет попадает сюда снаружи. Ощущение времени пропало, казалось, оно застыло, звучала только музыка. Вдруг незнакомец за инструментом замер. Слабым эхом прозвучали последние аккорды, и свет, лившийся на сцену, погас. Рик в полной тишине пошел прочь, не смея оглянуться.

Он думал о древних.

Коридор привел его к балкону над расщелиной между сегментами. Окна напротив были темны, за исключением одного-двух, и еще светилась длинная полоса чуть ниже: там что-то происходило. Рик виделрасхаживающую за полупрозрачным занавесом туда-сюда фигуру, но не стал приглядываться. Просто положил локти на перила и уставился в пространство, придавшись раздумьям.

Слабый ветерок подвывал, гуляя по воздуховодам между сегментами. А может, это плакала Мать-тьма, призывая к себе заблудшие души. Тихий вой то усиливался, то ослабевал, иногда сменяясь протяжным, едва слышным свистом.

Неожиданно свист стал ритмичным. Рик не сразу понял, что ритмичный звук издает не ветер, только когда ощутил чужое присутствие.

Он повернул голову — в паре шагов прямо на поручне восседал прол Фома. Темные линзы окуляров с красными точками уставились на Рика, который собрался поприветствовать голосом старого знакомца, но Фома мягко покачал головой и

поднес палец к подбородку, что означало «молчи!».

Рик не спешно осмотрелся — вокруг ни души. Тогда, по прибытии в эон, они с Майей, не сговариваясь, сделали вид, будто с ними никого не было. А потом в суматохе событий, разговоров и открытий, они напрочь забыли о Фоме.

Прол ловко и бесшумно соскользнул на карниз за перилами и призывно взмахнул рукой. Рик подошел к нему. Фома упрямо указывал следовать за ним. Рик глянул вниз, и мир перед глазами поплыл, возникло дурацкое желание спрыгнуть в черную бездну, а в ногах и руках проявилась слабость, неприятно заныли кости. Прол упрямо делал ему знаки, несмотря на молчаливый протест. Рик оглянулся больше потому, что хотелось собраться и привести мысли в порядок. В коридоре по-прежнему было тихо, и тогда Рик решился — выдохнул и перелез через перила. Вцепившись в них, начал двигаться мелкими шажками вслед за Фомой.

Так они преодолели с десяток секций. Рик переставлял ноги, стараясь ни о чем не думать. Знал: если посмотрит вниз, страх захлестнет, и он больше никогда не сдвинется с места, вцепившись в поручни, пока судорога не скрутит мышцы, и он не сорвется в пропасть. Порыв ветра внезапно ударил в спину, и Рик на миг потерял равновесие. Ладони мгновенно стали влажными. Одна рука соскользнула, Рик нелепо взмахнул ей, балансируя на краю, но Фома среагировал быстро и поддержал его, не позволив упасть. Прол увлек его за собой и вдруг скрылся от взгляда в нише, куда с силой втянул и Рика.

Уф… Рик таращился перед собой, не в силах унять дрожь.

Жив!

Тем временем Фома вскрыл приборный щиток на стене, что-то там надавил, раздался слабый шорох, и прямо перед Риком прямоугольная панель отъехала в сторону. Фома ухватил спутника за рукав и потащил в проем.

Пригибаясь под низким потолком, Рик следовал за пролом по длинному туннелю. Они сворачивали несколько раз в отдельные рукава. В отличие от нижних уровней и вентиляционных воздуховодов, здесь пахло чем-то непривычным, какой-то химией. Наконец, туннель закончился. Они стояли в огромном помещении, напоминавшем склад. Повсюду громоздились ящики и стеллажи-боксы в несколько человеческих ростов, с выдвижными полками и табличками на них. Некоторые боксы имели стеклянные дверцы, и можно было разглядеть уставленные колбами полки. В колбах были пророщенные семена с надписями на двух языках. Рик шел мимо стеллажей и читал надписи, выбирая наугад: «Кукуруза мучнистая (Zea mays amylacea)», «Яблоня домашняя (Malus domestica)», «Редис посевной (Raphanus

sativus)». Полки с растениями закончились, начались стеллажи с тысячами колб, наполненных разноцветными жидкостями. Боксы были плотно закрыты, и при этом от них веяло холодом. Рик прочел пару надписей: «Лошадь домашняя (Equus ferus caballus): 10 000 эмбр.», «Окунь обыкновенный (Perca fluviatilis): 100 000 икр.».

Фома шел дальше, к столбу света, проглядывавшему между стеллажами. Рик решил не отставать и позже осмыслить увиденное. Они пересекли несколько больших залов, соединенных между собой арочными проходами, пока не оказались в круглой комнате, на полу которой была изображена странная схема: неровные желтые кляксы на голубом фоне, расчерченном сеткой изогнутых линий, идущих через равные расстояния. Каждая клякса имела надпись, но эти надписи ничего не говорили Рику. Он прошел по малой кляксе с надписью «Австралия» и ступил на чуть большую с надписью «Африка». В центре самой крупной кляксы возвышалось удобное кресло с терминалом управления на боковине. Фома указал Рику на него, как бы предлагая: «Садись».

— Как ты нашел это место?

Фома хранил молчание. Рик не спешил опускаться в кресло. Он внимательно оглядывал пространство вокруг — в комнату с разных сторон ведут сразу несколько галерей-хранилищ, в которых находятся растения и животные, несомненно, что-то еще, но времени бродить по галереям и разглядывать подробности нет. Потолок у комнаты высокий, образует идеальную полусферу. На сводах загадочные рисунки и схемы с надписями, только на этот раз без клякс, вместо них на черном фоне россыпь мерцающих точек, некоторые соединены между собой линиями в причудливые фигуры с названиями.

Рик скользил взглядом по надписям, жадно запоминая древние названия, смысла которых не понимал, но чувствовал их важность. Вон там, похожее на ковш: «Большая Медведица». Или вон то, словно червь из чаши с компостом: «Гидра». Вон та — «Орион». И та, вся перекрученная фигура — «Волопас». Он шевелил губами, бродя вокруг кресла с задранной головой и по нескольку раз читая одни и те же надписи. Посередине полусферу наискось пересекала плотная россыпь точек, похожая на пыльную дорожку.

Что все это значит?

Снова шагнув, Рик наткнулся на кресло и едва не упал. Посмотрел на Фому, тот терпеливо ждал, указывая на терминал. Тогда Рик повернулся и повалился спиной в кресло. Взметнулось облако пыли, в носу защекотало, едва удалось сдержаться и не

чихнуть. Он оглядел панель управления, поерзал, приноравливаясь к сиденью и подлокотникам. Кресло сильно походило на то, в котором Рик однажды побывал в зале управления ускорителем частиц.

Рука сама потянулась к экрану.

Уже привычно ровно заурчали механизмы, скрытые в терминале и кресле, вдыхая в древнюю машину жизнь. Когда пальцы коснулись экрана, Рик ощутил волну энергии, пробежавшую по руке к плечу и дальше по всему телу. Это было приятно.

— Будущее не наступает мгновенно, — неожиданно прозвучал уверенный голос.

Рик вздрогнул — с экрана на него смотрел, улыбаясь, седовласый незнакомец в сером костюме. По фигуре незнакомца пробежала едва заметная рябь, словно по поверхности чаши с водой, но потом картинка стала четкой.

— Оно незаметно прокрадывается в настоящее, — добавил седовласый.

— Кто вы?

— Я — Архитектор.

Руки, ноги и грудь Рика зафиксировали мягкие ленточные обхваты. Сначала он чувствовал только давление ремней, но затем начал ощущать в местах касания лент исходящее от них тепло. В голове неожиданно прояснилось, по телу прокатилась волна, как было при касании экрана, и Рик внезапно осознал: это бьется пульс Термополиса.

— Приветствую тебя, мой далекий потомок, — сказал седовласый.

— Вы до сих пор живы?

— Разумеется нет, — Архитектор улыбнулся. — Давным-давно скончался. С тобой говорит моя интерактивная проекция. Иначе этот разговор не возможен. Не знаю, сколько прошло лет, сотня, две, тысяча или другая, и ведете ли вы вообще летосчисление. Но поскольку ты здесь, это указывает на два факта. Первый: ты — носитель уникального генетического кода потомков рода Спанидиса. То есть мой дальний правнук. Второй факт: Термополис готов к выполнению программы «Уран». Плод созрел.

У Рика пересохло во рту.

— Что такое программа «Уран»? — прошептал он.

— Это спасение для человечества. — Седовласый взмахнул рукой. — Это ковчег, который был создан задолго до конца света. Тебе знакома библейская легенда про Ноя?

— Нет.

— Ной умел говорить с богом. Однажды бог сказал ему, что человечество будет уничтожено, но есть шанс спасти все лучшее. И Ной стал строить большую лодку, ковчег, куда собрал всех животных, чтобы начать все с начала. Люди смеялись над ним, но, когда настал конец света, их смыло с лица земли, как грязь. И вот теперь я стал Ноем для своих современников. Я предвидел эпидемию задолго до ее наступления и начал готовиться к спасению, и готовился всю свою жизнь. Возникший вирус поражал головной мозг и убивал нейроны, превращая человека в безумное животное. Сработал защитный механизм природы, включенный в самый последний момент, когда мы истощили ресурсы и почти уничтожили биосферу планеты, увлекшись модификацией антибиотиков, думали, что победили болезни, но, увы, позабыли о природной энтропии. В принципе ничто на Земле не способно спастись от вируса, даже население Термополиса. Поэтому я предвидел постепенное угасание нашей цивилизации до уровня средневековья, рабовладения или даже первобытной общины. Не знаю, сколько будет продолжаться спад, но однажды он закончится. Земля отдохнет от человечества и снова будет готова к нашему пришествию. Я предвидел такое развитие событий. Эволюции понадобились сотни тысяч лет, чтобы превратить неандертальца в человека разумного, и я решил ускорить этот процесс. Термополис — не только ковчег, но и моя эволюционная машина, призванная вытащить вас, людей будущего, из пучины животного небытия, пробудить ваш спящий разум и вручить вам ключи от будущего. В этом и заключается программа «Уран».

Архитектор посмотрел вверх, о чем-то размышляя. Рик ждал продолжения.

— Поскольку Термополис — наисложнейшая конструкция, доступ в его определенные отсеки весьма ограничен и, чтобы попасть сюда для разговора со мной, нужно иметь высокий уровень интеллекта и определенное везение. Ошибка исключена. Ты попал сюда не случайно. Следовательно, ты такой же, как я. Не только по своим личным качествам, но и благодаря моим средствам контроля. Одно из них — пролы, сложные человекоподобные биомашины, разработанные в тайне от людей и предназначенные для наблюдения и отбора потомков Архимеда Спанидиса среди населения Термополиса. Пролы обязаны не только следить за кандидатами, но и отмечать в их поведении определенные способности, а также приводить потомков сюда для разговора. Возможно, ты здесь не первый. Допускаю, что не последний.

Рик пытался осмыслить происходящее, но информация была столь неожиданной и обескураживающей, что голова шла кругом.

— Я потомок одной из древнейших человеческих цивилизаций, — продолжал Архитектор. — Мой народ заложил основные принципы мышления и создал культуру, которая стала фундаментом для всего человечества. Больше всего я горжусь нашей мифологией. Нет ничего изящнее мифов о великих божествах, населяющих эфирные выси. Я твердо верю, что однажды человек уподобится олимпийским богам в своем совершенстве. Может быть, я ошибаюсь, но жизнь создана для того, чтобы рисковать. Поэтому программа «Уран» — не просто спасение, но и мой вызов, брошенный небу. Буква сама по себе ничего не значит. Это пустой символ, никчемный знак. Но когда буквы объединены в алфавит и можно составлять из них слова, из слов — предложения, стихи и истории, основанные на огромной системе смыслов — это уже язык. И вот тогда каждая буква обретает свое истинное значение, свою великую силу. Термополис — это алфавит, и он станет основой для нового божественного языка. Если ты разделяешь мои идеалы и согласен со мной, мой потомок, смело продолжи исполнение программы «Уран» и ни о чем не жалей.

Архитектор растаял в воздухе. Рик долго, не моргая, смотрел на пустой экран, пока не появилась надпись: «Продолжить выполнение программы „Уран“. „Да“ — „нет“?»

На этот раз торопиться не стал. Внимательно прочитал варианты действий, выведенные под надписью мелким шрифтом. Один из них назывался «Обучение». Рик активировал раздел касанием пальцев. Появились варианты: «обычное», «углубленное», «ускоренное».

Он выбрал «ускоренный». Машина предложила задать временной диапазон от двенадцати до одного часа. Рик без колебаний выбрал минимальный срок.

На панели появилась надпись: «Расслабиться, закрыть глаза. Внимание: возможны побочные негативные последствия».

Уже нечего терять — он подчинился воле машины. Спинка кресла плавно приняла горизонтальное положение, висков и лба коснулись щупальца-электроды. После чего сознание вырвало из реальности, опрокинув в серию быстротечных, насыщенных картинками видений, которые сопровождались спрессованными массивами информации. Это было как с фильмом про историю строительства Термополиса, только в стократ быстрее. Знания многих тысяч поколений людей проникали в разум Рика выверенным потоком, делясь внутри на модули: математика, логика, геометрия, письмо, курс физики, химии, биологии, географии, геологии, основные языки, на которых говорило человечество перед атакой вируса, основы поэзии, философии,

гуманитарных наук, инженерия, информатика, кибернетика, психология, всеобщая история…

Формулы, константы, закономерности, даты, события, категории, парадоксы, картинки, схемы, таблицы, диаграммы, графики, двоичный код, сингулярность, горизонт событий, синергетика, кванты, темная материя, таблица химических элементов…

Все это наслаивалось, тесно прижимаясь друг к другу в его голове, начавшей кружиться и заметно болеть от обилия информации, но все новые и новые пакеты знаний продолжали наполнять сознание, словно кувшин до краев. Вскоре его пробил озноб и начало лихорадить. Тело сотрясала крупная дрожь. Сознание постепенно ускользало, перед мысленным взором всплывали все новые пакеты информации, но усвоить их, и уж тем более осознать, не получалось. Под конец сеанса Рик впал в полуобморочное состояние. Жар усилился, Рик чувствовал, как из носа течет кровь, казалось, голова вот-вот расколется от боли. Опаленный разум едва справлялся с обрушившейся на него нагрузкой.

Зато теперь Рик мог называть эту медленную пытку разными умными словами. Он улыбнулся сквозь слезы и вдруг понял, что все завершилось. Спинка кресла приняла вертикальное положение, ремни-обхваты исчезли. Рик открыл глаза и повалился на пол. Не успел встать на четвереньки, как его вырвало прямо на Египет. Ну да, за спиной на карте осталась Европа, слева, стало быть, Азия, прямо — Африка. Он утерся и сплюнул горечь. М-да, похоже, еще легко отделался. Повезло, вроде соображает и даже двигается.

Рик осторожно поднялся, держась за подлокотник, постоял некоторое время, успокаивая дыхание.

Фома находился неподалеку, замер в режиме ожидания. Рик невольно качнул головой — а ведь это все новые знания. Прол — это всего лишь усовершенствованный андроид. Забавно осознавать такой простой факт. Любопытно, сколько потребуется времени, чтобы объяснить данный факт Майе?

Рик поднял голову и взглянул на созвездия в полусфере. Вооруженный знаниями, он с легкостью ориентировался в карте древних символов, понимал, что к чему.

Осталось последнее и главное: принять решение.

Он снова забрался в кресло и уверенными движениями вызвал интерфейс управления Термополисом. Теперь его пальцы легко и быстро порхали по клавиатуре, попадая точно в нужные кнопки. Он активировал показания датчика преобразователя частиц — столбец-диаграмма приближался к отметке в

восемьдесят процентов. Допустимо. Потом разогреется на полную мощность.

«Активировать генераторы? „Да“ — „нет“. Активация синхронна».

— А вот теперь, дружище, — обратился он к пролу, не отвлекаясь от экрана, — наступает решающий момент.

Рик, не глядя, сунул руку под кресло и вытащил из укладки под сиденьем гарнитуру беспроводной связи, нацепил наушник, включил микрофон и вызвал технический пост ускорителя. Пальцы пробежались по клавиатуре, после чего на экране поочередно отобразились картинки с камер слежения Термополиса. Сначала шли заброшенные коридоры, в одном из которых показалось ползущее, похоже, израненное человекоподобное существо, потом пару раз мелькнула непроглядная серая муть и, только когда камеры с секторов Сигма и Тау наконец дали изображение происходящего, Рик понял — в джунглях пожар. По коридорам стелился дым, в котором иногда мелькали фигуры людей. Другая камера дала картину побоища: распростертые на полу тела рабочих и мутантов, кругом лужи крови. Потом картинка переключилась на наблюдательную площадку и саркофаг преобразователя, скрытый от взгляда коробом брони. На посту оператора за столом сидел мужчина.

— Рик Омикрон вызывает Корнеллиуса из Сигма и Тау, — громко сказал Рик.

Мужчина вздрогнул свалился со стула на пол с громким испуганным криком. Но тут же поднялся, бросил взгляд в камеру и метнулся в темноту зала.

Рик громко и четко повторил свой вызов, но реакции не последовало, тогда он продолжил повторять, пока в фокусе видеокамеры не появилась группа людей во главе с Корнеллиусом. Светловолосый крепыш выглядел помятым; лицо покрыто свежими ссадинами, рука перевязана тряпкой с пятнами крови, в другой сжимает массивный разводной ключ.

— Корнеллиус! — позвал Рик. — Это я, мартышка с верхнего уровня!

— Именем Красного короля! — гаркнул тот. — Как ты попал в машину?

— Долго объяснять, но я жив и здоров!

— Ты не загубил девчонку?

— С ней все в порядке!

— Тебе повезло, иначе случись с ней что, я бы содрал с тебя шкуру! Фома с тобой?

— Он здесь.

— Хорошо.

— Ты обороняешь Реактор?

— Наши силы на исходе! Псы Аркадия взрывают баррикады, многие наши парни погибли. Но я живым не дамся! — Он потряс разводным ключом.

— Где Ахмед?

— Он в соседней комнате. Жив, здоров и вооружен. Хочет драться за нас.

Рик попросил привести Ахмеда, чтобы поговорить. Вскоре осунувшийся, но преисполненный духа чернокожий инженер с радостью приветствовал его. Когда общие слова были произнесены, Рик коротко объяснил ситуацию и пояснил, что требуется от Ахмеда.

Глаза инженера расширились от удивления, он воскликнул:

— Тебя не узнать! Откуда знаешь все эти вещи?

— Техническая магия, — улыбнулся Рик. — Прошу, сделай, что я сказал.

Он с нетерпением ждал, когда Ахмед уйдет в соседнюю комнату и сядет за пульт оператора, для чего переключил камеру на технический пост.

— Отлично, — Рик задумался лишь на миг и продолжил: — Приступаем к запуску программы «Уран».

— Рик, подожди! Ты хоть понимаешь, что делаешь? — встревожился Ахмед. — Вдруг ты запускаешь машину всеобщего судного дня?

— Хуже, чем сейчас, быть не может! Ты со мной или нет?

— Да, но…

— Оставь сомнения, настало время действовать. Подтверждай запуск генераторов.

Они надавили на зеленую кнопку одновременно, каждый на своем пульте. На экране появился светлый скругленный контур, который начал заполняться цветом с темной надписью: «Ожидание». Контур замыкался в круг невероятно долго. Затем исчез, появилось изображение четырех трехмерных стержней, которые, словно сосуды, стали окрашиваться зеленым. Все это сопровождалось надписью: «Ожидание: 1 %… 2 %… 5 %… 18 % …». Затем высветилось сообщение: «Генераторы запущены. Срок выхода на расчетную мощность — 12 часов. Приступить к следующему этапу». Рик подтвердил команду. Машина выдала: «Провести герметизацию эонов? „Да“ — „нет“». Рик снова подтвердил выбранное действие. Появилась проекция Термополиса в поперечнике. Контуры пяти эонов очертились жирными линиями, и также появилась иконка прогресса выполняемой операции: «1 %… 2 %… 3 %…». Компьютер ответил:

«Герметизация эонов будет произведена через 6 часов». Экран потух, и возникло очередное сообщение: «Запуск программы „Уран“ будет возможен через 12 часов. Приготовить ключ для ввода последней команды. Активировать поворотом с консоли одновременно».

— Ключ?

Рик несколько раз перечитал сообщение. Потом запросил справку. Машина выдала ему схему ключа — предмет, представлявший собой крестовину со знаком опрокинутой набок восьмерки. Трехмерная модель ключа медленно прокручивалась перед ним. Рик отправил новый запрос. Машина показала механизм ввода ключа в разъем на пульте. Рик исследовал пульт, но не нашел в контурах отверстий на панели знакомые признаки. А ведь где-то он уже видел подобные грани, такие углы и подходящие по размеру прорези. С минуту он пытался сообразить. А потом схватил себя за грудь.

Талисман!

Он чуть не разодрал свою новую рубашку, пока доставал талисман и снимал с шеи цепочку. Размерами ключ идеально подходил к разъему, изображенному на экране. Правда, вторую часть ключа он оставил в комнате на прикроватной тумбочке.

— Рик? Что происходит? — позвал Ахмед.

— Ничего. Я нашел ключ активации программы, — сказал он и вспомнил единственные слова мамы.

Она всегда говорила: «Береги этот талисман, как свою душу, потому что твой отец берег его и носил с собой, а до него талисман принадлежал твоему деду, прадеду и так далее, до самого древнего нашего предка». «Почему?» — спрашивал тогда маленький Рик. «Потому что эта вещь — наше будущее», — говорила мама, но что именно это означало, она никогда не поясняла.

— Ахмед, осмотри свой пульт и поищи на нем разъем, изображение которого сейчас высветится у тебя на экране.

Рик пробежал пальцами по клавишам, отправляя сообщение Ахмеду по локальной сети Термополиса.

С минуту инженер молчал. Рик до боли сжал кулаки, ожидая ответ. Потом Ахмед сказал:

— У меня на пульте нет такого разъема.

— Уверен?

— Да!

Рик отчаянно треснул кулаком по подлокотнику и начал размышлять вслух:

— Где же тогда находится нужная консоль? Ахмед, подумай, ответ рядом, просто нужно его найти. Мы синхронно запустили

генераторы. Но Майя говорила о запуске из… точно! Центра управления! Выходит, нужно подняться туда?

— А…

— Обороняйте пост! Свяжусь позже.

Рик прервал связь, покопался в электронном справочнике и нашел место активации ключа: центр управления Термополисом. Ладно, надо решить, что делать с самим талисманом. У него пока есть время, чтобы забрать вторую половину и вернуться сюда для завершения программы.

Фома стоял рядом и терпеливо ждал, глядя на Рика.

— Что?

Прол указал на ключ, на себя, потом взмахнул рукой, будто намекая о других комнатах. Рик попытался понять:

— Ты хочешь сказать, что заберешь вторую часть?

Фома закивал.

— А ты сможешь найти его?

Снова кивок.

— А если тебя поймают? Или случится еще что-нибудь, застрянешь в воздуховоде?

Фома разразился целой серией беспорядочных жестов, то и дело шлепая кулаком по раскрытой ладони.

— Нет, — покачал головой Рик. — Так не годится. Мы пойдем за ним вместе.

Он пожалел, что не взял с собой бласт. Рука по привычке потянулась к поясу и нащупала рукоять клинка. Рик поднялся из кресла и внимательно посмотрел на Фому. Тот указал на кресло и сделал странное движение, словно хотел подпрыгнуть. Снова указал на кресло и высоко подпрыгнул, раскинув при этом руки, взмахнул точно птица, изображая полет. А потом ткнул пальцем в потолок, покрутил, опустил руку, повертел головой и указал на одну из боковых галерей.

— Не понимаю.

Тогда Фома направился в галерею.

— Куда ты меня… — Рик осекся, велел Ахмеду никуда не отлучаться с поста и поспешил за пролом. — Фома, подожди! Что ты хочешь сказать?

Рик забеспокоился, сомневаясь, исправен ли прол.

И тут он увидел содержимое стеллажей. Ошибки быть не могло. В криокамерах находились колбы с миниатюрными зародышами. Рик прочел надпись на одной колбе: там помещался код ДНК, предполагаемый пол, раса, данные о родителях ребенка. Стеллажи с человеческими эмбрионами убегали в бесконечность.

— *Он* предусмотрел и это…

Фома повел Рика дальше. Они пропетляли в лабиринте и

очутились в комнате, похожей на операционную. В центре находился стеклянный саркофаг. Внутри лежал человек, у которого полностью отсутствовали гендерные признаки, волосы, и было гладкое, как у куклы лицо.

Да это же болванка, то есть заготовка, догадался Рик.

Прол снова начал жестикулировать, указывая попеременно то на себя, то на Рика, то на тело в стеклянной камере-саркофаге.

— Мне крайне трудно понять тебя. Зачем нам это тело?

Тогда Фома шагнул к терминалу в стороне, включил его и стал быстро набирать текст, выводя его на экран. С первых же строк Рик догадался, что предлагает Фома. Прол продолжал набирать новый текст, а когда закончил, Рик сказал:

— Думаешь, у нас получится?

Фома набрал в ответ: «Уверуй, ибо нелепо».

19

Рик чувствовал, как пространство наполняется едва слышным мерным гулом. На верхних уровнях первого эона далекий, зарождающийся рокот, набирающих мощь генераторов, почти не различим, но легкие вибрации пола все-таки ощущаются, если долго стоять без движения.

Ночь еще не закончилась, и поэтому коридоры были пусты.

Дверь в комнату Майи Каппа была приоткрыта. Самой Майи здесь не было — она спала глубоким сном в соседней комнате. Вместо нее на кровати лежала Аврора. Рик хотел прикрыть дверь, но сестра окликнула его по имени, и он замер в проходе.

— Это ты? — Аврора приподнялась на кровати. — Почему не спишь?

— А ты почему?

— Приснился дурной сон. Посиди со мной.

Рик проскользнул в комнату, шагнул к кровати и присел на край, глядя на сестру. Повинуясь старой привычке, из экономии они не стали зажигать свет. Аврора заключила Рика в объятия, прильнув щекой к груди. Рик пригладил ее растрепанные волосы: лоб Авроры показался ему слишком холодным и влажным от пота, несмотря на явную духоту.

— Что тебе приснилось, малышка?

— Что пришли черные люди и забрали тебя и дядю Киото, а меня посадили в яму.

— Это просто сон. Не бойся.

— У них не было глаз. И носов тоже. Одни рты.

Рик уложил сестру и укрыл одеялом:

— Я побуду с тобой.

— Не уходи никуда.

— Хорошо. Рассказать тебе сказку?

Повисла пауза: Аврора явно боролась с искушением. Потом решительно заявила:

— Нет. Я помню их все. Я думала, что никогда тебя больше не увижу. Мне было очень грустно, когда ты ушел. Дядя Киото все говорил, что скоро вернешься, но я ему не верила. — Она вздохнула. — Дядя Киото зачем-то заставил меня выучить слова про папу. Перед тем как пришли чужаки и забрали меня сюда.

— Какие слова?

— Сейчас. — Она помолчала, собираясь с мыслями. — Вот. «Рик, твой отец жив, и он находится внизу, там, где кончается Омега и Аква, и еще ниже. Пароль — бесконечность».

На этот раз настала очередь Рика, собираться с мыслями.

После недолгих раздумий он спросил:

— Это все?

— Да. Папа жив? Или это шутка такая?

— Не знаю, Аврора. Спи.

Сестра завозилась в сумраке комнаты. Он просидел подле нее с полчаса, а потом прокрался к выходу. В полной тишине закрыл за собой дверь, чувствуя на спине взгляд внимательных глаз…

Забрать другую часть ключа, оставленного в своей комнате, не составило труда. Майя крепко спала и не слышала, как он заходил. Ну хоть здесь ему повезло и не пришлось объясняться.

Во второй раз путь по узкому карнизу оказался легче. И дело не в том, что Рик смотрел в стену, а ветра почти не было. Изменилось восприятие. Казалось, он не стоит, а лежит плашмя на огромной плоскости и должен попасть в глубокую нору. Забравшись в нишу перед входом в коридор, он взглянул в пропасть.

Тьма отступала. Внизу разливалось бледно-желтое сияние, окрасившее серые стены нижних секторов в медь. Кроме того, расселина стала в некоторых местах уже. Между сегментами возникли сведенные створы; стоявшие много лет открытыми врата сработали в определенный час. И Рик хорошо знал тому причину.

Пропасть явно ожила. До слуха доносился отдаленный рокот ворочавшихся механизмов и гул генераторов, разгонявших энергию по магистралям, словно кровь по жилам гигантского организма.

Не теряя больше времени, Рик побежал по коридору в Звездный зал, а оттуда — в восточное крыло, чтобы попасть в комнату генной инженерии. Тело в саркофаге почти закончило свою трансформацию, он уже узнавал знакомые черты. Подключивший себя к компьютеру Фома лежал на придвинутом к саркофагу столе. Маска была наполовину срезана с головы, обнажив верхнюю вскрытую часть пластикового черепа и вьющиеся оттуда провода.

Рик вернулся вовремя, взглянул на экраны. Моделирование клона с ДНК Рика почти завершилось. Когда процесс подошел к концу, он посмотрел на прола. Тот лежал без движения. Рик приблизился к столу вплотную — в темных линзах окуляров больше не горели красные огоньки. Теперь тело прола — всего лишь пустая оболочка.

Раздалось тихое шипение, Рик повернулся — стеклянная крышка саркофага откинулась, с щелчками от тела клона отсоединились трубки с питательным раствором, клон резко сел и взмахнул руками, едва не свалившись на пол. Рик вовремя

подхватил его за руку и помог встать на ноги.

Старая одежда, предусмотрительно захваченная из комнаты, оказалась новоиспеченному Фоме в пору. Он облачился в выстиранную форму Патруля Коммуны сектора Омикрон и посмотрелся в зеркало на дверце шкафа, потом повернулся к Рику.

— Неплохо, — одобрил тот.

— На первое время сойдет, — неожиданно ответил Фома и начал разминать руки и ноги, привыкая к новому телу. — Срок годности небольшой, но это неважно. Главное — выполнить задачу.

— Ты хотел бы вернуться в свою прежнюю оболочку? — Рик не сильно удивился, что Фома разговаривает, клонирующая программа и новое тело располагали подобной функцией.

Фома равнодушно взглянул на свое прежнее тело, затянутое в оранжевую робу, и произнес:

— У меня отсутствуют желания. Я выполняю заложенную в меня программу, решая задачи в приоритетном порядке. Сейчас старое тело мне не нужно.

Они вышли из комнаты в Звездный зал.

— Ты взял вторую часть ключа? — на ходу уточнил Фома.

Рик показал ему фрагменты крестовины. Фома забрал у него обе части и ловко соединил их. Получился крест из тусклого металла с едва заметными, высеченными узорами на ребрах.

— Запуск программы синхронный, — объявил Фома. — Таково условие протокола безопасности. Одно устройство ввода находится в центре управления наверху, другое — внизу, на нулевом, подземном уровне.

— Но ключ-то один.

— Да. Один в двух терминалах. Альфа и Омега, которые складываются в бесконечность.

И Фома указал на крестовину, где был выгравирован символ. Затем надавил на выемку в ключе, и крестовина разделилась надвое. Одну половину Фома вручил Рику и продолжил:

— Теперь надо решить, кто куда отправляется.

— Как попасть вниз?

— На главном лифте. Но подъемники заблокированы. Система консервируется перед переходом на новый уровень самообеспечения. Термополис адаптируется перед запуском программы, жилые и складские секторы перемещаются к вершине. Технические — вниз.

— Эоны еще не изолированы.

— Спускаться через секторы рискованно и долго, не говоря уже о промежуточных сегментах между эонами. Поэтому есть

единственный вариант. Простой и быстрый.

Они сказали это одновременно:

— Через внешнее пространство.

— Верно, — кивнул Фома. — В секторе Альфа находятся ангары для летательных аппаратов. Нужно взять один и подлететь к подножию Термополиса. Там выстроен периметр, внутри которого есть шахты, ведущие в подземные бункеры. Один из них связан переходами с нулевым сектором. Дверь заблокирована и откроется по генетическому коду и паролю. Внутри есть зал управления. Я сделаю это сам.

— Нет. — Рик покачал головой. — Это сделаю я. Ты обязан выполнять мои приказы.

— Это рискованное решение, — заметил Фома. — Вероятность твоего успеха примерно пятьдесят на пятьдесят. У меня шансы будут выше. Мы не имеем права на ошибку.

— Архитектор же сказал, что я был не первым. Значит, и не последним. Попытаешь счастья с кем-нибудь еще.

— Я не понимаю, почему ты настаиваешь. — Фома равнодушно хлопал глазами, на его лице не отражались эмоции.

— У меня есть на то причины. Я справлюсь, ты же помнишь — я прошел ускоренный курс обучения, поэтому новых знаний должно хватить. Позаботься о моей сестре и Майе. Будь осторожен с Парижем. Попасть в центр управления — непростая задача, но я уверен, что у тебя получится. Пока у нас есть преимущество. Но через какой-нибудь час они поймут, что происходит, и поднимут тревогу.

— Согласен. Здесь неподалеку расположена шахта. Поднимемся по ней.

Он провел Рика к решетке широкого вентиляционного канала, легко вскрыл ее, и оба полезли вверх.

Вскоре гул генераторов заметно усилился. Рик постоянно сглатывал — закладывало уши. Они поднимались примерно полчаса, с короткими передышками, пока вверху не забрезжил свет в боковом ответвлении.

— Нам дальше, — сказал Фома ровным голосом, и они продолжили движение.

В шахте дул сухой и сильный ветер. С каждым уровнем температура повышалась, словно они поднимались навстречу раскаленной печи.

— Ты чувствуешь? — не выдержал Рик, утирая пот.

— Это система охлаждения Главного компьютера, — сообщил Фома. — Терпи.

Они лезли вверх, этаж за этажом. Во рту пересохло, мышцы рук и ног ныли от напряжения. Но Фома впереди словно не

чувствовал усталости. Спустя три десятка этажей Рик не выдержал:

— Ну что там? Долго еще?

— Тридцать этажей. Не сбивай дыхание.

Рик сжал зубы и решил прислушаться к совету. И действительно, стало чуть легче. Но, спустя некоторое время, усталость взяла свое. Рик тяжело засопел — пот заливал глаза, ладони соскальзывали с перекладин, вмурованных в стены.

Не хватало еще сорваться в самом конце пути.

— Почти добрались, — сообщил Фома сверху, будто прочтя мысли.

Рик так обрадовался, что промазал рукой мимо перекладины и едва не сорвался. В очередной раз выручил Фома: ухватил за шиворот и втащил в боковое отверстие, дал некоторое время отдышаться и помог встать.

Перед глазами вздувались и таяли цветные круги. Рик на время зажмурился, а когда открыл глаза, понял, что они находятся в… он бы назвал это ангарной палубой. Стены и пол покрыты тонким налетом инея. Рик наконец почувствовал, какой здесь холод, и пожалел об оставленной в комнате теплой куртке.

И это серьезная проблема — как теперь выйти наружу? Там же зуб на зуб не попадет, там он сразу замерзнет!

Фома, вскрыв широкую панель, уже копался во внутренностях ближайшей машины — серебристого приплюснутого аппарата с гладкими стреловидными крыльями и кабиной с прозрачным колпаком на носу.

— Что ты делаешь? — поежившись спросил Рик.

— Проверяю заряд. Поищи в ящиках, маркированных желтым ромбом, цилиндры-аккумуляторы синего цвета.

Рик отошел к ящикам и вскрыл один: там лежали необходимые Фоме аккумуляторы, но все их цилиндрические корпуса были пробиты чем-то острым, вероятно топором, и явно неисправны. Рик вскрыл остальные ящики — та же картина. Здесь кто-то похозяйничал до них. Корпус одного аккумулятора показался нетронутым, Рик бережно извлек его и крикнул:

— Есть один, остальные сломаны!

Фома кивнул и захлопнул панель на фюзеляже, перебежал к другому аппарату, стоявшему поблизости. Рик приволок аккумулятор и наблюдал за тем, как Фома оббегает все летательные аппараты на палубе, копаясь в приборных панелях.

— Плохо дело, — наконец заключил прол. — Вырваны важные детали. Кто-то специально испортил машины. Аккумулятор бесполезен.

— Тебе не холодно? — Рик потер озябшие ладони и сделал

несколько энергичных взмахов руками.

— У меня отключены нервные рецепторы.

— Завидую.

Рик подошел к закрытым створкам грузового лифта и нажал на кнопку вызова. Он не ожидал, что сработает, но створки плавно раскрылись, в кабине зажегся свет.

— Посмотрим, что наверху, — предложил Рик. — Это ведь многоуровневый ангар?

Фома кивнул. Они стали подниматься, но подъемник вдруг взвизгнул приводами и замер. Рик безуспешно нажимал на все кнопки, но кабина оставалась на месте. Они застряли. Он попытался раздвинуть створки руками, но не смог. Тогда Фома подпрыгнул и выбил ударом кулака технический люк в потолке. Они выбрались на крышу кабины и уставились в широкую шахту, подсвеченную аварийными огнями, где по соседству замерли на разных уровнях кабины лифтов. Откуда-то снизу доносился гул и завывания сработавшего сигнала тревоги.

— Тебе надо возвращаться, — сказал Рик. — Я позабочусь о себе.

— Я испытываю беспокойство насчет тебя. Уверен, что справишься?

— У меня нет выбора.

Фома смотрел на него пару мгновений. Рик знал, что прол сейчас производит анализ ситуации, заложенная в него программа расставляет приоритеты и взвешивает разные алгоритмы решений. Наконец Фома объявил:

— Хорошо, разделяемся. Я иду в центр управления Термополисом, ты ищешь способ проникнуть на нулевой уровень. Осмотри технику на других палубах. Запомни, вход в бункер находится в сегменте «О». Тебе нужен командный пункт.

Он указал на широкий проем, ведущий в ангарную палубу у них над головами, ухватился за трос соседнего лифта и шагнул в шахту. Быстро съехал на этаж ниже, вскрыл технический люк на крыше кабины и скрылся в проеме.

Рик, больше не мешкая, взобрался по тросу и вылез на палубу второго ангара. Здесь были летательные аппараты с длинными лопастями над фюзеляжем — вертолеты, название само всплыло в голове. Но даже беглого осмотра оказалось достаточно, чтобы понять: аппараты повреждены. Рик полез дальше, обследуя третий и четвертый ангары. На палубах гулял пронизывающий холодный ветер. В холодном, покрытым инеем закутке среди хлама ему удалось найти рабочую накидку с капюшоном.

На каждом уровне размещался определенный тип летательных аппаратов и техники, но найти исправный аппарат

по-прежнему не удавалось. Рик гнал от себя тревожные мысли. Поднявшись на самый верх, он замер, глядя сквозь прозрачный купол на голубое небо в разрыве облаков.

Внешнее пространство. До сих пор загадочный и пугающий мир, где раньше обитали люди. Мир, о котором он уже так много знает, но ни разу не бывал.

Рик не смог удержаться от искушения и пошел к столбу света, наискось пробивавшему облака и прозрачный купол. Так светит звезда по имени Солнце. Надо же — звезда! Он вошел в свет и зажмурился — так сильно обожгло с непривычки глаза. Рик знал, что смотреть на Солнце нельзя, иначе ослепнет, зато пространство далеко внизу было открыто взгляду, он повернулся к Солнцу спиной — заснеженная равнина простиралась на сколько хватало глаз. Сориентировавшись по сторонам света, определил, что очень далеко на востоке бугрятся горы, а вот на западе виднелись искусственные сооружения. Только неизвестно, обитаемы ли они, да и времени искать союзников во внешнем пространстве у него тоже нет.

Усмехнувшись собственным мыслям — не пройди курс ускоренного обучения, сейчас бы гадал, что вокруг — он быстро вернулся к аппаратам и остановился в раздумьях.

Снаружи донесся нарастающий гул, вибрация пола стала заметно ощутимей. Термополис готовился к запуску программы «Уран». Больше нельзя терять ни минуты, возможно, Фома уже достиг цели и ожидает сигнала, но повторно проверять машины особого смысла нет. Нужно, во что бы то ни стало, найти способ спуститься к подножию Термополиса.

Но как?!

Он осмотрелся. Не зря Архитектор сообщил, что Термополис — это ковчег, где собрали все достижения, все, что когда-то было изучено, выращено и создано руками человека. Взгляд остановился на темном дальнем углу, где виднелся контейнер с рифлеными стенками. Рик уже проходил мимо контейнера, но не придал значения надписям на нем. Он перешел с шага на бег, когда сумел разобрать буквы на дверцах и прочел: «Модель планера #21-2….». Какой именно индекс был у модели он так и не разобрал, цифры стерлись от времени, зато теперь появился шанс спуститься к подножию. Только бы удалось выкатить летательный аппарат из контейнера и после взлететь.

Вскрыв двери, он первым делом осмотрел фюзеляж — крылья были уложены здесь же, в отдельных коробах. Выкатить планер на палубу не составило труда. Аппарат оказался на удивление легким. Рик сумел вытащить крылья из коробов и самостоятельно загнать их в пазы на фюзеляже.

Теперь можно лететь. Но как и где открывается ангарная палуба?

В голове всплыли слова Фомы насчет консервации системы Термополиса. Вряд ли сейчас сработают какие-либо механизмы, раскрывающие створы — палубу с помощью электронных панелей управления не открыть. Да и где их искать?

Рик резко крутанулся на пятках, уставившись на вертолет в пятнистом боевом окрасе: под фюзеляжем закреплена длинная, управляемая из кабины, скорострельная пушка, на подвесках по бокам — ракеты.

А это выход! Осталось подать питание на вооружение машины и… Рик кинулся на нижнюю палубу за аккумулятором. На все действия у него ушло примерно четверть часа. Он даже думать о холоде позабыл, когда забрался в кресло боевого пилота и включил питание.

Тускло осветившиеся приборы и экраны сообщили о готовности и неисправности систем. Рик не стал дожидаться докладов, активировал вооружение, откинул крышки предохранителей на штурвале, выдохнул и вдавил все имеющиеся кнопки.

Под фюзеляжем оглушительно застрекотало, вертолет ощутимо вздрогнул, когда с подвесок с пронзительным шипением вперед ушли ракеты, оставив за собой дымные росчерки. И тут же на стеклянной стене впереди вспух ослепительно яркий огненный шар.

Рик зажмурился и машинально заслонил лицо рукой, отворачиваясь. Грохот взрыва оглушил, дохнуло копотью и гарью. Миг, и облако дыма всосало сквозь пробоину наружу.

Есть!

Рик выбрался из кабины и тут же бросился вперед, разгоняя, покатил к возникшей впереди пробоине планер. В голове билась одна мысль: только бы хватило ширины проема.

Только бы хватило ширины!..

За десяток шагов до края палубы, он запрыгнул в кресло пилота, захлопнул колпак и взялся за рукоятку управления планером.

Летательный аппарат бесшумно выкатился из пробоины и — ухнул носом вниз.

Сердце пропустило удар.

Рик выпучил глаза, заметив, как стремительно падает планер, скользя над отвесной поверхностью Термополиса. Миг ему казалось, что еще немного и планер чиркнет брюхом о стену, он машинально вжался в кресло, потянув рукоять управления на себя, и нос планера пошел вверх…

Он набирает высоту! Рик восторженно закричал, вытянул шею, глядя на проплывающую внизу равнину, такую бескрайнюю и великую.

У него получилось. Сумел выбраться и теперь летит! И совершенно перестал бояться высоты!

Рик улыбнулся. Ради сестры, ради Майи и Ахмеда, ради Корнеллиуса и Фомы, ради будущего людей, оставшихся в замерзающих эонах, он запустит программу.

Вскоре он заметил, что отлетел достаточно далеко от башни. Осторожно повел рукоятью управления в сторону, меняя угол наклона элеронов — и планер плавно накренился на один бок, уходя на вираж.

Термополис предстал перед ним — исполинская башня, подпирающая вершиной небо. Рик почти выровнял и немного сдвинул рукоять вперед; планер шел по большой дуге, плавно снижаясь. Постепенно взгляду открылась солнечная сторона, и стекло кабины само собой потемнело, приглушая нестерпимо яркий свет. По стенам Термополиса сходили волны снежных обвалов, целые секции вместе с обшивкой сдвигались в возникшие между сегментами просветы, наружу выдвигались стреловидные плоскости, вверх и вниз быстро перемещались платформы-подъемники с грузовыми контейнерами. Термополис адаптировался для запуска программы «Уран». Рик вытянул шею — внизу виднелась далеко выдающаяся за пределы основания башни надстройка, от которой тянулись бугристые лучи к кольцу-барьеру, опоясывающему территорию вокруг башни.

Рик не сразу понял, что снижается быстрее, чем предполагал. Только когда сооружения внизу стали стремительно приближаться, и он разобрал подробности, вроде приземистых надстроек, домиков с пиками антенн на крышах, резко выбрал ручку управления на себя. Но планер остался на прежнем курсе. Что-то заклинило элероны, возможно, изморозь, налипшая на крылья, а может случилась неисправность, Рик не стал гадать, начал готовиться к столкновению с землей, внимательно глядя вперед.

Вскоре он понял, что бугристые лучи — это высокие стены, делящие площадь вокруг башни на четыре сегмента. В центре сегментов возвышались пирамиды с хорошо читаемыми иероглифами на гранях.

Рик оценил высоту стен и осознал, что врезавших в одну из них на вираже, вполне может разбиться, все зависит от того на какой скорости произойдет столкновение и как будет далеко до земли.

В следующий миг планер пронесся над пирамидой со знаком

Дельты, затем со знаком «О», затем с перевернутой восьмеркой, и, наконец, с кругом, от которого в разные стороны отходили стрелы. Планер прошел над стеной, отделяющей секторы, внизу показалась очередная пирамида, только гораздо ближе. Через минуту-другую он приземлится, и перед этим надо как-то замедлить и выровнять полет.

На земле промелькнули останки летательного аппарата, раскиданные вокруг присыпанной снегом воронки. Рик подобрался, изо всех сил потянул рычаг на себя, но планер продолжал снижаться. Перенес через очередную стену и оказался над сегментом «О», но, учитывая направление полета, столкновение с другой стеной не избежать. Нужно замедлить и выровнять планер, пульсировала в голове единственная мысль. Нужно поменять угол наклона элеронов!

Рик задрал голову — колпак! Вполне сойдет за элерон. Он выдохнул, отщелкнул запорные механизмы по краям и откинул колпак.

Холодный ветер ворвался в кабину, обжег легкие. Нос планера резко пошел вверх, полет выровнялся на некоторое время, заметно снизилась скорость, но потом планер качнуло, резко развернуло и вновь бросило на крыло, на этот раз быстро и неумолимо. Рик лишь успел сгруппироваться, когда услышал скрежет, затем гулкий удар.

Тело бросило вперед, если бы не открытый колпак, ему бы свернуло шею о приборную панель, но инерция увлекла вперед, и он вылетел из кабины, спустя мгновение врезался в сугроб, чувствуя, обжигающий холод попавшего под одежду снега.

Но он жив! Мать-тьма — жив!!

Поднявшись, Рик охнул и припал на колено. Кажется, вывихнул. Но это ерунда, он сумел приземлиться в нужном секторе, осталось попасть в бункер и найти терминал, чтобы вставить ключ.

Доковыляв до ближайших ворот в основании надстройки, он задержался на миг, поднял голову. Гудящий Термополис величественно возвышался над ним, стены убегали ввысь, вершина терялась в дымке облаков.

Не теряя больше ни секунды, Рик смахнул снег с приборной панели у ворот и приложил к ней ладонь. Пару мгновений ничего не происходило, но затем в панели пискнуло, по экрану пробежала полоска, ладонь обожгло, Рик не стал отрывать руку, давая сканеру довести операцию до конца. Новый сигнал, и на экране возникла надпись «введите пароль».

Он ввел всего лишь один символ — бесконечность.

В стенах зажужжали приводы, с треском разомкнулись и

разъехались в стороны железные створы. Из темного проема дохнуло сухостью и пылью.

Рик шагнул во тьму.

20

Темнота побледнела и с неохотой уступила место серому сумраку. Рик находился на краю большой шахты, уходившей под землю. Он подошел к щитку и повернул выключатель. Зажглись лампы, освещая пространство вокруг: ребристые стены, испещренные разными табличками, коммуникации и трубы, двери, запертые сотни лет. Рик снял одну из табличек со стены, стер пыль. То, что надо — схема здания. А вот и путь в командный пункт. По вызову приехал подъемник. Не такой быстрый, как в башне, но крепкий и надежный на вид.

Рик стоял на платформе и разглядывал уплывавшие вверх этажи. Тонны стали, пластика, бетона, стекла. Километры проводов. И все собрано воедино, создано для одной цели.

Он вышел на последнем, нижнем этаже. Здесь повсюду виднелись следы разрушений. Пластины стен были вспучены, словно от тяжелых ударов, и в трещины просыпалась земля. Такие прорехи зияли повсюду, а в двух местах Рик заметил серьезные пробоины, куда бы легко пролетел планер. Он осторожно ступал по грязному полу, прислушиваясь к тишине. Здесь ощущалось чье-то присутствие.

Рик прошел так по короткому коридору до конца и остановился у приоткрытой двери с табличкой «Командный пункт», из проема сочился слабый свет. Попробовал войти, толкнув дверь, но ее заело. Тогда, взяв лом с пожарного щита, он сдвинул скрипнувшую ржавчиной створку и спустя пару мгновений очутился в зале с низким потолком. Пол под уклоном спускался к противоположной стене с широким экраном, перед которым находился вытянутый стол с вмонтированной в него панелью управления. Пункт явно был рассчитан на команду специально обученных людей. Рик медленно двинулся к столу, разглядывая пустые кресла, оснащенные персональными терминалами.

К запаху пыли и пластика примешался какой-то другой, слабый, но резкий, слегка щипавший ноздри. Знакомый запах, который могло источать некогда живое существо. Рик покрепче сжал лом — всякое может произойти, неизвестно, какая тварь здесь свила себе гнездо. Он обошел командный пункт и наткнулся на тело человека в дальнем углу.

Мумия. Иссушенное лицо с ввалившимися щеками и запавшими глазницами. Из приоткрытого рта с желтоватыми зубами, обрамленного клочковатыми комьями бороды торчит почерневший от времени язык. Пальцы мертвеца скрючены. В

лохмотьях, некогда служивших ему одеждой, Рик ничего не нашел. Он замер, глядя на останки, прислушиваясь к себе. Нет, в душе ничего не шевельнулось. Это был просто скелет, прикрытый высушенной плотью. Это явно не отец.

И тут Рик заметил на стене надпись. Несколько слов, криво выведенных черным:

«Alea iacta est»[1].

Рик вернулся к панели управления и активировал ее. Загорелись экраны, замигали лампочки. Он скинул с себя накидку и стал ждать, когда местный компьютер установит связь с системой Термополиса. Техника работала исправно; здесь древним мастерам не было равных. Прежде, чем Рик вошел в систему и соединился с центром управления, на экране появилась надпись: «Видеосообщение».

Рик включил послание.

На экране возник мужчина с куцей бороденкой, редкой шевелюрой и болезненного вида лицом — под глазами круги, шея тонкая, худые плечи. Незнакомец произнес:

— Говорит старший диспетчер сектора «Инфинити» Жан Молинье. Они все сошли с ума. Все. Я забаррикадировался здесь, в командном пункте, и они ушли три дня назад. Я знаю, что они вернутся, и надеюсь, к тому времени покину этот мир. Поэтому слушайте. Эпидемия накрыла нас полгода назад. Сначала мы думали, это бешенство, но вакцина не помогала, заболевших становилось все больше и больше. Никто не понимал, что происходит. Правительство ввело карантин, но и это не помогло. Нам кололи все новые противовирусные препараты, но и они оказались бессильны. Зараженные появлялись повсюду. Симптомы у болезни такие: вначале легкое головокружение и тошнота, примерно пару дней, потом начинаются расстройства сна, сильно болит голова, наступает расстройство памяти. Зараженный забывает имена и названия, путает время и числа, не способен считать, не может читать, боль в голове только усиливается…

Жан облизал пересохшие губы и успокоил участившееся дыхание.

— Это кара господня. Наказание людям за то, что осмелились осквернить Его славу. Господи, прости нас грешных, прости… Боль. Она терзает зараженного все время, то слабее, то сильнее, но никогда не отступает. Это длится неделю или две. А потом больной сходит с ума. Больной путает сон и реальность, речь становится бессвязной, зараженный не понимает, что происходит вокруг, и утрачивает контроль над разумом, потому что мозги

превращаются в кашу! Зараженный не способен мыслить, становится животным, который постоянно хочет жрать. О боже мой, боже мой!..

Жан всхлипнул, слезы покатились из светлых глаз, но он все-таки нашел в себе силы продолжить:

— Болезнь поразила нас всех. Теперь вопрос времени: кто-то уйдет раньше, кто-то позже. Верхние секторы уже изолировались и отказываются принимать беженцев. Обезумевшие люди прыгают прямо в центральную шахту. Каждый день роботы-уборщики отскребают от пола то, что осталось от трупов. Дно шахты залито кровью. Неделю назад на меня напал подчиненный. Кто-то из граждан пытается выбраться наружу, но двери и ворота заблокированы. Они сходят с ума и нападают на здоровых людей. Они кричат. Не переставая, кричат от боли, среди них есть даже дети. У нас перебои с водой, запасы еды кончаются. Бежать некуда. Рабочие с периметра потребовали выпустить их, но мы сказали, что не можем. Тогда они напали на нас. Двоих моих сотрудников забили насмерть. Мы еле отбились и заблокировали двери. Последние дни были особенно тяжелыми. Мои сотрудники сидели на полу с остекленевшими глазами, и я не знал, остались они людьми или разум покинул их. Еда кончилась четыре дня назад. Потом они попытались схватить меня. Я еле вырвался и заперся здесь.

Жан вытер лицо рукавом. Помолчал и закончил:

— Тем, кто смотрит это сообщение, знайте. Мы исполняли свой долг до конца.

Запись прервалась. Рик понял, чье тело лежало в углу. Пискнул сигналом компьютер, подключившейся к системе. Рик набрал несколько команд и связался с центром управления. Вывел изображение на широкий экран: те же ряды кресел и люди, сидящие в них за длинным столом. Чуть поодаль виднеются тела, лежащие у входа — несколько операторов, распластавшихся на полу. За главным пультом сидит Крез, закинув ноги на стол. Завидев Рика, он выпрямился, и на мгновение его лицо исказил страх. Потом Крез совладал с собой и спросил:

— Рик?

Рик все понял без объяснений. Тела убитых говорили за себя. Крез быстро глянул вбок и снова на Рика.

— Это ты или нет?

— Я.

— Ха! Ничего себе! Тогда кто это?

К Крезу подвели Фому.

— Мой двойник, созданный машинами.

— Вон оно что… — протянул впечатленный Крез. — Очень

интересно.

Рик ждал.

— Что молчишь? Как дела?

— Спасибо, хорошо.

— Чудесно! — кивнул повеселевший Крез. — А мы тут решили навести порядок. Помнишь, я говорил тебе про экспедицию за барьер? Ну так вот: мы ее совершили и вполне успешно. Я как раз хотел рассказать тебе правду, но все сложилось иначе. Ты сбежал с этими варварами.

Рик напряженно глядел на экран.

— Я уж подумал, что сцапал тебя, да смотрю: что-то с тобой не то. Этот парень не желает разговаривать, сколько мы ни просили его. — Крез качнул головой в сторону Фомы, лицо которого покрывали синяки и ссадины. — Может, ты прояснишь, что к чему?

— Возможно, — медленно ответил Рик.

Крез показал ему половинку ключа.

— Что это?

— Ключ для программы «Уран».

— Что такое «Уран»?

— Это спасение для всех нас.

— Не ври мне.

— Мне незачем врать тебе, Смотритель.

Крез всматривался в экран, соображая, врут ему или нет, и эта беспомощность позабавила Рика.

— Чего лыбишься? — воскликнул Крез.

— Послушай, — Рик резко подался вперед, и Крез невольно отодвинулся, — я не знаю, что ты сделал с Парижем, меня это не интересует, но позволь узнать, к чему эти жертвы?

Крез ухмыльнулся и разразился напыщенной речью про избавление Коммуны от холода и переселение ее наверх. Это задача первостепенной важности, заверил он. Дальше следует взять управление Термополисом в свои руки и навести порядок во всем обитаемом пространстве, сверху донизу, безжалостно уничтожить мутантов и прочих выродков, запустить генераторы тепла, вычистить уровни и зажить по-человечески, под единым открытым началом. Паразитизму Эпсилона пришел конец. Крез давно вынашивал план своей грандиозной революции, и вот, когда Хорда ожила, он приказал атаковать. Они убили жрецов-наместников, и, пользуясь совещанием у Парижа, вместе с Аркадием взяли Председателя Совета в заложники, заставив снять защиту с эона.

Пока Смотритель расписывал подробности своего дерзкого переворота, Рик незаметно набрал несколько команд на

клавиатуре и вывел в отдельном диалоговом окне систему активации программы «Уран».

«Ключ на старт» замигала в окне надпись.

— Что это? — Крез со своего места тоже заметил открывшееся окно на экране.

— Это ключ от будущего, — спокойно сказал Рик.

— Что ты хочешь сделать?

— Ты до сих пор не понял?

Крез щелкнул пальцами, к нему подвели Майю. Он бесцеремонно дернул ее за руку, заставив пригнуться и приставил ручной бласт к голове.

— Не смей, щенок. Иначе вышибу ей мозги! Потом застрелю твою сестру!

Рик замер перед пультом, держа руки над клавиатурой.

— Будешь делать, что я скажу, — криво усмехнулся Крез. — Усек?

— Да.

— Что произойдет после запуска программы?

— Включатся генераторы, — соврал Рик. — Термополис разогреется от полученной энергии.

Взгляд Креза заметался по сторонам — их разговор слышали окружающие.

— Нет. Запуска не будет. Нам хватит энергии первого эона, а ключи оставим как запасной вариант. Пока не поздно, возвращайся в Коммуну. Все твои проступки мы забудем. Рик, я сделаю тебя своим заместителем. Вторым человеком. Коммуна распространится на весь Термополис! Мы будем управлять им, как захотим. У нас будет все, понимаешь?

— Не совсем…

— Мы установим свои порядки! Все будет по закону и справедливости.

И когда Крез договорил эти слова, Фома вырвал из его руки ключ и воткнул в разъем на панели.

Возникла свалка. Раздался оглушительный выстрел. Рик вставил свою часть ключа в разъем. Пиликнул громкий сигнал, и металлический голос произнес:

— Внимание. Запущена программа «Уран». Всем членам экипажа и пассажирам просьба занять места в отсеках и пристегнуться. Время до старта составляет тридцать минут. Запущен обратный отсчет.

На всех работающих экранах появился таймер, начавший отсчет.

— Что это?! — завизжал вновь возникший перед экраном Крез. — Что ты сделал?

Рик пока еще не осознал, что он сделал. Он лишь почувствовал, как вздрогнуло основание Термополиса, при этом и без того громкий гул усилился, словно под башней внезапно пробудился спящий вулкан.

— Останови это! — Крез тряс бластом перед экраном. — Немедленно прекрати!

— Не могу, — спокойно ответил Рик и улыбнулся.

Догадка наконец поразила Креза. Его лицо вытянулось от удивления, словно у ребенка, вдруг получившего заветную игрушку.

— Ты запустил не генераторы, — свистящим шепотом выдохнул Крез.

— Они были запущены до того, — сообщил Рик. — Пуск генераторов — первый этап программы «Уран», который я осуществил, находясь еще в секторе Тау и Сигма.

— Что это за программа? Что за программа? Говори! — прокричал Крез, брызжа слюной.

— Я не знаю, — сказал Рик и расхохотался.

— Что? Поганый щенок! Надо было прикончить твою мать еще тогда! Почему ты…

Но Смотритель не успел договорить, Майя огрела его стулом по голове. Крез рухнул, как подкошенный, Майя сплюнула в его сторону и повернулась к экрану.

— Рик! Великая Ось! Что ты сделал? Я думала, ты здесь!

— Майя, все в порядке! С вами наверху, это Фома. Мы сумели переместить его… душу в тело моего двойника, чтобы обмануть Парижа.

— Если так, то Фомы больше нет, — с сожалением сказала Майя. — Крез застрелил его.

Внезапно в выскочившем диалоговом окне появилась надпись «эвакуация командного пункта». И высветилась схема эвакуации со стрелками, указывающими путь и сообщением, что данная схема дублируется в каждой комнате и коридоре в виде настенной таблички и указателей.

— Рик! Где ты находишься?

— Внизу, под Термополисом, на нулевом уровне. Я запустил «Уран». Дождись меня, скоро буду с вами!

— Рик. — Майя протянула к нему руки. По ее щекам текли слезы. — О, Рик… У меня нехорошее предчувствие, поторопись.

— Я возвращаюсь!

— Я хотела сказать тебе… Прости меня!

Но Рик ее не услышал, он уже покинул командный пункт. Выскочив в коридор, замер, прижавшись к стене — к командному пункту двигались люди.

— Стоять! — рявкнул один и вышел под свет лампы.

Это был Иешуа.

— Что ты здесь делаешь? — удивился Рик.

— Не ожидал? — обрадовался Иешуа. — Мы следили за вами с самого Омикрона.

Рик был сбит с толку.

— Ну и рожа, — потешался Иешуа, направив на него бласт. — Ладно, подними руки и встань лицом к стене, только без глупостей.

— Вы опоздали, — объявил Рик, показывая пустые ладони. — Программа запущена.

— Как запустил, так и остановишь. К стене! — скомандовал Иешуа.

— Вы не понимаете…

Иешуа ударил Рика прикладом в грудь. Рик вскрикнул от боли и припал на одно колено, оценивая шансы: четверо против одного, со всеми не совладать. Его ухватили за плечо, рывком приподняли и развернули к стене, обшарили карманы, вытащили из ножен клинок.

Все это время Иешуа ругался, в какую вонючую дыру их занесло.

— Как вы попали в Эпсилон? — задал вопрос Рик, когда его развернули лицом к Иешуа.

— Не твоего ума дело, — огрызнулся тот и добавил: — Засранец! Не будь приказа доставить тебя живым, я бы размазал тебя здесь по стене тонким слоем.

Рик внимательно следил за всеми четверыми и за тем, что происходило позади них.

— Кишка у тебя тонка, — сказал он.

— Что-о? — Лицо Иешуи вытянулось от такой наглости.

— Что слышал. Ты самый обычный трус!

Иешуа затрясся в приступе злости:

— Ну, держись, ублюдок! Сейчас так тебя разукрашу, мать родная не узнает…

За спиной у него раздался пронзительный вопль. Все обернулись. Замыкавший отряд боец быстро исчезал в дыре вперед ногами, цепляясь за стены, и громко кричал. Двое других кинулись за ним, но не успели — несчастного засосало в черноту коридора, и только отчаянный крик некоторое время слышался оттуда.

— Бог Машины, спаси нас! — прошептал один боец, осенив себя ритуальным знамением.

— Что это было? — прошептал Иешуа.

Не успели они опомниться, как новый крик раздался в

коридоре. Склизкое змеиное тело обвило новую жертву, затаскивая ее на этот раз в отверстие воздуховода под потолком.

— Помогите! — проорал обреченный и мгновенно затих, исчезнув в дыре.

Никто не успел вымолвить и слова, как третьего бойца поперек схватила широкая зубастая пасть червеобразной твари. Иешуа испуганно с визгом отскочил в сторону двери командного пункта. Рик воспользовался моментом и ударил его кулаком в живот. Иешуа согнулся пополам, Рик выбил у него бласт, но разбираться дальше не стал и рванул изо всех сил к спасительному выходу из коридора.

Некоторое время он петлял по бункеру, следуя указаниям стрелок на табличках, пока не выбрался в залу, в конце которой начинался подземный туннель с рельсами, убегающими в темноту. В тоннеле стоял небольшой вагон с открытыми проемами по бокам. Похоже, именно этот вагон должен доставить эвакуирующихся из командного пункта наверх.

Рик запрыгнул внутрь и прошел к пульту в передней части кабины. Там приложил ладонь к сканеру, после чего высветилось системное сообщение с предложением запустить двигатель. Рик одобрил команду — автоматика сработала четко, и вагон плавно покатил вперед, все больше набирая ход.

Ухватившись за поручень, Рик высунулся наружу, глядя назад — в зал выбежал Иешуа, вскинул бласт, но выстрелить не успел, за спиной возникла червеобразная тварь, раззявила пасть и ухватила его сверху, целиком заглотив голову.

Вскоре вагон ощутимо разогнался. Рик ожидал, что рельсы вот-вот пойдут вверх и тоннель выведет на поверхность, даже начал раздумывать над тем, как уберечь близких от людей Креза, если тот вдруг очнется и снова завладеет ситуацией.

Но вагон продолжал движение, все увеличивая скорость. Мимо проносились стены тоннеля, изредка окрашенные светом тревожно моргающих фонарей. Скорость при этом продолжала нарастать. Рик вцепился в поручень, напряженно глядя вперед. По всем расчетам он давно должен оказаться наверху в Термополисе. Он нужен Майе и Авроре!

Но тоннель не кончался. Тогда Рик прошел в кабину и приложил ладонь к экрану на пульте управления.

Отказ системы.

Что?!

Он снова попытался взять управление на себя, но автоматика не позволила.

Вагон разогнался так, что сигнальные фонари на стенах слились в одну пульсирующую красную линию.

Мать-тьма! — по привычке мысленно воскликнул Рик. Куда же ведет этот тоннель?

Спустя несколько минут скорость начала плавно угасать. Вагон ощутимо замедлялся. Рик всматривался вперед, пытаясь понять, в каком секторе оказался. Наконец вагон подъехал к пандусу и остановился, скрипнув тормозными колодками.

Рик выскочил наружу и оглядел каменные своды пещеры, из которой наверх вела широкая скругленная лестница. Под потолком, свисая на проводах, тускло горели редкие лампы. Не дожидаясь, когда произойдет что-нибудь непредвиденное, Рик побежал по лестнице вверх.

Ступени лентой вились в скальной толще. Какое расстояние он преодолел, Рик точно не знал, спустя несколько минут, в конец запыхавшись, он выбрался в каменный зал. Здесь тоже горели огни, но света не хватало — не все лампы находились в рабочем состоянии. Пол в зале заметно вибрировал, с потолка сыпалась мелкая крошка. Рик замер на миг, вслушиваясь в далекий рокот, доносившийся сверху.

К свету ламп добавилось белое мерцание. Рик обернулся — у противоположной, необычайно гладкой стены сиял экраном и мигал диодами терминал. Не задумываясь, Рик кинулся к клавиатуре, но система предложила ему на выбор лишь несколько команд, никак не связанных с Термополисом. В итоге, выбрав одну, он замер, глядя перед собой на сдвигающиеся стальные створы.

Рокот к тому времени усилился до громовых раскатов. Рик невольно ухватился за край пульта и с опаской взглянул на потолок. Как бы не треснули своды и не угробило камнем…

Мягкий красноватый свет заходящего Солнца проник в зал сквозь толстое свинцовое стекло. Металлические створы окончательно разъехались, открывая взгляду равнину, над которой в склоне скалы находился наблюдательный пост.

Термополис, по-прежнему огромный, как гора, возвышался напротив, но до него было далеко, слишком далеко, чтобы успеть вернуться.

Башня сильно изменилась внешне. Верхняя ее часть теперь выглядела иначе, тонкая словно стержень с продолговатыми наростами в нескольких местах.

Тут же вспомнились слова Фомы насчет адаптации Термополиса. Догадка сразила Рика.

Он закричал от бессилия.

У основания стержня клубились облака пара, солнце играло бликами на обшивке, рокот усиливался с каждой секундой, пол под ногами содрогался. Рик пошатнулся, едва не потеряв

равновесие, его спасло, что по-прежнему держался за пульт.

Таймер на мониторе отсчитывал последние мгновения до начала программы «Уран». Когда в строке застыли только нули, полыхнула надпись «адаптация завершена», следом высветилось слово «СТАРТ».

Термополис вздрогнул. Рик снова пошатнулся, когда под основанием стержня вспыхнуло второе Солнце. Стекло мгновенно потемнело, спасая глаза от яркого свечения, давая возможность рассмотреть подробности.

Рик застыл не дыша. Свет становился все ярче, не спасало даже искусственное затемнение, но Рик продолжал смотреть, как стержень, извергая из основания море огня, отрывается от гигантской конусовидной платформы и всплывает над равниной.

Мир трепетал вокруг. Казалось, небо вот-вот расколется пополам. Но случилось неизбежное — Термополис поднимался все выше и выше, набирая скорость, ударяя огненной струей по равнине, сметая постройки под собой.

Вскоре клубы дыма и пара докатились до наблюдательного поста, Рик вытянул шею, привстав на носках, пытаясь до последнего проследить направление полета, но обзор за окном неумолимо заволокло непроглядной пеленой, и взлетевшая башня скрылась из глаз.

Прошло немало времени, прежде чем улеглась вся пыль и Рик Омикрон смог выбраться наружу, чтобы разглядеть далекую звезду, тускло блестящую среди других таких же, появившихся на вечернем небосклоне.

Он смотрел в небо до тех пор, пока не спустилась ночь, и нестерпимый холод не заставил вернуться в укрытие.

— Я найду вас, — шептал он, стоя перед окном. — Как бы ни было огромно Пространство.

notes

Примечания

1

Жребий брошен (*лат.*).